

Индекс **П8643**

6
2020

РОССИЯ XXI 2020 6

РОССИЯ XXI

6. 2020 ноябрь-декабрь

Страницы истории

Елена Жбанкова

Хореографический досуг на Руси
(что и как танцевали наши предки?) _____ 6

Оксана Киянская

«Люди двадцатых годов». К биографиям
Матвея и Сергея Муравьевых-Апостолов. Часть II ____ 28

Кирилл Соловьев

Генезис либеральных политических партий
в России начала XX в. _____ 72

Ярлыки и мифы

Светлана Лиманова

«Народного цвета у нас нет». Символы власти
и символика революции в Москве 1905 года _____ 84

Андрей Юрганов

О первом опыте политического
зомбирования в сатирическом журнале
«Крокодил». Август 1927 года _____ 100

Россия в мире

Михаил Ковалев

Российско-португальские научные связи
на рубеже XIX–XX вв. и Франсишку
Афонсу Шавиш (1857–1926) _____ 116

Актуальный архив

Нина Хайлова

«Будем надеяться, что ... солнце
здорового смысла заглянет и к нам»:
Либералы-центристы от февраля
к октябрю 1917 г. _____ 138

РОССИЯ XXI

Редакционный совет

Председатель – **Дегоев В.В.**, доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Мильков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ.

Журнал «Россия XXI» включен
в утвержденный ВАК Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Петрова И.Н.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрику на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов). Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

Чувство радости, которого искали стоики, лучше всего можно описать как беспредметное наслаждение – не чем-то конкретным, а всем вообще. Это удовольствие от причастности к жизни.

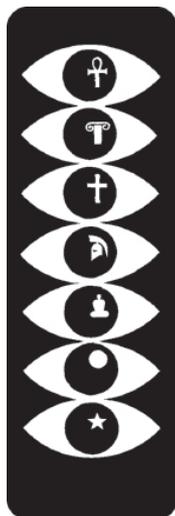
Уильман Ирвин

В отношении мифа и истории миф совершенно очевидным образом оказывается первичным, а история – вторичной и производной. Не история определяет для народа его мифологию, а, напротив, – мифология историю – или, вернее, она не определяет, а сама есть судьба народа, выпавший ему с самого начала жребий.

Эрнст Кассирер

Требовать невозможного, чтобы добиться возможного, – не всегда бесплодная линия.

Ханна Арендт

Елена Жбанкова

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ХОРЕОГРАФИЧЕСКИЙ ДОСУГ НА РУСИ

ЧТО И КАК ТАНЦЕВАЛИ НАШИ ПРЕДКИ?

УДК

351.858

На Руси после принятия христианства танцевальная практика запрещалась православной церковью как наследие язычества и из опасений влияния католичества. Культура бального танца утвердилась в жизни русского человека только на рубеже XVII–XVIII вв., в период петровских бытовых реформ. В это время салонная хореография в Европе находилась на высокой степени развития, и России пришлось приложить немало усилий, чтобы достичь этого уровня, продолжая преодолевать сопротивление церкви.

In Russia, after the adoption of Christianity, dance practice was prohibited by the Orthodox Church as a legacy of paganism and out of fear of the influence of Catholicism. The culture of ballroom dance was established in the life of the Russian people only at the turn of the XVII–XVIII centuries, during the Petrine household reforms. At this time, salon choreography in Europe was at a high stage of development, and Russia had to make a lot of effort to reach this level, continuing to overcome the resistance of the Church.

Ключевые слова: язычество; пляска; бальный танец; трактат; реформы; правила.

Key words: paganism; dance; ballroom dance; treatise; the reforms; rules.

E-mail: evzbankova@mail.ru

«В палате средней Государя нашего написан образ Спасов, да тута же близко от него написана жонка, спустя рукава кабы пляшет, а подписано под нею: блужение...»

Михневич В. Исторические этюды
русской жизни

Организованное телодвижение с незапамятных времен доставляет человеку огромное удовольствие. В первую очередь, речь идет о танце. В Древней Руси термина «танец» не было, подобные движения назывались пляской. Пляска – одно из самых давних и примитивных проявлений образного мышления и иллюстрация человеческих эмоций. Пляска играла особую роль в коллективной жизни первобытных людей, являясь универсальным средством коммуникации, способом, позволявшим людям лучше понять друг друга в разных ситуациях. Только при помощи определенного, строго соблюдаемого набора условных движений, иногда в сочетании с определенной музыкой и пением, человек мог воспроизвести полученные им впечатления и передать необходимую информацию в доступной ему художественной форме.

Исследователи-антропологи делят древние танцы на четыре группы: религиозные, военные, бытовые и эротические.

В бытовых танцах отражаются основные трудовые процессы и обиходные обряды, принятые в каждой конкретной местности. К ним относятся охотничьи и рыбацкие пляски, танцы, имитирующие сельскохозяйственные процессы, обрядовые свадебные танцы, танцы, принятые на похоронах и пр. Этот вид древних плясок служит основой современных вариантов народно-характерного танца.

Военные пляски отображают готовность племени идти на борьбу с другим племенем, являются общепринятым ритуалом перед началом битвы. Из широко известных ныне танцев, например, украинский «Гопак» считается эволюционным итогом военной пляски [1, с.8].

Украинский «Гопак»

Эротические танцы всегда служили для облегчения процесса сближения полов. Это наиболее устойчивая причинная разновидность хореографии, сохранившая свое первобытное значение и до наших дней. В видоизмененном виде эротический танец явился основой для возникновения в мировой культуре понятия общественных или салонных (бальных) танцев.

Подобное истолкование роли первобытных плясок в истории человечества довольно условно, и деление плясок на виды, и выводы о том, основой каких танцев в будущем они являются, также весьма приближительны. С большей долей достоверности можно сказать, что у большинства народов наиболее значимой, устойчивой и подчиняющей себе другие виды плясок, была пляска религиозная. Она была самой торжественной и представляла собой часть выполнения разных обрядов в ходе отправления религиозного культа. Универсальный танец культового происхождения – хоровод, посвященный солнцу, под разными названиями встречается практически у всех народов и до сих пор является важным элементом хореографических построений.

Пляски Древней Руси

В Древней Руси на раннем этапе язычества, как и во многих других странах, многочисленные торжества включали в себя самое широкое пиршество и игрище, сопровождаемые многочисленными и разнородными плясками.

Из Радзивилловой летописи. Игрища

Языческие праздники подчинялись сельскохозяйственному календарю, их названия зачастую говорят сами за себя: еженедельные праздники «света», ежемесячные коляды, праздник первых ростков, «семик» или Ярилин день, летние и зимние русалии, праздник Купалы, праздник Перуна, начало жатвы, праздник первых плодов и пр. [11, с.657–675].

Кульминацией народных языческих праздников были русалии, именно во время них больше всего плясали в древней Руси. «Русальские игры» состоят в хороводах и разнообразных танцах и прыжках. Танцы ведутся в быстром бешеном темпе, когда кажется, что русальцы не касаются земли. Главным мотивом являются разнообразнейшие формы извивания... Пляска сопровождается восклицаниями, вскриками. Игра завершается тем, что русальцы доходят до исступления и падают «без чувств» [11, с.680].

Русальские игры

Религиозные танцы у разных народов

Самым ярким примером могут явиться обрядовые танцы древних

Религиозные пляски исполнялись человечеством задолго до появления на исторической арене восточных славян и древнерусских народов.

иудеев. Общеизвестно, что Ветхозаветный Моисей, переведший евреев через Черное море, был встречен «тимпанами и ликованием», а пляски сопровождали поклонение золотому тельцу.

Поклонение Золотому тельцу

Важную роль в античной жизни играла хореографическая культура Древней Греции. Танцы имели огромное значение и как часть религиозного культа, и как часть общефизической подготовки молодежи, о которой в других странах заботились не столь тщательно. Во времена Ликур-

Танцы древних греков

га танцы считались отличным воспитательным средством и обучались им не только мальчики, но и девочки [9, с.106]

Христианская религия вначале допускала и признавала священные пляски, следуя языческой и иудейской традиции. На картинах многих средневековых художников, например Эль Греко, есть изображения танцующих ангелов, и это дает возможность предположить, что если ангелы на небе не стыдятся заниматься танцами, то это – Богоугодное дело.

Эль Греко. «Видение Филиппа II»

С XI в. католическая церковь вводила в торжественные моления коллективные процессии и церемониальные танцы, исполняемые церковным хором [6, с.17].

Начиная с XIII в. в Испании торжественно справляли и справляют до сих пор праздники «тела Христова». На них «религиозная процессия

сопровождалась танцами, пением и представлениями, перемешиваемыми с обрядами литургии» [5, с.18–19].

Праздник «Тела Христова»

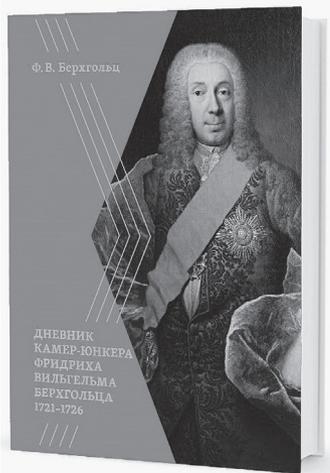
С XV в. европейские «священные действия» постепенно теряют религиозный характер и превращаются в театрализованные представления, сопровождаемые массовыми танцами. К этому времени практика светских общественных танцев – балов – уже прочно вписалась в быт средневековой знати и феодалов. Тогда во время каких-либо праздников танцевали общие променадные танцы – шествия по парам. Католическая церковь периодически пыталась запрещать их, как не соответствующие аскетическому идеалу средневековья, чуждому светским забавам. Так, в Париже в очередной раз были запрещены все публичные танцы в праздничные дни уже во второй половине XVII в.

Свидетельством того, насколько прочное место в европейской жизни занимал общественный танец, является факт открытия Королевской Академии танца во Франции в 1661 г. Привычка танцевать в сочетании с жизнелюбивым характером европейцев помешали строгим церковным запретам искоренить стремление к общественным развлечениям.

Людовик XIV в 1661 г. открыл Королевскую Академию танца и музыки

На русской почве проблема с внедрением общественных публичных танцев в культурные традиции выглядела несколько иначе. С принятием христианства на Руси и его повсеместным распространением началось естественное наступление на языческие обряды, в том числе и на народные пляски. Однако совпадение многих христианских праздников с языческими привело к тому, что традиционные языческие игрища стали приурочиваться к датам православного календаря. Русская православная церковь – наследница Византии – строила свою жизнь по еще более строгим требованиям в отношении соблюдения правил монашеского аскетизма как идеала человеческого бытия, чем это было принято в католической Европе. Пляски, безусловно, попадали под запрет, так как, в первую очередь, свидетельствовали о радости и торжестве тела, являлись способом удовлетворения плотских желаний. К тому же русские обрядовые танцы действительно мало отличались высокой нравственностью.

Дневник камер-юнкера Берхгольца

В дневнике камер-юнкера Берхгольца есть описание русского национального народного свадебного танца, исполненного в XVIII в., но совершенно по тем же правилам, что и в древности.

Две работницы купеческой полотняной фабрики проплясали «одну употребительную у здешних крестьян свадебную пляску, которая очень замысловата, но не отличается грацией по причине непристойности движений. Сперва пляшут оба, следуя один за другим, делая друг другу разные знаки лицом, головою, всем корпусом и руками; потом девушка жестами делает объяснение в любви парню, который однако же не трогается этим, напротив, старается всячески из-

бегать ее до тех пор, пока она, наконец, утомляется и перестает; тогда парень, со своей стороны, начинает ухаживать за девушкой и с большим трудом заставляет ее принять от него, в знак любви, носовой платок; после чего она во всю длину ложится на спину и закрывает себе лицо этим платком. Парень пляшет еще несколько времени вокруг лежащей, с разными смешными ужимками, прикидываясь очень влюбленным; то он как будто хочет поцеловать ее, то, казалось, даже приподнять ей юбку, – и все это среди пляски, не говоря ни слова. Но так как девушка, представлявшая парня, из стыда, не хотела закончить пляски, то доплясать ее велели одному из мальчиков лет девяти или десяти, который тотчас же охотно согласился на это. Проплясав, как и девушка, раза два вокруг лежавшей на полу, он вдруг вспрыгнул на нее и несколькими движениями, каких вовсе нельзя было ожидать от такого ребенка, довершил пляску» [3, с.94–95].

Русская «хулная потеха»

Русская церковь неоднократно высказывалась против плясок, называя их «лестью идольской», «хулной потехой», «бесовской игрой», «богомерзким делом», «еллинским бесованием» и пр. Особенно осуждались танцующие женщины. В церковных проповедях говорилось, что «пля-

шуща бо жена – любодейница дьявола, супруга ада, невеста сатанина» и что «многовертимое плясание...во дно адово влечет» [13, с.164].

В стенной росписи Царской палаты XVI в. в числе аллегорических образов находилась фигура танцующей женщины, о которой И.Висковатый написал следующее: «В палате средней Государя нашего написан образ Спасов, да тута же близко от него написана жонка, спустя рукава кабы пляшет, а подписано под нею: блужение...» [7, с.253].

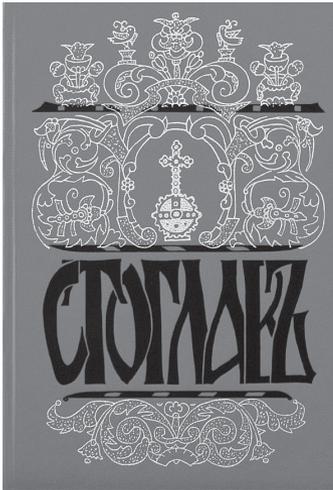
Языческие пляски скоморохов

Не случайно женщина изображена в одежде с длинными рукавами, это традиционная танцевальная одежда на Руси периода язычества, борьба с остатками которого продолжалась в течение многих столетий. В Стоглаве так и записано: «...по священным правилам и по заповеди святых отцов отныне и впредь всем православным христианом на таковая древняя еллинские беснования не исходити ни во градах, ни по селам, ни по рекам. И о том благочестивому царю по всем градом и по селам своя царская заповедь учинити, чтобы православным и христианам на таковое беснование еллинское впредь не сходилися и чтобы то еллинское беснование отныне и впредь Божию благодатию и в твое христоролюбивое царство попрано было до конца». «Правило 61 и 62 святого шестаго собора святых отец возбраняет... и запрещает право-

славным христианам поганских и еллинских обычаев и игор, и плясания, и плескания...» [10, с.368–369].

Стоглавый собор

Стоглав

К XVI в. в русском государстве сложился устойчиво-замкнутый образ жизни. Особенно суров он был для русской женщины. Она должна была жить дома практически взаперти, в тереме, редко выходить, даже посещение церкви надо было сводить до минимума, по возможности не позволять видеть себя постороннему глазу. Для молодой женщины эти правила были законом, так как она могла подвергнуться мирским соблазнам, пожилой женщине жить было немного проще. Понятно, что в подобной ситуации никакого участия женщины в праздничных коллективных хореографических действиях быть не могло.

Несмотря на постоянные церковные запреты, публичные танцы на Руси все же оставались любимой праздничной потехой, но только для простых людей. Русскому же боярину, всячески старавшемуся придерживаться древних традиций, плясать, в отличие от европейского знатного вельможи, считалось крайне унизительным для его боярского достоинства. «Можно было забавляться кривлянием шута, а не самому быть шутом для забавы другого» [13, с.15].

Подобное отношение никак не способствовало развитию на русской почве культуры балльных танцев, предназначавшейся, прежде всего, для среды высших слоев общества и, безусловно, предполагавшей участие женщины в публичных развлечениях.

Скоморохи на Руси

Бальный танец средневековой Западной Европы

Культура балльного танца в Западной Европе к XVI в. уже достигла очень высокого уровня. Примечательно, что в европейских странах парные общественные танцы, то есть с непременным участием и женщины, и мужчины, появились еще в XIII веке. Более того, до этого времени в танцах высшего общества участвовали только женщины, а мужчины предпочитали смотреть на это интересное зрелище [12, с.23].

В XIII веке во время праздников и балов дамы и рыцари в нарядных одеждах, держась за руки, исполняли на ходу под музыку различные танцевальные фигуры. Основным видом движения был традиционный хоровод, сопровождаемый отбиванием такта руками.

Нужно отметить, что к XVI веку в Европе сложилась целая система общественных или придворных танцев, делившихся на два вида: низкие, или плавные, танцы и шутливые, или прыгающие.

Низкие танцы исполнялись в очень медленном темпе и включали в себя несколько разновидностей:

- *поклоны, или реверансы;*

- *хороводы;*
- *променады, или прогулки;*
- *плавное медленное кружение вокруг себя или под рукой у кавалера.*

Самыми популярными низкими танцами были гальярда, или по-другому романеска, исполнявшаяся под аккомпанемент тамбуринов и гобоев, разнообразные бранли и величественная павана.

Бальный танец гальярда

Шутливые, или прыгающие, танцы были гораздо подвижнее и ритмичнее низких. К ним причислялись круговые пляски, фарандола, сальтарелла и вольта – предшественница вальса. По правилам приличия того времени низкие танцы считались более благовоспитанными и поэтому на общественных балах танцевались чаще.

ORCHESOGRAPHY

Thoinot Arbeau

Translated by Mary Stewart Evans

With a New Introduction and Notes by
Julia Sutton

And a New Labanotation Section by
Mireille Backer and Julia Sutton

Трактат Туано Арбо

Французский каноник XVI века Жан Табуро, писавший под именем Туано Арбо, составивший целый трактат о европейской средневековой бальной хореографии, дал пространные советы исполняющим общественные танцы разных видов, включавшие в себя и общие правила поведения на балу.

«Как только вы придете в то место, где собрались особы для танцев, вы должны, прежде всего, выбрать приличную и скромную девицу, которая вам

больше всего приглянется и, сняв вашу шляпу или шапку левой рукой, подать ей правую руку, чтобы повести ее к танцу. Она же, если благовоспитанная и скромная девица, подаст вам левую руку и встанет, чтобы следовать за вами. Затем вы ее поведете в конец залы на виду у всех и предупредите музыкантов, чтобы они заиграли низкий танец, а то иначе они могут по недоразумению заиграть совсем другой род танца. Когда музыка начнет, начинайте и вы танец и помните, что музыканты, от которых вы потребовали непременно низкий танец, могут в свою очередь требовать от вас, чтобы вы танцевали плавно, медленно, не сбивались и держались такта...

Вы начали хорошо выделять ваши па и движения, и начали в такт, но когда вы танцуете в обществе, не наклоняйте вашей головы, чтобы контролировать ваши па и следить за движениями ваших ног, держите вашу голову и туловище прямо, смотрите уверенно, старайтесь возможно меньше сморкаться и плевать, и если вы вынуждены это делать, отверните ваше лицо в сторону и употребляйте при этом белый носовой платок. Ведите приятные разговоры, и пусть ваша речь будет тихая и нежная, пусть ваши руки висят, но не так, как у мертвых, хотя и жестикулировать ими не годится, будьте чисто и прилично одеты, пусть ваши чулки будут хорошо натянуты, а башмаки вычищены. Когда вы стоите с избранной девицей в конце залы, может прийти другой, тоже с девицей и стать напротив вас, чтобы танцевать с вами визави, и вы должны подходить друг к другу, затем отступить и делать повороты. Продолжайте танцевать, пока музыка продолжает играть, но не выбивайтесь из такта, а напротив, всегда выдерживайте его. Следует также девицу держать за руку и не отпускать ее, когда же музыка замолчит, следует сделать девице поклон и водворить ее на то место, откуда вы ее взяли, и еще раз поблагодарить ее за честь, которую она вам оказала, танцуя с вами».

И о шуточных танцах: «Вы, протанцевав вольт, водворили на прежнее место молодую девицу, и она тогда почувствует, как бы она ни старалась по благовоспитанности скрыть это, как ее мысли, разум, голова начнут кружиться, а все окружающее вертеться перед глазами, – и вы будете испытывать то же самое, хотя, быть может, в меньшей степени. Я предоставляю вам судить, прилично ли такое состояние для молодой девицы, и не подвергаются ли в этом танце здоровье и честь этой девицы всяким случайностям и неприятностям» [12, с.29–33].

Бальный танец XVII века

XVII век – время расцвета европейской бальной культуры. Даже на Руси, не имеющей отношения к этому процессу, на рубеже XVI–XVII веков, благодаря усилению контактов с европейскими странами из-за участившихся приездов иностранцев в Россию, произошло некоторое знакомство с европейской бальной хореографией. При царском дворе исполнялись польские, литовские и украинские пляски [2, с.206].

Видимо, именно в это время в русском языке появилось само слово «танец» (danza – итал., danse – франц., tanz – нем.). Воочию Москва увидела европейские танцы во всем их великолепии во времена Смуты, когда при дворе Лжедмитрия I проводились пышные польские балы. Особенно пышный бал был после венчания Лжедмитрия и Марины Мнишек. Однако коллективных общественных танцев в России XVII в. еще не было, кроме танцевальных вечеров и балов, устраиваемых для себя иностранцами, живущими в Немецкой слободе.

Лжедмитрий и Марина Мнишек

Что же танцевали на балах в Европе XVII веке? Законодательницей мод в бальных танцах стала Франция, а двор Людовика XIV представлял собой большой танцевальный салон. Основным видом балов были балы придворные, проводимые по самым строгим правилам светского этикета. Кроме них в практике общественных развлечений были маскарадные или костюмированные балы. Они отличались большей свободой и не-

принужденностью и были более популярны среди французской знати. Постепенно балльные танцы из королевского двора и домов знати проникают и в другие слои общества, превращая обычай избранных в повсеместный. Наиболее любимыми танцами в это время были: куранта – род горделивого шествия, аллеманда – медленный массовый танец, довольно простой в исполнении и поэтому долгое время оставшийся одним из основных, салтарелла – парный танец, исполняемый в нарастающем темпе, темпераментный пассье и грациозная сарабанда.

Бальный реверанс

Ведущим танцем XVII в., «танцем королей и королем танцев» стал менуэт. Свое название он получил от *pas menu* – маленьких шагов, характерных для менуэта. Этому танцу нужно было долго обучаться, так как он отличался сложной манерой исполнения. Переход от одного движения к другому должен был совершаться без рывков и в точном ритме, плавно и красиво. Особенно сложной была мужская партия, в которой большую роль играли движения со шляпой. Ее следовало элегантно снять во время реверанса, красиво держать то в одной, то в другой руке

Королевский менуэт

и непринужденно надеть. Руки танцующих должны были быть красиво изогнуты, завершая позы менуэта. Их не полагалось поднимать высоко, соединение рук в парах должно было происходить мягко и плавно. Исполнители менуэта располагались строго по рангам. При французском дворе в первой паре всегда шли король и королева, после них – дофин с одной из знатных дам. Отсюда возникли названия разновидностей менуэта: менуэт de la Rein и менуэт de Dauphin [2, с.85].

Менуэт, несколько видоизменившись, и в XVIII в. оставался одним из основных балльных танцев. Вместе с ним наиболее популярными танцами были: гавот – жеманный и манерный танец (стиль рококо в хореографии); полонез – торжественный и важный танец, основным требованием для исполнения которого было сохранение горделивой осанки; контрданс (англез в России, франсез в Германии) – собирательное название для группы танцев, где четное количество пар танцует друг против друга. Контрдансами могли называться экосез, французская кадриль, лансье, grosфатер, тампет, матредур и др. Для неподготовленного человека эти танцы были довольно сложными и поэтому требовали предварительной подготовки и длительного обучения у специалистов-танцмейстеров.

Появление балльного танца в России

Как же случилось так, что, весьма поверхностно знакомая с тонкостями балльного этикета и совершенно не приобщенная к танцевальным традициям Европы, русская знать в первой четверти XVIII в. стремительно освоила эти хореографические премудрости? Более того, никогда ранее не танцевавшая в обществе и даже не показывавшаяся на людях русская женщина, не искушенная в тонкостях западного политеса, стала не уступать в хореографической ловкости европейским дамам.

Такой резкий перелом произошел благодаря настойчивому личному желанию Петра I научить русское общество этому особому интернациональному языку балльного танца, усвоение которого позволяло вести непринужденный хореографический диалог с представителями любой европейской страны. Приобщение к балльной культуре требовало введения в обиход русского высшего общества ранее совершенно неизвестных ему понятий «хороший тон» и «приличные манеры». Ради усвоения этих премудростей русским приходилось делать многие необычные, а по представлению цепко державшихся за древние русские традиции родовитых бояр, и непристойные вещи. Например, физические упражнения для тренировки тела перед выходом в танце на публичном балу, что

было особенно неприлично, по их мнению, для женщины. Однако правил этих в России в начале царствования Петра I не знал практически никто. Сам Петр еще в юные годы приобщился к танцевальной практике в доме у Лефорта в Немецкой слободе, где постоянно проводились публичные балы для иностранцев, живущих в России. Придя к власти, Петр активно и жестко стал заставлять учиться танцам своих приближенных и устраивать периодические балы уже в Москве. Известен тот факт, что в сентябре 1698 г. А. Меншиков был жестоко избит Петром на таком балу за нарушение танцевального этикета: тот не снял сабли перед танцами [8, с.5].

Русские кавалеры и дамы в начале XVIII в. в большинстве своем обучались танцам либо во время поездок за границу, либо, что чаще, у плененных шведских офицеров, которых в это время в Москве было довольно много, и они с удовольствием брались за этот вид деятельности ради куска хлеба. Под страхом наказания приказано было танцевать всем девицам, начиная с 14-летнего возраста [14, с.5].

Скоро танцы входят в число обязательных предметов при воспитании молодежи как в домашних условиях, так и во вновь открываемых казенных учебных заведениях. Для обучения танцам своей семьи Петром был выписан из Данцинга мастер танцев Иоганн Кунст.

Танцместеров или учителей «танцев, учтивств и кумплиментов» выписывали из-за границы и многие приближенные царя для обучения этой сложной науке самих себя и своих семей. А. Меншиков, например, учителя танцев имевший давно, но, видимо, мало способный к хореографии и танцевавший на балах долгие годы только несложный полонез, после пятидесяти лет вдруг начал танцевать менуэт.

На первых порах участие дворянской молодежи в общественных танцах не было массовым. На придворные балы и балы, устраиваемые в домах знати, не всегда можно было попасть, да и родители – в большинстве своем сторонники прежних традиций – пытались не разрешать своим детям танцевать балльные танцы. Поэтому в 1718 г. был опубликован знаменитый указ об ассамблеях, положивший начало обязательному поочередному устройению публичных балов, в соответствии со строгим планом в домах придворных, независимо от их личного отношения к общественным танцам. Балы эти начинались в девять часов вечера и длились до полуночи. Все пришедшие должны были принимать участие в танцах. Проходил бал по правилам, традиционным для Европы. Первым танцем всегда был торжественный полонез (по-русски просто польский) или немецкий танец, исполняемый высочайшими особами или

хозяевами. Затем танцевались менуэты и контрдансы, количество которых варьировалось, потом шли подвижные танцы, в исполнении которых широко приветствовалась импровизация. Подобные танцы-импровизации обстоятельно описаны в дневнике камер-юнкера Берхгольца.

В Петербурге на балу у канцлера Головкина был исполнен танец, продолжавшийся более получаса. Десять или двенадцать пар связывали себя носовыми платками и двигались колонной, меняясь местами. Каждый из танцевавших, оказавшись, в свою очередь, впереди, должен был выдумывать новые фигуры. Особенно этот танец понравился дамам. Когда очередь доходила до них, они делали свои фигуры не только в танцевальном зале, но переходили в другие комнаты, выходили в сад, шли на другой этаж дома, на чердак и пр., стараясь перешеголять одна другую. При всех этих переходах один из музыкантов со скрипкой должен был постоянно прыгать впереди. По-настоящему это был не танец, а просто прогулка, в которой один увлекал за собой другого [3, с.115–116].

Петровская ассамблея

В Москве на ассамблее у Шафирова генерал Ягужинский придумал необычный танец, продолжавшийся целый час. Двенадцать пар под его руководством начали танцевать очень медленный, но полный прыжков, англес, потом перешли в польский, тоже с интенсивными прыжками.

Затем начали новый танец, который Берхголец даже не смог назвать. В нем тоже было много прыжков, и нужно было делать разные забавные фигуры. После этого все были поставлены в один общий круг, и каждый по очереди должен был придумать новую фигуру, а все ее повторить. В числе многих выдумок были следующие: одна дама поцеловала своего кавалера, а затем стащила ему на нос парик – все повторили это. Одни, сделав перед своей дамой глубокий реверанс, целовали ее, другие, протанцевав несколько раз в кругу, начинали пить за здоровье общества, третьи делали щелчки в воздухе, четвертые вынимали во время танца табакерку и нюхали табак. Сам генерал Ягужинский, как выдумщик танца бывший последним в изобретении фигуры, заметил, что некоторые не участвовавшие в танце смеялись, когда в кругу целовали дам, или когда дамы должны были целовать кавалеров. Тогда он вышел из круга и перецеловал всех зрительниц, которые по правилам бального этикета не могли отказать в этом ни ему, ни всему кругу, следовавшему его примеру [4, с.133–134].

Подробное описание Берхгольцем своего пребывания в Петербурге и Москве с практически каждодневным участием в публичных балах и ассамблеях позволяет заметить, что даже во время Великого Поста практика устройства общественных танцев не прерывалась. Это показывает насколько далеко отошла русская знать в своей нынешней привычке к легкомысленному времяпрепровождению от прежней затворнической русской жизни, что даже не соблюдала традиционного запрета христианской церкви на увеселения во время постов.

Очень строго в петровские времена относились к соблюдению танцевальных законов во время русских дворянских свадеб. По сути, свадьба была особым видом бала.

Танцы начинались сразу же после свадебного стола. Распоряжался ими свадебный маршал. Вначале исполнялись церемониальные танцы. Танцевали маршал в паре с невестой и два старших шафера (всего на свадьбе было двенадцать шаферов) с посаженной матерью и сестрой невесты. Они делали несколько кругов медленными шагами, кланяясь всем гостям. Затем пары могли меняться, и церемониальные танцы повторялись до шести раз. Маршал, после первого танца уступавший невесту жениху, танцевал один впереди всех, дирижируя жезлом, символизирующим маршальскую власть. После этого танцевались традиционные польские, менуэты и контрдансы. Заканчивался свадебный бал последним церемониальным танцем, называемым «прощальным». Маршал с жезлом, сопровождаемый музыкой, вел в танце жениха и невесту, а за

ними всех родственников и гостей, по комнатам дома до спальни невесты. Все двенадцать шаферов должны были держать по зажженному восковому факелу. Процессия заходила в спальню невесты, где были накрыты сладкие столы и, угостившись, отправлялась опять танцевать, оставляя молодых одних. На второй день свадебные танцы повторялись по той же схеме.

Стремительное, но прочное вхождение балльных танцев в жизнь и быт русского дворянского общества первой четверти XVIII в. сыграло огромную позитивную роль. Танцы и их преподавание становятся общественной потребностью. В 30–40 гг. XVIII в. танцевальная практика из высших кругов проникает и в более низкие слои населения. Люди повсеместно начинают учиться танцевать, слушать музыку, думать о хороших манерах. Занятия хореографией сказываются на физической подготовке человека: приучают его красиво и правильно стоять, ходить, сидеть, грациозно держать руки, словом, заставляют человека стремиться выглядеть лучше. Умение танцевать позволяет участвовать в публичных забавах и способствует знакомству людей противоположного пола друг с другом. Для России XVIII века наконец-то становятся актуальны слова Табуро, высказанные им по поводу увлечения танцами в средневековой Европе: «Танцуют главным образом для того, чтобы влюбленные могли обоюдно узнать, здоровы ли они, и достаточно ли они сильны и бодры. В конце танца позволялось кавалеру поцеловать свою возлюбленную, и таким образом, они оба могли убедиться в том, приятное ли у них дыхание, и не страдают ли они каким-либо противным и отталкивающим запахом» [12, с.103].

Портрет Туано Арбо

Иными словами, развитие балльной танцевальной культуры в России, в первую очередь, способствовало общению людей друг с другом, помогало овладеть особым хореографическим языком движения, понятным в любой европейской стране. Правила этикета, предусмотренные для бала, заставляли, хотя бы внешне, проявлять уважение к женщине, прививали привычку к изящному, вкус к хорошим манерам и по-своему способствовали смягчению классически сурового русского нрава.

Библиографический список

1. Бахрушин Ю.А. История русского балета. М., «Просвещение», 1977. 288 с.
2. Васильева-Рождественская М.В. Историко-бытовой танец. М., «Искусство», 1987. 382 с.
3. Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1825 год. Ч. 1. М., тип. Каткова, 1857. 282 с.
4. Дневник камер-юнкера Берхгольца. Ч. 2. М., тип. Каткова, 1858. 282 с.
5. Игнатов С. Испанский театр XVI–XVII веков. М. – Л., «Искусство», 1939. 152 с.
6. Красовская В. Западноевропейский балетный театр. От истоков до середины XVIII века. Очерки истории. М., «Искусство», 1979. 295 с.
7. Цит. по: Михневич В. Исторические этюды русской жизни Т. 2. Спб., тип. Ф. Сушинского, 1882. 428 с.
8. Платонов С.Ф. Петр Великий. Личность и деятельность. Л., «Время», 1926. 116 с.
9. Плутарх. Избранные жизнеописания. М., «Правда», 1987. 592 с.
10. Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., «Юридическая литература», 1985. 520 с.
11. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М., «Наука», 1988. 782 с.
12. Танцы, их история и развитие с древнейших времен до наших дней. Спб., тип. А. Суворина, 1902. 122 с.
13. Фаминцын А.С. Скоморохи на Руси. Спб., тип. Аргольда, 1889. 191 с.
14. Худеков С.Н. История танцев. Ч. 4. Пг., тип. «Петербургской газеты», 1918. 309 с.

Оксана Киянская

«ЛЮДИ ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ»

К БИОГРАФИЯМ
МАТВЕЯ И СЕРГЕЯ
МУРАВЬЕВЫХ-АПОСТОЛОВ

ЧАСТЬ II

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
82(091)

Данная статья – вторая часть работы, посвященной судьбам декабристов Матвея и Сергея Муравьевых-Апостолов (первую часть см. [25]). Анализируются, прежде всего, причины, по которым они начали активную деятельность в тайных обществах, выявляется их роль в заговоре, их взгляды на возможность проведения в России военной революции и на постреволюционное устройство страны. Предметом анализа становятся, в частности, религиозные воззрения Сергея Муравьева-Апостола, делается вывод об их соответствии мистическим исканиям эпохи 1820-х гг. Особенное внимание уделено описанию идейного кризиса Матвея Муравьева-Апостола в 1824 г. Делается вывод, что в основе конспиративной деятельности обоих братьев лежало стремление к социальной реализации, невозможной в условиях абсолютной монархии.

This article is the second part of the research into the fates of Mathew and Sergey Murav'ev-Apostols, the Decembrists (See the part I: [25]). The scholar analyzes the reasons due to which they started their active participation in the secret societies, their role in the plot and their view on the possibility of a military revolution being carried out in Russia as well as on the post-revolutionary form of the government. This work also deals with the formation of Sergey Murav'ev-Apostol's religious views. It is demonstrated that the latter corresponded with the mystic search of the 1820s era. Particular attention is given to the description of Mathew Murav'ev-Apostol's ideological crisis of 1824. It is concluded that the conspiracy activity of both the brothers was based on the aspiration for social realization, unachievable under the Russian absolute monarchy.

Ключевые слова: Матвей Муравьев-Апостол; Сергей Муравьев-Апостол; декабристы; восстание Черниговского полка.

Key words: Matvey Murav'ev-Apostol; Sergey Murav'ev-Apostol; Decembrists; revolt of the Chernigovsky regiment.

E-mail: kianoks@inbox.ru

Введение

История трех братьев-декабристов – Матвея, Сергея и Ипполита Муравьевых-Апостолов – не оставляла равнодушными ни современников,

ни историков. Втроем братья участвовали в восстании Черниговского полка (28.12.1825–3.01.1826). Младший, Ипполит, застрелился при подавлении восстания, руководивший восстанием Сергей был повешен, а старшего – Матвея, осудили на вечную каторгу, замененную впоследствии сибирской ссылкой.

Биография Ипполита Муравьева-Апостола уже была предметом моего изучения [24, с.243–319]; в данном случае в центре внимания – судьбы его старших братьев, Матвея и Сергея. Историки относились к братьям по-разному: Сергей, один из руководителей декабристской конспирации, вызывал неизменное сочувствие. Матвей же казался многим исследователям человеком, случайно попавшим в заговор, «робким» и в политических воззрениях, и в конспиративных делах (см., напр., [73, с.3, 4, 5, 10]).

Происхождение братьев, их характеры, образование, взаимоотношения между собой, с родственниками и современниками, начальные этапы их биографий – до 1821 г. – описаны мною в первой части статьи [25]. Я отмечала, что важная роль в формировании характеров декабристов принадлежала их отцу, Ивану Матвеевичу Муравьеву-Апостолу – известному писателю, дипломату, сенатору. В вышедшей в 1823 г. книге «Путешествие по Тавриде в 1820 году» он описал, в частности, состояние молодых офицеров, прошедших Отечественную войну 1812 г. и Заграничные походы.

По его мнению, послевоенная реальность уничтожила в офицерах «живое ощущение бытия, или, иначе сказать, сильной воли, все преодолевающей», они стали хандрить, предаваться «сомнению и отчаянию». Но, согласно Ивану Матвеевичу, «тот, кто «родился не *veluti resoga*», т.е. не «скотом», «обязан предполагать от жизни своей какую-нибудь высокую цель, к которой он должен всечасно стремиться». В мирное время необходимо иметь «твердую, непоколебимую волю» «быть полезным» [25, с.50].

Собственно, писатель был первым, кто – еще до трагических событий 1825–1826 гг. – объяснил, что в основе действий его сыновей и их сверстников лежала жажда социальной реализации, желание по-прежнему ощущать собственную нужность России. Однако желание это легальным путем не могло быть реализовано – и потому в жизни «людей двадцатых

годов» периоды активности в тайных обществах чередовались с периодами «скуки» и «отчаяния».

Горевшие желанием участвовать в реформах, братья Матвей и Сергей Муравьевы-Апостолы вошли в кружок организаторов Союза спасения, перешли оттуда в Союз благоденствия, стали членами Коренной думы – руководящего органа второго союза. Однако их активность в тайных обществах – с 1816 по 1821 гг. – явно шла на убыль, ими все больше овладевала «скука».

«Глаголящий во имя господне» Как известно, во внутренней политике императора Александра I в начале 1820-х годов произошел консервативный поворот.

Одной из причин этого поворота была Семеновская история октября 1820 г.: в ночь с 16 на 17 октября солдаты 1-й гренадерской роты самовольно собрались на переключку и заявили о желании принести жалобу на полкового командира, полковника Федора Шварца. На следующий день рота была отправлена в Петропавловскую крепость. За товарищей вступились солдаты других рот, уговоры ротных и батальонных командиров, как и военных властей столицы, не помогли – и 18 октября весь полк оказался под арестом.

Современники утверждали, что в данном случае власти «из мухи сделали слона», что Шварц лишал солдат законного отдыха в выходные и праздники, а виноваты солдаты были только в том, что принесли жалобу в неурочное время. Капитан Сергей Муравьев-Апостол, командир 3-й фузилерной роты Семеновского полка, был уверен, что в этой «истории» не было совершенно ничего антиправительственного: солдаты были готовы «служить государю до последней капли крови». Офицеры же, которые «не могли остановить зло» полностью, тем не менее удержали подчиненных от «беспорядков», которые часто сопровождают такого рода неповиновение [50, с.260–263].

Но император считал по-другому: по его мнению, в данном случае Россия столкнулась с действительностью неких всеевропейских революционных «тайных обществ», стремившихся испугать его лично [7, с.515]. В итоге полк был раскассирован, некоторые солдаты-«зачинщики» прогнаны сквозь строй и сосланы в Сибирь, других перевели на службу в армию. Большинство офицеров тоже перевели в армейские полки – без права отпуска и отставки.

Современник вспоминал: «В первой половине ноября (1820 г. – *О.К.*), шедши пешком по Гороховой улице, встретил я Сергея Муравьева с каким-то однополчанином. «Что с вами? – спросил я его, – мне кажется, вы нездоровы». – «Нет, здоров, – отвечал он, – только не весел: радоваться нечему». – «И полноте, – сказал я, – скоро царь придет; он не даст детей своих в обиду; потерпите, надейтесь». Грустно взглянув на меня, промолвил он: «Vivere in sperando, morire in casando»¹, – поклонился и пошел далее. Боюсь, сказал я себе, что он что-то недоброе замышляет» [10, с.979].

Конечно, в 1820 г. Сергей Муравьев-Апостол ничего противозаконного не замышлял. Но российские вольнолюбцы, многие из которых прошли войну и заграничные походы, были обмануты в своих ожиданиях: вместо участия в подготовке политических реформ им было предложено смириться с новыми условиями существования. Условия же эти были суровыми: офицерам предстояло либо служить, занимаясь в основном подготовкой всякого рода смотров и парадов, либо выходить в отставку – если, конечно, они не были замешаны в «бунте» Семеновского полка. Ни один из этих вариантов не предусматривал социальной активности. В итоге, по словам Н.К.Шильдера, «офицерские кружки, в которых велись беседы о язвах России», превратились в «организованные тайные общества» [72, с.216]. Поздние декабристские организации не были похожи на Союз спасения и Союз благоденствия. В них уже вполне серьезно обсуждались идеи республики, цареубийства и революции «посредством армии».

Внешне биография подполковника Полтавского, а затем Черниговского пехотного полка Сергея Муравьева-Апостола вполне типична для армейского офицера. Он быстро принял новые правила игры, честно выполнял свои обязанности, был любим подчиненными, начальство его ценило.

Согласно императорскому указу от 3 марта 1821 г., «смутные обстоятельства, в коих находится полуденная часть Европы», потребовали от России «усиления мер предосторожности» [63, л.1]. «Обстоятельства» эти хорошо известны: в начале 1820 г. началась испанская революция, летом того же года революционные события стали разворачиваться в Неаполе, осенью на конгрессе Священного союза

¹ «Жить в надежде, умереть в дерьме» (*ит.*).

был принят акт, дающий право австрийскому, русскому и прусскому монархам вводить армейские подразделения в другие европейские страны – в случае опасности для монархических режимов. В феврале 1821 г. в Италию вошли австрийские войска, после чего вспыхнула революция в Пьемонте. В начале марта император Александр I двинул российскую армию к границе.

Из частей 1-й армии «в заграничный поход» император назначил «3-й пехотный и 4-й резервный кавалерийский корпус». Соответственно, покорять итальянцев должен был и Полтавский полк, входивший в состав 9-й пехотной дивизии 3-го пехотного корпуса [63, л.43].

Сергей Муравьев-Апостол участвовать в разгроме европейских революционеров не хотел. Он считал, что «не уметь защитить столь святое, как независимость родины» – «большое несчастье» и «величайший позор», а неаполитанские политики, допустившие интервенцию, «гадкие»; им Сергей «желал» «получить» в правители «султана» [32, с.45–46]. Конечно, если бы российские войска перешли границу, Муравьев бы участвовал в этом походе; иного выхода у него просто не было. Но идти против совести подполковнику не пришлось. «Кажется, мы не пойдем в Италию. Там, говорят, все закончилось», – сообщал он отцу [32, с.51].

По первоначальному распоряжению императора, Полтавский полк должен был выступить из Полтавы 14 апреля 1821 г., однако уже 5 апреля главнокомандующий армией, генерал от инфантерии Фабиян Остен-Сакен получил распоряжение остановить приготовления к походу. Выяснилось, что австрийцы справились с итальянцами без русских – по словам Александра I, «смутные обстоятельства Италии» были «окончены благополучным успехом союзных войск» [63, л.47].

Последствием несостоявшегося похода стала передислокация армейских подразделений. Новой полковой квартирой Полтавского полка было назначено местечко Ржищев Киевской губернии, а состоявший в одной бригаде с Полтавским Черниговский полк расположился рядом – в уездном городе Василькове и окрестных деревнях [63, л.61, 63 об.].

В мае 1821 г. Сергей Муравьев-Апостол попытался перевестись по службе в 4-й пехотный корпус со штабом в Киеве. Корпусом командовал знаменитый герой войны генерал от кавалерии Николай Раевский. У Раевского Муравьев, будучи капитаном Тверского батальона, служил ординарцем, вместе они участвовали в боях за Париж [44, с.265].

«Имею честь служить при особе Вашей в кампании 1814-го года, я и ныне имею желание продолжать службу в Высочайше вверенном Вам корпусе. Обращаюсь к Вашему высокопревосходительству со всепокорнейшею просьбою о переводе моем из Полтавского пехотного полка, в коем я ныне нахожусь на службе, в один из полков, под начальством Вашим состоящих», – писал он Раевскому.

Раевский передал его просьбу в Главный штаб, присовокупив при этом, что сам он не имеет «никаких особых причин» хлопотать за подполковника, «кроме что он уже служил при мне и помнит мои ему услуги» [61, л.1–3 об.]. «Генерал написал обо мне письмо князю Волконскому и ожидает немедленного ответа; увидим, могу ли я чего-нибудь достигнуть», – так Сергей комментировал возможный перевод в письме к родным [49, с.120]. Однако достигнуть желаемого не удалось. Начальник Главного штаба Петр Волконский велел ответить Раевскому, что Муравьев, «быв замешан по делу Семеновского полка, может быть, еще нужен будет к суду» [61, л.1].

Год спустя Сергея Муравьева перевели в Черниговский полк. Скорее всего, этот переход был связан с открывшейся вакансией батальонного командира: 15 августа 1822 г. он получил под команду 2-й батальон полка [59, л.86].

Став батальонным командиром, подполковник начал заботиться о солдатах, давал им деньги. Солдат он, по его словам, «успел... привязать к себе, входя в их нужды и стараясь помогать им сколько мог». Муравьев-Апостол серьезно подошел и к своим непосредственным обязанностям: не любил «отлучаться от полка, в коем, к тому же, имел занятие», был «взыскателен» по службе [44, с.276, 289, 325; 38, с.227]. Отцу Сергей с гордостью писал, что «хорошая выправка» его батальона «обошлась без единого палочного удара». Тем самым он «сумел доказать полку... что вполне возможно формировать русского солдата

Сергей Муравьев-Апостол

более мягкими приемами, нежели те, которые здесь приняты» [32, с.53–54].

Армейское и корпусное начальство ценило усердие: так, в июне 1821 г. Сергей «имел счастье» заслужить «благоволение» дивизионного командира, генерал-майора Павла Нейдгардта [49, с.120]. «Большую благодарность» он получил и за «выправку» своего батальона [32, с.53]. «В 1824 году, когда он был в карауле в Житомире», корпусный командир генерал-лейтенант Логгин Рот «был очень им доволен, что и было отдано в приказе», – показывал Матвей Муравьев-Апостол [38, с.227].

Правда, спокойной службе подполковника мешало семеновское прошлое. Столичные власти ему, как и его бывшим сослуживцам по мятежному полку, не доверяли. Сергей Муравьев-Апостол регулярно входил в списки «подозрительных» офицеров 1-й армии; за ним предписывалось иметь бдительный надзор (см., напр.: [57, л.11–11 об.]). В 1821 г. у подполковника был проведен обыск [38, с.187; 35, с.110]. Однако ни надзор, ни обыск ничего не дали. И даже когда в марте 1823 г. в Киев приехал обер-полицмейстер 1-й армии Федор Эртель, в чьи обязанности входил поиск «крамолы», антиправительственную деятельность Сергея Муравьева-Апостола он не обнаружил.

Армейские власти, подполковнику доверявшие, явно не хотели обижать его подозрениями. Более того, в апреле 1824 г. он оказался в списке штаб-офицеров, достойных повышения в должности. В документе отмечалась, что «вверенная» Сергею Муравьеву-Апостолу часть находится «в хорошем» состоянии. Соответственно, он мог бы стать «хорошим полковым командиром» [55, л.83 об.]. И – не случись событий 1825–1826 гг. – полковым командиром он бы безусловно стал.

Вряд ли кто-то из армейских начальников подполковника мог разглядеть в нем заговорщика: его внутренняя жизнь была скрыта от посторонних глаз. Но документы свидетельствуют, что армейская служба Сергея Муравьева-Апостола началась с депрессии.

Послевоенная российская армия, раскиданная по провинциальным городам и селам, мало походила на столичную гвардию. Офицеры-гвардейцы, военная элита России, были гуманны с солдатами, «забывши полевые драки», снимали мундир и надевали фрак, учились, нанимали себе частных профессоров, были вхожи в петербургские го-

стиные, посещали театры. Жизнь же провинциальных армейских офицеров состояла из ежедневных занятий с солдатами на плацу и скучного досуга. «Истории», случавшиеся в армии, мало чем напоминали Семеновскую. Нарушения в полках были сопряжены с пьяными драками, жестоким наказанием солдат, ссорами с местными жителями. Причем эксцессы в полках были делом настолько привычным, что главнокомандующий Остен-Сакен благодарил в приказах командиров отдельных частей «за тихое и спокойное квартирование» и «дружелюбное обращение» с жителями [58, л.36, 39].

Единственным развлечением для офицеров 9-й пехотной дивизии было участие в строительстве Бобруйской крепости на реке Березине. Строительство крепости было начато еще в 1810 г., в 1812 г. она была важным фортификационным сооружением, однако к началу 1820-х гг. ее достройка уже не имела стратегического смысла. Но император Александр настаивал на продолжении строительства. Крепость, помимо солдат, строили каторжники.

Сергея Муравьева-Апостола участие в этом строительстве угнетало сильно [49, с.130]. По мнению близко знавшей его Софии Капнист, дочери драматурга, в Бобруйске подполковник «был совершенно один, без родных, без товарищей, окруженный каторжными в цепях и в диких нарядах... народом несчастным и угнетенным, на который нельзя смотреть без ужаса и без страдания». Соответственно, Сергей Муравьев «всегда был в каком-то раздражительном положении; все его томило, все казалось ему в черном виде, и все ожидал он чего-то ужасного в будущем» [22, с.397].

Сослуживцы казались подполковнику «неплохими ребятами», но при этом «невежественными» людьми «из другого мира». Они «напоминали» бывшему семеновцу «средневековых дворян, хвалившихся тем, что не умели ни читать, ни писать». Сергея «раздражали» и «утомляли» ежедневные восьмичасовые упражнения на плацу, «скучен и утомителен» был и собственный «образ жизни». С родственниками он делился размышлениями о «мрачном будущем», которое казалось ему «неизбежным предопределением», о том, что «двадцать лет такого ремесла» могут сделать из человека «грубое животное» [49, с.120; 32, с.67, 52, 53].

Иными словами, к рутине армейской жизни вчерашний гвардеец оказался не готов.

Как бывший семеновец Сергей был лишен права на отставку. Поэтому для того, чтобы не стать «грубым животным», вначале он по-

пытался, условно говоря, найти своих – тех, кого подобный «образ жизни» не устраивал.

В Киеве Муравьев подружился с сыном корпусного командира, полковником Александром Раевским. В одном из писем он утверждал: «Ежели бы судьба меня не привела близ Киева, а в Киеве болезнь не задержала Александра Раевского, я бы умер со скуки; но спасибо ему, я ему одолжен всеми моими здешними удовольствиями. Когда удастся мне в Киев съездить, так я совершенно оживаю» [32, с.57]. Раевский тоже приезжал в Васильков; из его переписки известно, что, например, в ноябре 1822 г. он заболел в гостях у Муравьева, и Муравьев лечил его «жар» магнетизмом [75, с.162].

Однако ближайшим другом Сергея Муравьева стал Михаил Бестужев-Рюмин, его давний знакомый, тоже бывший семеновец, с 1821 г. – прапорщик, а затем подпоручик Полтавского полка. В ноябре 1821 г. Сергей сообщал отцу, что его «уединенный уголок» «украсился посещением многостранствующего Бестужева», который привез ему «письмо от Александра Раевского с приглашением в Киев»; по-видимому, именно Раевский способствовал сближению Бестужева-Рюмина с Муравьевым [32, с.59].

Через несколько месяцев Бестужев вступил в тайное общество.

Товарищи по заговору относились к Бестужеву-Рюмину скептически, считая «взбалмошным и совершенно бестолковым мальчиком», «странным существом», в котором «беспрестанно появлялось что-то похожее на недоумка» [77, с.55]. Впрочем, Бестужеву отдали должное и император, в 1826 г. казнивший его, и Александр Бенкендорф, следователь по делу декабристов, ставший впоследствии руководителем III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии. Для Бенкендорфа Бестужев-Рюмин – «якобинец по убеждениям, энергичный, честолюбивый, настоящий демон пропаганды» [3, с.338].

Не воевавший, по-видимому, не знавший лени и скуки, но мечтавший о революции «мальчик», которому на момент вступления в тайное общество был 21 год, сильно влиял на Сергея Муравьева. На следствии Бестужев-Рюмин признавал, что «ввергнул» друга «во все преступное». «Одно только, на что он дал согласие прежде, нежели со мной подружился, – это на вступление в общество... К несчастью, Муравьев имел слишком обо мне выгодное мнение, и верил мне гораздо более, нежели самому себе. Это все общество знает», – констатировал Бестужев-Рюмин. Он был «готов» доказать свою правоту «самому Муравьеву разительными доводами» [4, с.144].

Возможно, пылкая дружба с Бестужевым действительно способствовала изменениям в жизни Сергея Муравьева-Апостола. По его словам, «с 1822-го года» он «имел деятельнейшее участие во все[х] дела[х] общества» [44, с.273]. Однако для того, чтобы бывший семеновец, человек мирный и гуманный, превратился в предводителя антиправительственного мятежа, было мало и политических неурядиц, и армейской скуки, и дружбы с Александром Раевским и Бестужевым-Рюминым. Для этого нужны были, прежде всего, внутренние причины.

Декабрист Иван Горбачевский, бывший член Общества соединенных славян, осужденный по 1-му разряду, проведенный 30 лет на каторге и в ссылке и не вернувшийся из Сибири после амнистии, в 1861 г. в одном из писем вспоминал, что «Верховная дума» Южного общества запрещала ему и другим заговорщикам-«славянам» «даже... знакомиться с поэтом Александром Сергеевичем Пушкиным, когда он жил на юге». При этом «славянам» было «прямо сказано», что Пушкин «по своему характеру и малодушию, по своей развратной жизни сделает донос тотчас правительству о существовании тайного общества». Горбачевский утверждал: «Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин» рассказывали ему «про Пушкина такие на юге проделки, что и теперь уши краснеют» [75, с.147–148].

Этот текст давно ставит в тупик декабристоведов и пушкинистов. Во-первых, в нем явная ошибка: члены Общества соединенных славян, в том числе и Горбачевский, познакомились с Муравьевым и Бестужевым осенью 1825 г., когда «славяне» вошли в состав Южного общества. Поэт в это время уже год жил в Михайловском, а следовательно, запрещать кому бы то ни было общаться с ним на юге и опасаться в связи с этим доноса было бессмысленно. Во-вторых, вызывала вопросы «Верховная дума» из рассказа Горбачевского: имелся ли в данном случае в виду Пестель, председатель южной Директории, или Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин – которые, собственно, и были для «славян» руководителями тайного общества?

В-третьих, согласно показаниям Бестужева-Рюмина, и он сам, и Сергей Муравьев-Апостол действительно знали Пушкина лично – но это знакомство было светским и к тому же прервалось в связи с отъездом и Пушкина, и их самих из столицы; на юге они с поэтом

не встречались. В четвертых – и это общепризнанный в декабристоведении факт – заговорщики использовали стихи поэта для агитации. Согласно Бестужеву, «рукописных экземпляров вольнодумческих сочинений Пушкина» в полках было столь много, что заговорщиков это «удивляло». Сам же Бестужев-Рюмин «везде слышал стихи Пушкина, с восторгом читанные», и часто сам читал их наизусть [4, с.49, 108, 118–119].

Комментируя высказывание Горбачевского, Д. П. Ивинский справедливо утверждает, что оно несовместимо «с тем мифом о Пушкине и декабристах, который был так дорог многим поколениям либеральной интеллигенции» [20, с.275]. Исследователи называли отзыв Горбачевского словами «вопиющей несправедливости», «тяжким, несправедливым обвинением», отказывались публиковать его в подборках текстов Горбачевского [29, с.53; 66, с.337]. Однако большинство комментаторов, признавая, что декабристы не могли опасаться доноса от находившегося в Михайловском поэта, тем не менее считают, что рассказ в целом правдив.

Попытки выяснить, отчего «краснели уши» у Горбачевского, предпринимаются давно. Большинство из тех, кто пытался и пытается объяснить этот отзыв, сходятся во мнении, что под «Верховной думой» Горбачевский имел в виду Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина, своих непосредственных начальников по заговору: члены Общества соединенных славян напрямую с Пестелем не общались. Кроме того, логично предположить, что запретили «славянам» иметь дело с Пушкиным те же люди, которые и рассказали о его «проделках»². Именно Муравьев и Бестужев, по словам Н. Я. Эйдельмана, «очевидно, предостерегали новопринятых членов против излишнего увлечения личностью поэта, рассказывая о нем нечто компрометирующее».

Источником этого «компромата» Эйдельман считал общего друга Сергея Муравьева-Апостола и Пушкина – Александра Раевского, оклеветавшего поэта в глазах декабриста. Клевета, по мнению Эйдельмана, содержала «какие-то подробности о любовных приключениях Пушкина, без сомнения, преувеличенные и приукрашенные досужей молвой». Клевета легла на подготовленную почву – «предубеждение» против поэта родилось «вследствие известной разни-

² Впрочем, Д. П. Ивинский высказал мнение, что под «Верховной думой» в данном случае следует понимать именно руководящий орган Южного общества, а запрет Горбачевскому и его друзьям общаться с Пушкиным исходил непосредственно от Пестеля. Причину же запрета исследователь усматривает в конфликте декабриста и поэта, связанном с «антигреческими» донесениями Пестеля [20].

цы морально-этических установок у последовательных декабристов и широкого круга прогрессивных мыслителей и деятелей», к которому принадлежал и Пушкин. Впрочем, исследователь признавал, что «решительными, окончательными доказательствами» этой гипотезы он не располагает [75, с.153, 166, 162].

Однако эта точка зрения не стала общепризнанной. Горбачевскому в момент написания письма был 61 год, он прошел тюрьму, каторгу и ссылку – и вряд ли стал бы «краснеть», вспоминая рассказы о любовных приключениях давно погибшего поэта. Кроме того, согласно В. С. Парсамову, Эйдельману «конечно бы хотелось, чтобы "плохой" А. Н. Раевский оклеветал Пушкина, а "хороший" Горбачевский лишь по наивности поверил бы этой клевете. Но тогда столь же наивным оказывается и С. И. Муравьев-Апостол, передавший эту клевету Горбачевскому» [47, с.109]. Парсамов уверен, что в высказывании Горбачевского проявилась его «демократическая» сущность современника Великих реформ.

Не соглашаясь с Парсамовым в том, что «утверждение Горбачевского о запрете Верховной Думы знакомиться с Пушкиным определено реалиями шестидесятых годов», И. В. Немировский предлагает другое объяснение, близкое к эйдельмановскому. По его мнению, сочетание в поэзии и поступках Пушкина «эротического, либертенного и либерального дискурсов было раздражающим и неприемлемым и для правительства, и для декабристов. Поэтому примерно в одно и то же время правительство отправляет поэта в ссылку под духовный надзор, а Верховная Дума Южного общества накладывает запрет на знакомство с ним» [45, с.128].

Однако и тут возможны возражения: декабристы, и в том числе декабристы «последовательные», был разными. Были разными их взгляды на будущее государственное устройство, нельзя свести воедино и их воззрения на религию и мораль. Среди них были, конечно, люди искренне верующие. Так, например, член Южного общества поручик Николай Бобрищев-Пушкин утверждал на следствии, что ему не нравился «деизм или, по крайней мере, равнодушие» к религии товарищей по тайному обществу. «Я боролся с ним почти четыре года, всегда, где только приводил случай, обороняясь и предохраняя кого только мог», – показывал Бобрищев-Пушкин [6, с.365].

Но религиозны были далеко не все члены тайных обществ: ближайший соратник Пестеля князь Александр Бярятинский писал атеистические стихи. Отставной полковник Василий Давыдов, совладелец

знаменитой Каменки, много лет открыто жил с Александрой Потаповой, сиротой, воспитанницей собственной матери – и прижил с ней вне брака троих детей. И это никоим образом не мешало ему руководить Каменской управой Южного общества. А основатель Союза спасения, несостоявшийся «диктатор» 14 декабря Сергей Трубецкой, как и Пушкин, в юности был участником кружка «Зеленая лампа», отличавшегося как раз «либертинажем», – но никто из товарищей по заговору не ставил этого ему в вину.

По-видимому, причину брошенных Пушкину обвинений следует искать не в клевете, не в поздних воззрениях Горбачевского и не в представлениях обобщенных «декабристов». Причина – во взглядах того, от кого, собственно, и исходили «вопиюще несправедливые» слова – Сергея Муравьева-Апостола.

В 1824 г. старший брат Матвей привез ему из столицы литературно-конспиративную новинку – распространявшиеся в списках антиправительственные стихотворения. Стихотворения эти сочинили Кондратий Рылеев, восходящая звезда Северного общества, и его друг, поручик гвардейского Драгунского полка и литератор Александр Бестужев.

В одной из песен были, согласно показаниям Матвея, следующие строки:

*Идет кузнец из кузницы, слава!
Несет кузнец три ножа, слава!
Один нож – на господ, на вельмож, слава!
Другой нож на попов, на [святош], слава!
А третий нож, молитву сотворя, на вампира на царя, слава!
Тогда будет тепло, умно и хорошо, слава!*

Через некоторое время Сергей сказал Матвею, что «истребил» эти стихи. При этом младший брат «очень сожалел видеть по ним, что Рылеев и Бестужев... не имеют религии» [38, с.262, 270].

И если строки о «попáх» и «святошах», которым уготован революционный «нож», вызвали у Сергея сожаление, то, конечно, гораздо более сильные эмоции у него должны были вызвать южные стихи Пушкина, буквально пронизанные кощунством. Вполне допустимо, что в руки ему попала «Гаврилиада». И с большой долей уверенности можно утверждать, что он был знаком с пушкинским посланием Василию Давыдову, написанным в апреле 1821 г. С Давыдовым Му-

равьев в 1822–1823 гг. общался достаточно близко – и в Каменке, и на съездах заговорщиков в Киеве. В послании же, в частности, повествовалось о смерти кишиневского митрополита Гавриила:

*На этих днях, среди собора,
Митрополит, седой обжора,
Перед обедом невзначай
Велел жить долго всей России
И с сыном Птички и Марии
Пошел христосоваться в рай...*

Естественно, что от воспоминаний о такого рода «проделках» поэта вполне могли «покраснеть уши» даже и у Горбачевского. Для Сергея Муравьева неприятие и кощунственных стихов Пушкина, и – как следствие – его самого было, скорее всего, частью новых взглядов, сформировавшихся после 1822 г. Бестужев-Рюмин же, к Пушкину претензий не имевший и с удовольствием читавший наизусть его стихи, просто поддержал старшего друга.

В 1825 г., незадолго перед событиями конца года, Сергей Муравьев-Апостол спорил с Горбачевским о способах, которыми следовало привлечь солдат к революции³. Рассказывать солдатам правду о заговоре Муравьев не считал возможными, поскольку нижние чины «отнодью не в состоянии понять выгод переворота», а «республиканское правление, равенство сословий и избрание чиновников будет для них загадкою сфинкса». По мысли Сергея Муравьева-Апостола, лучше всего «действовать на русских солдат религиею» [15, с.29–30].

В ходе спора Муравьев демонстрировал Горбачевскому выписки из Священного Писания. Впоследствии именно эти фрагменты легли в основу сочиненных им (при участии Бестужева-Рюмина) «Православного катехизиса» и сопутствовавших ему прокламаций; «Православный катехизис», как известно, был прочитан перед восставшим Черниговским полком. Анализируя этот документ, П.Е. Щеголев утверждал, что «на городской площади» города Василькова «был

³ Впервые «Записки» И.И. Горбачевского (под названием «Записки неизвестного из Общества соединенных славян») были опубликованы в журнале «Русский архив» в 1882 г. В историографии идет спор об авторстве этих «Записок»; я придерживаюсь традиционной версии, что автор текста – Горбачевский.

провозглашен единым царем Вселенной Иисус Христос» [74, с.72]. Писатель и публицист Д.С.Мережковский считал «Катехизис» попыткой обоснования нового религиозно-общественного порядка, «абсолютно противоположного всякому порядку государственному» [33, с.659].

С такого рода оценками трудно согласиться: ситуация военного мятежа вряд ли была годной для обсуждения с солдатами религиозно-политических вопросов. «Катехизис» и прокламации были произведениями агитационными, призванными сделать не подозревавших о заговоре солдат союзниками офицеров-заговорщиков, сохранить дисциплину в рядах восставшего полка. Основная мысль этих документов вполне светская: командир доказывал солдатам, что «бог не любит царей». Цари, согласно «Катехизису», «прокляты яко притеснители народа», и на них следует «ополчиться» «русскому воинству» и всем «чистым сердцем» [44, с.254–256].

Зато можно согласиться с другим высказыванием Щеголева: в «Катехизисе», «этом маленьком этюде», «как в фокусе отразилось все мирозерцание и личность его автора» [74, с.75–76]. «Муравьев вложил в «Катехизис» действительные, а не показные свои верования», – утверждал Георгий Вернадский [9, с.90].

В «Православном катехизисе» можно увидеть отражение представлений Сергея Муравьева-Апостола о своей миссии в мире:

«Вопрос: Каким же образом ополчиться всем чистым сердцем?

Ответ: Взять оружие и следовать смело за глаголющим во имя Господне» [44, с.254–255]⁴.

Это веру в себя как в «глаголящего во имя Господне» не смогли поколебать ни разгром восстания Черниговского полка, ни ранение на поле боя, ни тюрьма, ни ожидание смертной казни. На следствии Сергей Муравьев-Апостол скажет, что «намерение свое продолжает почитать благим и чистым, в чем бог один его судить может», а отцу из тюрьмы напишет: «Я много надеюсь на милость Господа, который читает в сердцах и не может осудить меня за чувства моего сердца». Те же идеи лежат в основе его «тюремного дневника» [19, с.158; 41, с.320; 42, с.51–52].

«Мятежное возбуждение» Сергея Муравьева-Апостола, «его жажда революционным путем улучшить жизнь человечества носит в себе все признаки религиозного вдохновения», – утверждал Щеголев [74, с.58]. Эйдельман сравнивал Сергея Муравьева-Апостола с Жанной

⁴ О «Православном катехизисе», его источниках и смысле см. подробнее: [23].

д'Арк, слышавшей «голоса», которые повелевали ей спасти Францию. «Для Пестеля и его ближайших помощников... эмоции, страсти, религиозные размышления – только «подданные» в царстве разума. Математический склад ума Сергея Ивановича, кажется, должен вести его в этот ряд сильных людей. Но первый ученик пансиона Хикса не перестает прислушиваться к «голосам», – утверждал Эйдельман [76, с.112–113].

Следует отметить, что подобное отношение к религии для Александровской эпохи было вполне допустимым. Ортодоксальное православие в России 1810-х – начале 1820-х годов соседствовало с мистицизмом. Среди общественных идей эпохи не последнее место занимали «универсальное христианство» и «внутренняя церковь», стиравшие конфессиональные различия и допускавшие единение с Христом, минуя церковь официальную.

Мистицизм, вполне допустимый на государственном уровне, исследователи называют «христианским экуменизмом» и «модернизацией духовной жизни» российских подданных (См. об этом подробнее: [70, с.133; 11, с.46, 99–100; 31, с.290]). Император Александр I и сам был мистиком, конфессиональную толерантность среди его подданных культивировал либеральный министр духовных дел и народного просвещения, президент Библейского общества князь Александр Голицын [16, с.125–128].

Особенностью же религиозных воззрений Сергея Муравьева было соединение традиционного для Александровской эпохи мистицизма с убеждениями радикального революционера.

В одном из писем Сергей Муравьев-Апостол утверждал, что все люди делятся на «ничтожных» – и тех, «которых небо одарило истинной отзывчивостью чувства и деятельным характером». «Ничтожные» отличаются «непостоянством», в их сердцах «есть место только для чувств низменных и мелких», они «приспособляются ко всяким обстоятельствам», «не могут понимать ничего, кроме эгоизма». «Но сами эти люди – не отбросы ли они человеческого рода?» – задаст вопрос Муравьев-Апостол.

Люди же «деятельного характера» живут, по мнению Муравьева, по-другому: «В их природе непостоянства нет... Жизнь имеет для них прелесть только тогда, когда они могут посвятить ее благу других. Они.. или овладевают событиями, или падают под их тяжестью, но не станут к ним приспособляться». Эйдельман видел в этом письме «автопортрет» автора: естественно, к тем, кто ни за что не станет

«приспосабливаться» к событиям, подполковник относил и себя [40, с.224; 76, с.205].

Жертвенность органично сочеталась в нем с уверенностью в том, что ход мировой истории определяют сильные личности. Залог победы революции подполковник видел не в длительной подготовке и даже не в присутствии четкого «плана действий». «Масса ничто, она будет тем, чего захотят личности, которые все» – эта фраза Сергея Муравьева стала известна следствию из показаний отставного подполковника Александра Поджио. Залог победы, по словам Муравьева-Апостола, – «железная воля нескольких людей», «энергичных вождей», которая может «привести к возрождению народ разобщенный, темный и униженный» [51, с.79; 67, с.245, 246].

По-видимому, именно эти взгляды и превратили обычного армейского офицера с семеновским прошлым в обаятельного, яркого, харизматичного «Апостола Сергея» (выражение Н. Я. Эйдельмана). «Обаятельное действие» подполковника на людей оказалось столь сильным, что перед ним не смог устоять даже православный священник Петр Мысловский. Мысловский, духовник православных заключенных, навещавший их в Петропавловской крепости, говорил, что в камере Сергея Муравьева им овладевает «такое же чувство благоговейное, как при шествии в алтарь пред божественною службою» [64, с.179].

Однако новые взгляды и революционная активность не означали для Сергея Муравьева одномоментного отказа от тоски, сомнений и депрессии. Свидетельство переменчивости его настроений – известное стихотворение, написанное по-французски, по-русски переведенное, по-видимому, его троюродным братом Михаилом Луниным:

*Je passerai sur cette terre,
Toujours rêveur et solitaire,
Sans que personne m'ait connu.
Ce n'est qu'au bout de ma carrière,
Que par un grand trait de lumière
On verra ce qu'on a perdu.*

*Задумчив, одинокий,
Я по земле пройду, не знаемый никем,
Лишь пред концом моим,
Внезапно озаренный,
Познает мир, кого лишился он [39, с.187; 30, с.27].*

Точные время и место создания стихотворения неизвестны. Князь Петр Вяземский приводит этот текст в своей записной книжке, не указывая, однако, времени и обстоятельств его написания [14, с.585]. По версии, изложенной в мемуарах Андрея Розена, Муравьев записал стихотворение «на стене Киевского монастыря карандашом», а другой декабрист, Владимир Лихарев, «открыл эту надпись» [64, с.179]. Лунин утверждал, что Муравьев-Апостол сочинил стихи «в Каменке, в конце 1824 года», а сам он услышал их ночью в Петропавловской крепости, когда «не мог заснуть от тяжелого воздуха в каземате, от насекомых и удушливой копоти ночника» [30, с.82, 27]. Советские же исследователи настаивали на 1823 годе как дате написания этого текста [39, с.626].

Смысл этого стихотворения вызывал и вызывает споры. Розен был убежден, что автор стихотворения «для отечества» «готов был жертвовать всем; но все еще казалось до такой степени отдаленным для него, что он иногда терял терпение» [64, с.79]. Лунин считал, что Сергей Муравьев-Апостол в этом стихотворении «предчувствовал свой конец» [30, с.82].

Однако Матвей Муравьев утверждал, что стихотворение «не следует называть пророческою строфою», потому что оно лишено автобиографического смысла: «Если бы брат мой Сергей вздумал писать о себе, он выразился бы скромнее» [37, с.25]. В историографии существует даже «гипотетическая» версия, что стихотворение посвящено Бестужеву-Рюмину [21, с.41].

Однако стихотворение написано от первого лица; кому бы оно ни было посвящено – оно отражает, прежде всего, личный опыт автора. Те же мысли можно, например, обнаружить в написанном в 1824 г. письме Сергея Муравьева родственнику Бестужева-Рюмина, Савве Мартынову: «Кто в течение своей жизни не почувствовал на самом себе леденящего действия равнодушия, кто не почувствовал, как отчаянье входит в его душу при виде того, как организовано общество. Конечно, есть люди, столь счастливо одаренные, что даже эта школа

им благоприятствует, но сколько есть других людей, сделавшихся ее жертвами?» [43, с.226].

Судя по этому стихотворению и письмам Сергея Муравьева-Апостола, он – в зависимости от настроения – представлялся самому себе то разочарованным в жизни, не понятым равнодушной толпой странником, то «счастливо одаренным» борцом, бросающим вызов толпе и обладающим «сильной волей, все преодолевающей».

Сергей Муравьев-Апостол показывал, что «в начале 1822-го года» на ежегодной Контрактной ярмарке в Киеве он «сошелся» с Пестелем и другими главными деятелями Южного общества – и возобновил членство в заговоре. С этого момента он «имел деятельнейшее участие» в деятельности заговорщиков [44, с.275, 273]. Соответственно, ему вновь стала доступна «высокая цель», отделяющая человека от «животного».

Выяснилось, что бывший семеновец сильно ошибался, видя в своем окружении лишь невежд из «другого мира». Многие армейские офицеры – в том числе его полковые товарищи – как и он, не хотели превращаться в «животных», их тоже не устраивала бесцельная жизнь, состоявшая из подготовки к смотрам и парадам и постройки – вместе с каторжниками – Бобруйской крепости.

Харизматичный заговорщик, обиженный властью и веривший в свое высокое предназначение, быстро стал для них центром притяжения. Сподвижникам, вместо повседневной экзерцицмейстерской рутины, Сергей теперь мог предложить совместную борьбу за политическую свободу, равноправие и установление в России республиканского правления. В Южном обществе Муравьев-Апостол руководил Васильковской управой; центром управы был город Васильков, место расположения штаба Черниговского полка.

Как и большинство декабристов, Сергей Муравьев следил за ходом европейских событий. Особенно его волновали вести из Испании: 1 января 1820 г. подполковник испанской армии Рафаэль Риго, командир армейского батальона, поднял вооруженное восстание в Андалусии. Несколько раз мятежники оказывались на грани полного разгрома. Но в их поддержку начались мятежи в нескольких крупных городах, в том числе и в самом Мадриде, и перепуганный король Фердинанд VII подписал манифест о созыве кортесов – испанского

парламента – и восстановлении отмененной прежде конституции. Риго получил генеральский чин и в 1822 г. стал президентом кортесов. Испания же стала конституционной монархией.

Историки давно выяснили, что именно эту, условно говоря, «модель Риго» Сергей Муравьев-Апостол и пытался реализовать (см. об этом подробнее, напр.,: [78]). Даже в 1825 г., когда революция уже была подавлена французской интервенцией, а Риго казнен, Муравьев носил с собой и показывал товарищам «описание испанской революции» [35, с.98]. Подняв восстание Черниговского полка, он рассказывал единомышленникам о том, как Риго «проходил земли с тремястами человек и восстановил конституцию, а они с полком, чтобы не исполнили предприятия своего, тогда как все уже готово, в особенности войско, которое очень недовольно» [13, с.140].

Мятеж Риго начался далеко от испанской столицы; для Муравьева место начала восстания тоже имело второстепенное значение. В Испании мятеж поддержали армейские подразделения. То же самое, по мысли Сергея Муравьева, должно произойти и в России: «притесняемые командирами солдаты, обиженные офицеры и разоренное дворянство» должны стать союзниками заговорщиков «по первому знаку». Он надеялся, что в этом случае «военная революция» произойдет «без малейшего кровопролития». И если в Испании большинство населения было аполитичным и нейтрально относилось к происходившему, то российских революционеров, по представлениям Сергея Муравьева-Апостола, должны были поддержать крестьяне, угнетенные «их помещиками и налогами» [8, с.31].

Подполковник хотел немедленного восстания, причем начинать это восстание должен был он сам. Предполагалось поднять «возмущение» в ходе армейского смотра, на котором присутствовал бы император Александр, выпустить две прокламации: «одну войску, другую народу». Затем предполагалось движение «на Киев, и оттуда на Москву» – «с надеждою», что к заговорщикам «присоединятся прочие на пути его расположенные войска без предварительных даже с ними сношений». Пришедшие же в Москву революционные войска должны были «требовать от Сената преобразования государства». Заговорщикам, служившим в Петербурге, следовало «поднять» на восстание «гвардию и флот», «препроводить» «в чужие края всех особ императорской фамилии и то же сделать требование Сенату» [44, с.275; 4, с.89; 48, с.103–104 и др.].

Павел Пестель

Революционные замыслы Сергея Муравьева не были реализованы прежде всего из-за противодействия Пестеля, руководителя Южного общества.

Взаимоотношения двух руководителей южной конспирации часто становились объектом исторических исследований. В советской историографии преобладала точка зрения, что разногласия между ними были идеологическими: Сергей Муравьев-Апостол был сторонником конституционно-монархических устремлений кузена Никиты Муравьева, а Васильковская управа превратилась «в филиал умеренной в своих притязаниях Северной думы» [46; 69, с.754].

Это утверждение неверно. В стратегических вопросах Пестель и Муравьев-Апостол были союзниками. Подобно другим участникам заговора на юге, Сергей Муравьев голосовал за «Русскую Правду», не возражал и против формирования Временного правления – переходного правительства, в задачу которого входило проведение необходимых реформ [4, с.110–111]. Анализируя опыт испанской революции, Муравьев признавал, что испанцы ошиблись, положившись «на слово своего короля», «вверив» ему «введение опровергнутой им однажды конституции» и поверив, что он будет эту конституцию «защищать» [44, с.350; 8, с.34]. Муравьев не хотел повторить этой ошибки, как и Пестель, он был республиканцем. И Пестель, и Муравьев-Апостол были согласны в том, что революцию следовало делать «посредством армии», а император и наследник престола цесаревич Константин должны были быть убиты. Правда, Муравьев противился идее уничтожения других членов императорской семьи [44, с.350–351].

Но на вопросы религии Пестель смотрел не так, как Сергей Муравьев-Апостол. По признанию руководителя Южного общества, записанному Пушкиным, «душой» он был материалистом, однако его

«разум» материализму противился [52, с.14]. Неоднозначность была свойственна и взглядам Пестеля на собственную конспиративную деятельность. Полковник не был чужд романтической увлеченности революцией. На следствии он расскажет, как приходил в «восхищение» и «восторг» при мысли о «живой картине всего счастья», которое наступит в России после победы заговорщиков. Он признавал, что ради этого «счастья» готов был «не только согласиться, но и предложить все то, что содействовать бы могло к полному введению и совершенному укреплению и утверждению» нового «порядка вещей» [48, с.91].

Но к делу организации революционного похода руководитель Южного общества подходил рационалистически. Он считал, что героических усилий избранной, сильной личности явно недостаточно для победы. «Превращению», т. е. революции, по его мнению, должна предшествовать серьезная теоретическая работа: по ироничному замечанию одного из заговорщиков, Михаила Лунина, южный лидер хотел «наперед энциклопедию написать, а потом к революции приступить» [48, с.179].

Пестеля не вдохновлял «пример Риего»: руководитель заговора был сторонником долгой и тщательной подготовки революционного похода. Торопиться при его подготовке не следовало, главное – «дело сделать делом». С.Н.Чернов, биограф Пестеля, утверждал, что переворот замышлялся Пестелем как «война»: «с диктаторской властью полководца, которому целиком подчиняются все военные и гражданские власти до момента полного упрочения победы» [71, с.118]. При подготовке похода Пестель опирался не на тайное общество, а на реальные армейские структуры [24, с.15–97].

Все последние годы существования южного заговора Пестель и его сторонники уговаривали руководителя Васильковской управы не начинать необдуманных действий. Но удерживать Сергея Муравьева с каждым разом было все труднее. Муравьев-Апостол был уверен в себе, не хотел слушать возражений и доказывал, что «первая масса, которая восстанет, увлечет за собою прочие» и что посланные против революционеров войска неминуемо присоединятся к революционному походу [4, с.112]. «Я предлагал начатие действия, явным возмущением отказавшись от повиновения, и стоял в своем мнении, хотя и противопоставляли мне все бедствия междоусобной брани, непременно долженствующей возникнуть от предлагаемого мною образа действия», – показывал Сергей Муравьев на следствии [44, с.278].

Матвей же утверждал, что «сношения» младшего брата с лидером заговора «были довольно холодны, и чтобы более еще не удалиться от него, он не говорил явно всем – но, впрочем, он очень откровенно сказывал о сем самому Пестелю» [38, с.265].

К концу существования заговора соратники усматривали в Сергее Муравьеве-Апостоле «непоколебимую решимость действовать вопреки всего» [51, с.79].

«Экзальтация погубила меня» Штабс-капитан Семеновского полка, адъютант генерал-губернатора Малороссии князя Николая Репнина Матвей Муравьев-Апостол гораздо чаще, чем его брат Сергей, был подвержен приступам скуки, меланхолии и отчаяния.

Уехав в 1818 г. из Петербурга в Полтаву, где служил Репнин, и в связи с этим отойдя от заговора, образование «Южного округа Союза благоденствия» Матвей встретил скептически. На следствии утверждал, что «отказался от присоединения» к новому обществу, «не являлся ни одного разу в собраниях его, бывших в Киеве» и «не принадлежал Васильковской управе». Более того, судя по его показаниям, «когда Южное общество основалось», он «брата упрасивал, чтобы он отказался ему принадлежать» [38, с.200, 233, 242 и др.].

В начале 1820-х годов Матвею было не до тайных обществ: его буквально преследовали неудачи. Поссорившись с Репниным, он пожелал «служить во фронте» и «оставил адъютантскую должность». В январе 1821 г. Матвей был переведен из Семеновского в Лейб-гвардии Егерский полк [38, с.217, 180]. Собравшись отправиться в Вильно, место квартирования гвардейских егерей, он «в приказах» увидел, что снова переведен – на этот раз «в Полтавский пехотный полк майором» [49, с.135; 38, с.217, 180].

Перевод в армию был вопиющей несправедливостью: к Семеновской истории Матвей никакого отношения не имел, осенью 1820 г. он находился в Полтаве. Эту несправедливость нельзя было объяснить общим для всех офицеров-семеновцев наказанием: его однополчанин капитан Сергей Трубецкой тоже не присутствовал при «истории», но его перевели не в армию, а в гвардейский Преображенский полк, и вскоре он получил чин полковника.

Обидевшись, Матвей подал в отставку, которая и последовала в начале 1823 г. Отставка, кроме моральных страданий, принесла ему серьезные финансовые неприятности.

Покидая службу, гордый майор подписал обязательство не просить у государства финансовой помощи и жить «собственным пропитанием» [62, л.7]. А это значило, что 29-летний полный сил и энергии отставной офицер, прошедший войну, собственных денег лишился в принципе. Матвей стал полностью зависим от отца, с которым, к тому же, у него были весьма напряженные отношения.

Отставка и финансовый крах спровоцировали депрессию Матвея: он начал задумываться о самоубийстве. По его признанию, с 1823 г. самоубийство стало для него «навязчивой идеей» [38, с.275]. По словам же Сергея, в брате произошла «большая перемена», «его постигли всякого рода горести, от которых досталось его сердцу и самому здоровью» [41, с.318]. Его подавленное состояние заметил не только Сергей, но и другие родственники – сестра, мачеха и отец. Родные в один голос убеждали Матвея ехать из Хомульца – отцовского имения под Полтавой, где он поселился после отставки, – в столицу [41, с.318–319].

Столичным родственникам Сергей писал, что старший брат «всю весну» 1823 г. собирался ехать, «в начале весны» даже выехал в столицу – однако повернул назад «из-за дурной дороги и в особенности из желания побыть еще с батюшкой». Сергей, по его словам, «горячо желал» этой поездки, но «переставал уже надеяться, что это сбудется». Сергей считал, что брату просто необходимы «столичные развлечения» [41, с.318–319].

О том, какого рода «развлечения» предстояли Матвею, никто из родственников – кроме Сергея – не знал. С этой поездкой была связана метаморфоза в судьбе старшего брата: он вновь стал заговорщиком.

Строя план военной революции, Пестель был уверен, что начинать ее следует в «средоточии всех правлений и властей» – в Петербурге, а значит, необходимо предварительно договориться со столичными заговорщиками. «Наше дело в армии и в губерниях было бы признание, поддержание и содействие Петербургу», – показывал он на следствии [48, с.87]. Для установления контактов со столицей в конце

1822–1823 г. в Петербург приезжали эмиссары Пестеля: генерал-майор князь Сергей Волконский, отставной полковник Василий Давыдов и поручик князь Александр Бяратинский.

Все трое имели при себе письма Пестеля к одному из северных руководителей – Никите Муравьеву. Муравьева, своего старинного друга, известного республиканскими взглядами, Пестель в 1823 г. не без оснований считал собственным единомышленником. Цель этих поездок, по словам Волконского, состояла в том, чтобы «учредить связь чрез Никиту Муравьева между северной и южной управою» [12, с.157].

Пестель показывал, что с Волконским он писал Никите Муравьеву письмо, в котором просил «быть откровенным» со своим друзьями и «сообщить» на юг о действиях столичных заговорщиков. С ответным письмом Волконский привез Пестелю «начатую Муравьевым конституцию». С Давыдовым к Никите отправилось «предлинное письмо», в котором Пестель критиковал полученный документ и предлагал для обсуждения «главные черты» «Русской Правды» [48, с.162]. На юг Давыдов привез еще один экземпляр конституции – для Сергея Муравьева-Апостола. Пестелю же было отправлено «простое письмо» [17, с.228].

Письмо, отнесенное Бяратинским, содержало упреки в адрес столичных заговорщиков «в недеятельности». Пестель объяснял Никите Муравьеву, что «лучше совсем разойтись, нежели бездействовать и все-таки опасностям подвергаться» [48, с.162].

В ряду этих поездок следует рассматривать и путешествие Матвея Муравьева-Апостола. Поручение ехать в столицу он получил «от южной Директории» [38, с.281]; специального расследования о том, кто именно послал его договариваться с северянами, не проводилось. Но Пестелю был необходим верный человек, имевший возможность провести в Петербурге долгое время. Сергей же в данном случае Пестеля, по-видимому, поддержал. Активность в заговоре оказалась радикальным, но весьма действенным средством, позволившим обоим братьям справиться с депрессией.

С июня 1823 по август 1824 г. Матвей жил в столице, разговаривал с северными лидерами, принимал у себя южных эмиссаров. «Поручения, которые я имел, состояли в том, чтоб согласить Северное общество избрать одного директора, который был бы также членом директората Южного. Это значило произвести совершенное слияние двух обществ», – показывал он на следствии [38, с.201]. Матвею пред-

стояло заставить столичных заговорщиков согласиться с «вдворением» «республиканского правления, изложенного Пестелем» [51, с.73].

Матвей не обладал харизмой и честолюбием политика, не видел себя сверхчеловеком, повелевающим массами, и не стремился в руководители тайного общества. Мистиком он, судя по сохранившимся документам, тоже не был и «голосов», по-видимому, не слышал. «Я греко-российской православной веры. Каждогодно я бываю на исповеди и у Святых Причастий», – показывал он на следствии [38, с.215]. Он считал, что «христианская религия – религия чувства. Ее надо понимать сердцем, ибо сердцем обычно постигается великое» [37, с.15].

Матвей был убежденным республиканцем и сторонником царейубийства. Он, как и брат, считал, что Риего сам виноват в собственной гибели, поскольку «должен был основать республику и никак не верить присяге тирана» [51, с.73]. Согласно семейным легендам, императора Матвей не любил лично. И был вынужден уйти с должности адъютанта Репнина потому, в частности, что «на одном обеде в то время, как стали пить здоровье государя, отказался присоединиться к тосту и, не притрогиваясь, вылил на пол содержимое своего бокала» [5, с.409].

Причем в вопросе о судьбе императорской фамилии Матвей Муравьев-Апостол был радикальнее брата. Поджио показывал, что Матвей разделял мнение Пестеля о необходимости «покушения» на «всех особ царской фамилии»; как и Пестель, он считал, что произвести это покушение необходимо «заговором, отдельным от общества» – «чтобы отвратить сие преступление от него» [51, с.48, 73]. Сам Матвей в одном из показаний упомянул, что «согласился» с Пестелем в вопросе о судьбе царской семьи; при этом, комментируя позицию Сергея, Пестель сказал: «votre frère est trop pur et faut faire maison nette» («ваш брат слишком чист, надо покончить со всем царствующим домом») [38, с.253, 265].

Следствие, опираясь на слова Поджио, в итоге пришло к выводу, что Матвей был «одним из жарких приверженников Пестеля и республиканского правления» [18, с.39]. Пестель же относился к Матвею тепло и уважительно, вполне доверяя ему.

Роль представителя Юга в столице далась Матвею нелегко. Ему пришлось выбирать между Пестелем и близкими друзьями: кузеном Никитой Муравьевым и Сергеем Трубецким – с которым Матвея связывало общее военное прошлое. Трубецкой объяснял Матвею, что

даже если тайное общество воспользуется убийством императорской фамилии, «хотя бы и без его ведома учиненным», то сразу же потеряет доверие народа. Кроме того, Трубецкой говорил, что «в России не может существовать иного правления, кроме монархического, и если кто иначе думает, тот не знает России» [68, с.87].

Никита же, автор конституционно-монархической конституции, главный идейный противник Пестеля, прямо заявлял Матвею, что «Южная управа с ума сошла, она сама не знает, что она затевает». И Матвею, и столичным заговорщикам Никита поведал, что, призывая его к активности, «Южное общество требует от него невозможное, что оно думает испугать Северную управу» рассказами о собственных действиях, забывая при этом, «что Петербург не провинция и что надобно иметь большую осторожность» [38, с.256–257].

«Когда я приехал в Петербург, – показывал Матвей на следствии, – я явился к Н[иките] Муравьеву и сказал ему, что я в полном его расположении». Но впоследствии, по словам Матвея, он «начал опять действовать в духе Южного общества, что удивило брата Н[икиту] Муравьева, который не понимал сего противоречия» [38, с.256–257]. Никита подтверждал его показания: «Что ж касается до Матвея Муравьева-Апостола, то он колебался между мною и Пестелем» [36, с.324].

Колесания эти закончились однозначной поддержкой Пестеля и его революционной решительности: единомышленникам Матвей рассказывал, что «бездействие» Никиты вызвало в нем «сильное подозрение» и большое «негодование». Он «очень сетовал», что «Никита и другие члены все умствуют, а ничего не делают» [48, с.188; 51, с.69; 2, с.285]. Брятинский, видевшийся с Матвеем в столице и вместе с ним беседовавший с Никитой, рассказал на следствии, как происходили переговоры кузенов: «До одиннадцати или 12 часов Никита Муравьев оправдывался насчет малой своей деятельности и читал нам свою конституцию... и мне и Матвею очень ею наскучил» [2, с.285].

Сделав выбор, Матвей остро реагировал на предъявляемые Пестелю обвинения в честолюбии и стремлении к личной власти. «Такому честолюбию я всегда буду ступенью первой», – говорил Матвей обвинителям. Он «не полагал», что Пестель желает «присвоить власть себе», был «уверен» в руководителе южной конспирации [51, с.77, 73], хотел видеть Пестеля в составе Временного правления [65, с.176].

Столичное общество «находилось тогда в расстройстве и не имело заседаний» [38, с.281]; объединяться южным заговорщикам бы-

ло просто не с кем. Матвей стал одним из инициаторов воссоздания тайного общества в Петербурге. Он присутствовал на совещании у Ивана Пущина, когда «учредили управы» и сформировали руководящий орган – Думу [51, с.69; 38, с.257]. В «Записку о силе вины» Матвея, а потом и в его приговор вошла фраза о том, что он «участвовал в восстановлении деятельности Северного общества» [38, с.284; 18, с.204].

Но воссозданное столичное общество не пожелало объединиться с южным. «Успехов приобрел он (Матвей Муравьев-Апостол. – *О. К.*) очень мало», – констатировал Пестель [48, с.164]. В марте 1824 г. южный лидер сам приехал в столицу и попытался лично договориться с северянами.

Участвуя в сложных «объединительных» переговорах, Матвей почти всегда сопровождал и всегда поддерживал Пестеля, «спорил весьма сильно в пользу Временного правления» и «конституционных предположений» своего лидера [48, с.187]. Кульминационный момент этих переговоров в изложении Матвея выглядел следующим образом: «Пестель, видя, что никто из членов Северного общества не склоняется на его предложение насчет... соединении обоих обществ, ударил по столу и сказал: «Так будет же республика» – но все члены Северной управы не согласились... Пестель сказал тут же: «Так, Северное и Южное общество отдельные. Все сведения, которые вы будете желать иметь от Южного общества – оно вам их доставит, надеясь, что вы с вашей стороны то же сделаете. Вот Матвей Муравьев здесь остается, и вы можете к нему адресоваться, в чем вам нужно будет, для Южного общества» [38, с.260]. «Разговаривали и разъехались», – таким видел итог «объединительных совещаний» сам Пестель [48, с.163].

Еще одно «действие» Матвея в столице заключалось, как сказано в составленной на след-

Матвей Муравьев-Апостол

ствии записке о силе его вины, в выполнении поручения Пестеля втайне от столичной организации учредить «особенное общество» [38, с.281]. «Муравьев долженствовал составлять в Петербурге управу из членов в духе Южного общества, и все меры к тому предоставлялись его усмотрению. Он же сам мне говорил, что... членов, коих он примет, не вводить в сношения с противниками республиканского правления для избежания новых несогласий... Я находил сие весьма основательным и советовал ему сего предположения держаться», – показывал Пестель [48, с.187].

Это новое общество получило в историографии название «северно-го филиала» Южного общества – и Матвей согласился стать руководителем «филиала». В его подчинении оказались юные кавалергардские корнеты – Федор Вадковский и Петр Свистунов, которые быстро приняли в организацию два десятка молодых офицеров, в основном своих однополчан.

В беседах с ними Пестель был откровенен. Офицерам было рассказано о цели общества – установлении в России республики, об основных положениях «Русской Правды», был сделан намек на насильственное решение вопроса об императорской семье.

Но идея «филиала» тоже оказалась провальной. «Тайну» своей организации кавалергарды не смогли скрыть от северных лидеров. Вскоре после отъезда Пестеля из Петербурга в «филиале» началась борьба за власть, перешедшая в полное безвластие и парализовавшая деятельность организации. В результате многие члены «филиала», извещенные о готовящемся выступлении 14 декабря 1825 г., оказались в этот день в рядах верных властям войск (см. об этом подробнее: [27]).

К петербургскому периоду жизни Матвея Муравьева относится и инициированный им царевубийственный план. «Я уже несколько почт не получал писем от брата моего Сергея, с которым я всякую неделю переписывался... Я видел Пестеля и сказал ему, что, верно, Южное общество захвачено и что надобно бы здесь начать действия, чтобы спасти их. Пестель мне сказал, что я хорошо понимаю дела», – повествовал он на следствии.

В сообщники Матвей планировал взять Вадковского и Свистунова, у которых просил содействия. Оба корнета согласились с Матвеем – а Вадковский присовокупил, что он и сам имел мысль «посягнуть на жизнь покойного государя» с помощью духового ружья. Убить царя следовало в тот момент, когда во внутреннем карауле Зимнего дворца

будет стоять эскадрон кавалергардов под командой еще одного кузена братьев Муравьевых-Апостолов, полковника Артамона Муравьева [38, с.259].

Впрочем, план был быстро оставлен: Матвей получил письмо от брата. Выяснилось, что Сергей «ездил в деревню и пропустил несколько почт» [38, с.259].

Вскоре после этих событий Матвей Муравьев-Апостол покинул Петербург: кончились деньги, выданные отцом на столичную поездку. Узнав о финансовом положении Матвея, Пестель «хотел сделать подписку» в пользу своего представителя. Но к моменту возникновения этой идеи Матвея уже не было в столице [48, с.188; 38, с.261].

Покинув Петербург, Матвей Муравьев-Апостол уехал в Хомутое, где снова впал в депрессию. На следствии он показывал, что почувствовал «большое омерзение к обществу» [38, с.159].

В Хомутоце Матвея посетил недавно принятый в заговор сподвижник Пестеля майор Николай Лорер. Пестель просил Лорера узнать у Матвея, «не имеет ли» он «какое известие для Южного тайного общества от тайного общества в С[анкт]-Петербурге». В ответ майор услышал, что бывший эмиссар Пестеля «решительно более не хочет принадлежать к тайному обществу; что все, что общество ни делает, все сие служит ни к чему иному, как к несчастью нашему; что в Петербурге, напротив, все покойны и очень довольны правительством». Пестелю Матвей просил передать, «чтоб не считали более его в словии оного» [38, с.213–214].

О произошедшем вскоре узнали многие южные заговорщики. Так, например, Василий Давыдов был в курсе, что Лорер «нашел» Матвея «не таковым как прежде», что «он говорил об обществе как о самом пустом деле, ни к чему не ведущем, хотя опасном для его членов, говорил дурно о Пестеле и смеялся над его Конституцией и тому подобное» [17, с.232]. Пестель же, выяснив подробности разговора, решил, что «это все дело Сергея Муравьева, которой хочет вовсе отклониться» [51, с.77]. Но в данном случае руководитель Южного общества ошибался: новое настроение брата явилось для Сергея такой же неожиданностью.

Под впечатлением от встречи с Лорером Матвей написал Сергею письмо, датированное 3-м ноября 1824 г. – на основании которого

Следственная комиссия сделала вывод, что «мнения» старшего брата «значительно изменились» [18, с.39]. Именно это письмо дало историкам повод подозревать Матвея в «робости», «умеренности» и едва ли не в предательстве идеалов юности.

Между тем, из письма следует: Матвей не был ни «умеренным», ни «робким». Он не «охладел» к идеям тайного общества и по-прежнему хотел участвовать в строительстве «большого здания», для которого нужен «прочный фундамент». Содержание письма свидетельствует о другом: отстранившись от заговорщической повседневности, Матвей понял, что «в данный момент нельзя предпринять абсолютно ничего». Способы, которыми и его брат, и Пестель собирались брать власть, никуда не годны. И это убеждение стало его «profession de foi».

Брату он объяснял, что в России испанская модель работать не будет. Революционеров не поддержат офицеры других частей – подобно тому, как офицеры-семеновцы не поддержали солдат: «Нашелся ли хотя бы один офицер Семеновского полка, который подверг себя расстрелянию? Вы меня спросите, зачем им подвергать себя этому, но дело идет не о пользе, которую это принесло бы, а о порыве к иному порядку вещей, который был бы сим обнаружен».

Матвей был уверен, что, в случае начала восстания, заговорщиков не поддержат и солдаты. Гвардейские полки после Семеновской истории подверглись серьезным «изменениям» и «не подадут больших надежд», солдаты «не так недовольны, как мы там думали». «Армия первой изменит нашему делу», – утверждал Матвей.

Старший брат пытался объяснить младшему, что заговорщиков не поймет и народ, что представления о всеобщей ненависти к самодержавию – утопия: «Мне пишут из Петербурга, что царь в восторге от приема, оказанного ему в тех губерниях, которые он недавно посетил. На большой дороге народ бросался под колеса его коляски, ему приходилось останавливаться, чтобы дать время помешать таким проявлениям восторга. Будущие республиканцы всюду выражали свою любовь».

Император и великие князья сплотили вокруг себя армию, народ и дворянство, они «дарят земельные владения, деньги, чины» – а заговорщики только «сулят отвлеченности», раздают «этикетки государственных мужей людям, которые и вести-то себя не умеют».

Образ действий Пестеля не нравился Матвею столь же сильно, как образ действий брата. Пестель в столице «тоном учителя» пытал-

ся «навязывать положенные на бумагу гипотезы, о которых одному лишь богу известно, применимы они или нет». Защищавший южного лидера от столичных нападков, теперь Матвей был уверен: в столице Пестель действовал «для удовлетворения ничтожнейшего тщеславия». Тайное общество расколото, единства в главнейших вопросах как не было, так и нет. Нет и постоянных связей между руководителями Юга и Севера.

«Мы еще далеки от того момента, когда благоразумно рисковать», риск же «без здравого рассуждения» может привести только «к потере людей и затягиванию дела, может быть, до бесконечности», «плохая действительность в данном случае предпочтительнее блестящей неизвестности» – резюмировал Матвей [38, с.210–212].

Но, несмотря на жесткое неприятие методов деятельности заговорщиков, тайное общество Матвей не покинул. На следствии он опишет произошедшее с ним в знакомых с детства литературоведческих категориях: «Можно сравнить это с ролью, которую играла судьба в трагедиях древнего мира. Напрасно хочешь уйти – покинув путь долга, вы осуждены вращаться в порочном кругу, который вновь приводит вас к той точке, от которой вы хотели бежать. Экзальтация погубила меня» [38, с.272, 273].

В конкретных обстоятельствах жизни Матвея Муравьева-Апостола «путь долга» вне тайного общества – это все тот же путь бессмысленного сидения в деревне, зависимости от отца и нескончаемой депрессии. У Матвея не было ни собственных денег, ни места в социуме. Все, на что он мог рассчитывать – это на крышу над головой и небольшое денежное содержание, которые ему предоставил отец-сенатор. О «высокой цели», к которой свойственно стремиться всякому, кто «родился не *veluti resoga*», следовало позабыть. Забыть надо было и о желании «быть полезным». Пестель и младший брат предлагал Матвею иной путь, пусть сопряженный со смертельным риском, но вполне достойный прошедшего войну и проливавшего кровь за отечество офицера. Революционная «экзальтация» была для Матвея единственным достойным выходом из ситуации.

Очевидно, Сергей Муравьев-Апостол хорошо понимал, что у брата нет шансов выйти из заговора. Получив письмо Матвея, Сергей «объяснялся» с Пестелем, выясняя у него, зачем Лорер поехал к Матвею.

Объясняться же с самим Матвеем поехал Бестужев-Рюмин – несмотря даже на то, что в письме он был назван «мнимым другом» и заподозрен в «тщеславии» [44, с.289; 38, с.210]. Переговоры, по всей видимости, были нетрудными: Матвей не только остался в заговоре, но и подружился с «бестолковым мальчиком», дружеские чувства и в данном случае были взаимны. Впоследствии Матвей будет вспоминать «знаки истинной дружбы», которые оказал ему подпоручик, а Бестужев-Рюмин напишет в показаниях, что «любил» Матвея [67, с.248; 4, с.122].

Пестелю было отправлено письмо, из которого следовало, что бывший представитель Юга на Севере «тот самый ревностный член общества, которым и был, что он готов на все, что только в силах его будет», чтобы «действовать и вспомоществовать обществу». В ответе Пестель выражал уверенность, что старший брат не может «изменить самому себе» и что на Матвея он «всегда будет надеяться» [38, с.214, 264].

А уже «в декабре 1824-го или в январе 1825-го года» братья Муравьевы-Апостолы вместе уговаривали командира Полтавского полка полковника Василия Тизенгаузена, решившего порвать с заговором и перевестись на другое место службы, не делать этого.

Тизенгаузен рассказывал на следствии, как к нему приехали «два брата Муравьевых, Матвей и Сергей, и уговаривали всячески», чтобы он «полка не оставлял». При этом Сергей Муравьев-Апостол встал перед полковником на колени и сказал, что он «не встанет», пока Тизенгаузен не пообещает «исполнить просьбы его». Сергей Муравьев-Апостол подтвердил показания Тизенгаузена – «с тою только отменюю», что не стоял перед ним на коленях, «а уговаривал его убедительно не оставлять ни службы, ни полка, и не отступил от него, пока не получил честного на то слова его».

В итоге Тизенгаузен остался в заговоре. «Нелегко мне было бороться с сими двумя весьма умными, начитанными людьми», которые, к тому же, были «с энтузиазмом» преданы идее «ввести в России конституцию», – показывал командир полтавцев [67, с.256–257; 44, с.355].

В феврале 1825 г. в Васильков приезжал Пестель и виделся там с обоими братьями. Матвея он нашел «в самом ревностнейшем расположении духа» – то есть в том же настроении, в каком он был в столице [4, с.112; 48, с.188]. К концу же этого года у Сергея Муравьева-Апостола не было повода сомневаться, что Матвей поддержит

его в случае начала восстания. В ходе смотра войск 3-го пехотного корпуса под местечком Лещин, т. наз. Лещинского лагеря, спонтанно возник – и тут же был оставлен – план немедленного революционного выступления. По словам Бестужева-Рюмина, обсуждая с единомышленниками детали этого плана, «Сергей Муравьев хотел послать за братом своим Матвеем и поручить ему немедленно отправится в Петербург, дабы уговорить Северное общество с нами совокупно действовать» [4, с.114].

Но, согласившись не покидать тайное общество, Матвей, судя по документам, не мог заставить себя не видеть очевидного: успеха замысла брата и Пестеля быть все равно не могло. До разгрома заговора прошло чуть больше года, и все это время он существовал между «экзальтацией» заговорщика и отчаянием, обусловленным трезвым взглядом на происходящее.

Письмо Пестелю, в котором Матвей выражал готовность «вспомоществовать обществу», было сочинено Бестужевым-Рюминым; Матвей его только переписал. Когда в начале 1825 г. в Киев перевелся по службе Сергей Трубецкой, ставший дежурным штаб-офицером 4-го корпуса, брат просил Матвея «заставить действовать Трубецкого над 4-м корпусом» и сообщить о собственных успехах Пестелю. Однако Матвей снова отказался сочинять письмо: он переписал текст, написанный на сей раз Сергеем. В письме сообщалось, что Матвей «виделся с князем Трубецким» и что они договорились «вместе пещтись о пользе общества» [38, с.189, 235, 264].

Брат и Бестужев-Рюмин объяснили Матвею, что разговор с Лореном произвел «весьма дурное впечатление на всех членов общества, которые и без того требуют быть понуждаемы» [38, с.264]. Поэтому в апреле 1825 г., стараясь «заставить забыть дурное впечатление» от собственных слов, Матвей демонстрировал товарищам по заговору «ту же стремительную решимость скорее начать возмутительные действия общества», какую «всегда показывал» Сергей – «вопреки всем рассуждениям прочих членов» [51, с.79; 38, с.250–251, 264].

При этом Матвей не оставил и мыслей о самоубийстве. Догадавшийся об этом Сергей заставил старшего брата поклясться перед портретом покойной матери, что он не станет покушаться на собственную жизнь [38, с.275].

«Секира революции»

Позднейшее свидетельство Сергея Муравьева, что Матвей «не сочувствовал» его «делу» и последовал за восставшим Черниговским полком из «дружественной преданности», подтверждается показаниями Матвея. Матвей утверждал, что остался с восставшим «единственно» ради брата [42, с.50; 38, с.184]. Но свидетельства эти справедливы лишь отчасти. В период, предшествующий восстанию, Матвей был весьма активен – и по-прежнему участие в заговоре было для него единственной достойной жизненной дорогой.

Тем более, что еще в начале года заговорщикам стало ясно: как Пестель «ни властвовал», как «ни стращал» Бестужева-Рюмина за его «безумные мысли», «однако же [Сергея] Муравьева опасался, ибо видел, не признавая того, что сила вся была у него». К Васильковской управе принадлежали, в частности, несколько старших офицеров и полковых командиров, у Пестеля же «никого не было», кроме командовавшего армейской бригадой генерал-майора Сергея Волконского [51, с.78]. К лету 1825 г. этот факт «признал» и Пестель: васильковским заговорщикам он дал поручение «самым вернейшим образом приготовить 3-й корпус к восприятию действий на общем смотре в 1826 году» [4, с.113].

В ноябре 1825 г., «ради... ответственности перед Союзом», Пестель «приобщил» Сергея Муравьева к Директории. Кроме того, он прислал Муравьеву записку, в которой назначал его «главноначальствующим» над тайным обществом [48, с.110; 35, с.112, 117]. Теперь Матвей общался не просто с любимым братом, но и, по-видимому, с формальным руководителем заговора.

В конце 1825 г. братья почти все время были вместе. Матвей был рядом с Сергеем, когда в конце ноября в Васильков приехал посланец Пестеля, служивший в армейском штабе в Тульчине поручик Николай Крюков [38, с.235].

Время было тревожное: высшие чины 2-й армии, в которой служил Пестель, еще не знали о смерти Александра I, но уже получили сведения о его смертельной болезни. Однако они не предавали эти сведения огласке. Тайные поездки и секретные совещания армейского начальства дали заговорщикам повод думать, что «общество открыто». И Пестель через Крюкова предупреждал Сергея Муравьева об опасности, беспокоился, «дабы по случаю тогдашних обстоятельств он не начал бы неосторожно» [48, с.170, 172, 192].

Однако Сергей Муравьев ждать по-прежнему не хотел. Крюков, вернувшись из Василькова, рассказал своим тульчинским единомышленникам, что «Муравьев этот в таком расположении, что хоть сейчас в поле, что сказал ему: «У нас ничего не бойтесь, говорите все и при всех; я вам это докажу». После чего вывел его перед какою-то командою и спросил: «Ребята! Пойдете за мною, куда ни захочу?» – «Куда угодно, Ваше высокоблагородие!» И еще что он не дастся, если его и брать будут» [6, с.359].

Из Василькова Крюков привез Пестелю три письма. Пестель показывал: «Одно письмо было от Бестужева-Рюмина, другое от Сергея Муравьева и третье от Матвея Муравьева. Они все трое писали ответ на сообщенное чрез Крюкова» опасение об открытии общества и изъясняли, что готовы действия начать, если общество открыто... Сергей Муравьев писал, что им только две недели нужны, дабы значительные силы собрать. Матвей Муравьев в том же смысле отзывался. Крюков говорил, что ежели судить по словам Бестужева и Муравьевых, то они должны быть очень сильны» [48, с.192].

Пестель, получив письма, говорил своим соратникам, что «он не ручается», чтобы Сергей Муравьев «по пылкому своему нраву не начал бы действий, узнав о кончине государя императора». В ходе обсуждения возникла идея «послать за Матвеем Муравьевым, чтобы уговорить его удержать брата от действия» [12, с.146; 17, с.218, 217]. Трудно сказать, как повел бы себя Матвей, если бы за ним действительно «послали»: идея эта реализована не была. Лорер вспоминал, что в начале декабря Сергей Муравьев прислал Пестелю «небольшую записочку, карандашом написанную»: «Общество открыто. Если будет арестован хоть один член, я начинаю дело» [28, с.77].

Но полученные братьями сведения об открытии тайного общества, а затем и о смерти императора Александра [38, с.202] не привели к немедленным действиям. Восстание Черниговского полка началось спустя месяц после визита Крюкова. За это время случилось многое: армия успела присягнуть и императору Константину, и императору Николаю, был арестован Пестель. Бестужев-Рюмин уехал из Василькова к месту службы, затем вернулся и просил Сергея Муравьева договориться с корпусным начальством о поездке в Москву, где у него умерла мать.

Известие о разгроме на Сенатской площади настигло братьев 25 декабря в Житомире, в штабе корпуса, где Сергей собирался просить отпуск для Бестужева-Рюмина. Вскоре стало известно о приказе об

аресте братьев и об обыске в Василькове. Реакция на происшедшее у Матвея и Сергея была разной. «Я предложил... застрелиться нам обоим», – показывал Матвей. Сергей же рассматривал разные варианты действий, но в итоге решил по-другому: «Если доберусь до батальона, то живого не возьмут» [38, с.261; 4, с.122; 35, с.110].

Когда в ночь с 28 на 29 декабря восстание началось, и началось с кровавой драмы – нападения офицеров-черниговцев на полкового командира, Матвей оказался близок к полному отчаянью. С первой минуты понимавший, что победы быть не может, Матвей советовал брату «мирно положиться на волю государя, неотступно уговаривал» Сергея «от бесполезного восстания», сделал, по его словам, все от него зависящее, чтобы «остановить брата» [53, с.169; 38, с.235]. «Сергей Иванович колебался», и восставшие вынуждены были ждать его решения [53, с.169].

Уцелевшие офицеры рассказали Горбачевскому, что старший брат «со своею детскою боязнью, своими опасениями, смущал С. Муравьева и отнимал у него твердость духа. После каждого разговора с братом С. Муравьев впадал в глубокую задумчивость и даже терялся совершенно». Офицерам, напавшим на полкового командира и тем самым отрезавшим себе пути к отступлению, поведение их лидера не нравилось. Они, по словам Горбачевского, «старались не оставлять Матвея наедине с братом и даже хотели просить С. Муравьева, чтобы он удалил его от полка» [15, с.91].

Восставших Матвей не покинул – но очевидно, что он остался с черниговцами, повинувшись исключительно «братской любви». При этом к концу восстания самоубийство, по-видимому, стало казаться ему единственным выходом. На следствии Матвей показывал, что Бестужев-Рюмин предлагал в случае неудачи «скрыться в лесах и ехать в Петербург, чтобы посягнуть на жизнь государя императора» [38, с.261]. Комментируя это признание, Бестужев объяснял, что, предлагая заведомо невыполнимый план, он пытался таким образом «всячески отклонить» Матвея «от самоубийства» [4, с.122].

В ноябрьском письме 1824 г. старший брат спрашивал у младшего: «Допустим даже, что легко будет пустить в дело секиру революции; но поручитесь ли вы в том, что сумеете ее остановить?» [38, с.211]. Через год, в ходе восстания, Сергей Муравьев-Апостол полу-

чил возможность убедиться в уместности этого вопроса. Восставший полк быстро стал неуправляем; солдаты начали грабить окрестные селения. Подчиняться приказам «глаголящего во имя Господне» они не захотели, не помогло даже чтение «Православного катехизиса» (см. об этом: [54; 1; 26, с.212–218]).

«2 января» 1826 г. Матвей, по его признанию, «был очень печален, потому что... предчувствовал, чем все это кончится» [38, с.261]. На следующий день, 3 января, восстание Черниговского полка было жестко подавлено: если на Сенатской площади власти поначалу пытались договориться с восставшими о мирном разрешении ситуации, то в данном случае переговоры исключались. Сергей Муравьев-Апостол рассказывал на следствии: «Между деревнями Устимовкою и Королевкою был встречен отрядом генерала Гейсмара, я... приказал солдатам не стрелять, а идти прямо на пушки, и двинулся вперед со всеми остававшимися офицерами. Солдаты следовали нашему движению, пока попавшая мне в голову картечь не повергла меня без чувств на землю» [44, с.288].

Иван Горбачевский в «Записках» критиковал Сергея Муравьева за то, что он «на каждом шагу делал ошибки и непростительные упущения». В частности, по мнению мемуариста, восставшим следовало двигаться «которою-нибудь из дорог, лежащих чрез деревни». Муравьев же «пошел степью, не защищенною ничем и весьма удобною как для кавалерийской атаки, так и для действия артиллерии» [15, с.90–91].

С военной точки зрения Горбачевский прав: вывод неполного пешеходного полка в степь, прямо на гусарские эскадроны и конно-артиллерийскую роту, был «непростительным упущением». Но, по эмоциональному утверждению Эйдельмана, дело не в том, что Сергей Муравьев-Апостол оказался «плохим полководцем»: «Через степь – по военной логике – безумие. Через степь – по мятежной логике – последний шанс» [76, с.290].

«Шанс» этот заключался в надежде на присоединение войск, посланных на усмирение мятежа: проверку проходила «модель Риего». Офицеры-участники восстания знали, что пушками командовал состоявший в заговоре капитан Матвей Пыхачев, и надеялись, что артиллеристы «тотчас соединятся с Черниговским полком» [4, с.47; 15, с.83]. Современник событий, военный историк Александр Михайловский-Данилевский, специально собиравший сведения о разгроме

черниговцев, утверждал, что мятежники были «уверены» и в «содействии гусар» [34, с.497].

Но за пять дней похода ни одна воинская часть не поддержала мятежников; к 3-му января Сергей Муравьев-Апостол вряд ли не мог не понимать, что испанская модель может не сработать. В этом случае выход за деревни «на пушки» приобретал и другое значение. Если артиллеристы и гусары откажутся присоединяться к восставшим, «секиру революции» следовало немедленно остановить: дальнейшее движение разложившегося полка было бессмысленно. «Хотя мы имели возможность пробиться, но Муравьев предпочел лучше пожертвовать собой, чем начать междоусобную войну. Он заставил войска сложить оружие. Ни одного ружейного выстрела не было произведено», – показывал Бестужев-Рюмин [4, с.47–48]. При этом и себе самому Сергей не оставлял шансов. Матвей на следствии дважды повторил, что в момент разгрома младший брат встал перед стрелявшими в восставших пушками [38, с.206, 240].

Руководитель восстания не погиб, но на поле боя застрелился 20-летний Ипполит Муравьев-Апостол, юный заговорщик, тоже принявший участие в событиях (См. об этом: [24, с.243–319]).

Произошедшее привело Матвея на грань помешательства. Следователю, генерал-лейтенанту Александру Чернышеву, он писал из тюремной камеры: «Моя совесть не дает мне покоя ни ночью, ни днем. Я – старший сын у отца. На меня он должен был полагаться в сохранении моих братьев. Я весьма жестоко обманул его ожидания... Умереть голодной смертью – смерть наиболее жестокая – я ее выбираю, она будет благодеянием для меня, она даст мне покой могилы и облегчит память обо мне от огромной тяжести моего преступления» [38, с.273].

С собой Матвей не покончил, но Сергей в письме к брату, написанном накануне казни, снова просил его не сводить счеты с жизнью [42, с.52–54]. Матвей выполнил просьбу Сергея: проведя в Сибири три десятилетия, он вернулся в Центральную Россию и умер естественной смертью в 93 года.

Заключение

Сразу после казни декабристов история их заговора стала выстраиваться, образно говоря, «вокруг виселицы»: наиболее интересны и современникам, и историкам были те, кто погиб в 1826 г. на эша-

фоте. Матвей остался жив – а значит, он по определению был менее интересен, чем Сергей. Естественно, такой подход сильно обедняет представления об эпохе 1820-х годов.

Матвей Муравьев-Апостол был одним из главных деятелей российских тайных обществ, прошел путь от Союза спасения до восстания Черниговского полка, был другом и сподвижником и Пестеля, и своего брата; во многом благодаря его усилиям было восстановлено Северное общество. В необходимости для России радикальных революционных преобразований он не сомневался. Рефлексия же Матвея, его рассуждения о негодности методов, которыми заговорщики хотели взять власть, уверенность в невозможности победы говорят вовсе не о «бледности» и слабости. Российскую реальность 1820-х годов Матвей Муравьев-Апостол понимал лучше многих руководителей заговора.

Матвей оказался прав: ни Пестелю, ни «апостолу Сергею», ни их столичным друзьям победить не удалось. Случилось именно то, о чем он предупреждал: заговорщики так и не договорились ни о будущем России, ни о совместном выступлении. Восстание Черниговского полка началось через две недели после Сенатской площади и уже в момент начала было обречено на поражение. В ходе «южного бунта» армия действительно «изменила» революционному делу, ни одна воинская часть так и не поддержала мятежников, «модель Риего» не сработала. Непродуманные действия привели к человеческим жертвам, но не поколебали основы российского самодержавия.

Однако в основе размышлений и действий и самого Матвея, и его брата Сергея, и Пестеля, и их товарищей лежали стремление к «высокой цели», мечта быть полезными своей стране, улучшить существование миллионов сограждан. Если бы император Александр прислушался к своим подданным, умным, европейски образованным, либерально мыслящим и мечтавшим о социальной реализации молодым дворянам, история страны могла бы сложиться по-другому. Но декабристам в аракчеевской России места не было, власть буквально вытолкнула их в тайные общества. Вооруженное противостояние конца 1825 – начала 1826 гг. было неизбежным.

Список сокращений

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

Библиографический список

1. Базилевич В.М. Збитки від повстання 1825–1826 рр. // Декабристи на Україні. Київ, 1926. Т.1. С.101–113.
2. Барятинский А.П. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1953. Т.10. С.253–297.
3. Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837. М.: Рос. фонд культуры; Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 2012. 760 с.
4. Бестужев-Рюмин М.П. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1950. Т.9. С.26–176.
5. Бибикова А.И. Из семейной хроники // Исторический вестник. 1916. №11. С.404–426.
6. Бобрищев-Пушкин Н.С. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.: Наука, 1969. Т.12. С.342–387.
7. Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб.: Тип. Ф.Сущинского, 1871. Т.5. 530 с.
8. Борисов П.И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т.5. С.6–75.
9. Вернадский Г.В. Два лика декабристов // Свободная мысль. 1993. №5. С.81–92.
10. Вигель Ф.Ф. Записки. М.: Захаров, 2003. Кн.2. С.610–1358.
11. Вишленкова Е.А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2002. 439 с.
12. Волконский С.Г. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1953. Т.10. С.97–183.
13. Восстание Черниговского пехотного полка // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. Т.6. 406 с.
14. Вяземский П.А. Старая записная книжка. 1813–1877. М.: Захаров, 2003. 960 с.
15. Горбачевский И.И. Записки, письма. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 354 с.
16. Готовцева А.Г., Киянская О.И. Рылеев. М.: Молодая гвардия, 2013. 350 с.
17. Давыдов В.Л. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1953. Т.10. С.183–249.
18. Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии // Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1980. Т.17. 295 с.
19. Журналы и докладные записки Следственного комитета // Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1986. Т.16. 400 с.

20. Ивинский Д.П. А.С.Пушкин, П.И.Пестель и «кишиневский кружок декабристов» // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. СПб.: Нестор-История, 2010. Вып.8. С.271–295.
21. Кавецька Т. Аскольдова могила – памятное место декабристов в Киеве (Тайна стихотворения Сергея Муравьева-Апостола) // Декабристи в Україні: дослідження й матеріали. Київ: Ін-т. іст. України НАН України; Київ. нац. унів-т ім. Тараса Шевченка, 2003. Т.3. С.29–42.
22. Капнист-Скалон С.В. Воспоминания // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М.: [б/и], 2008. Т.1. С.328–473.
23. Карацуба И.В. «Православный катехизис» С.И.Муравьева-Апостола: комментарий // Декабристы: актуальные проблемы и новые подходы. М.: РГГУ, 2008. С.460–476.
24. Киянская О.И. Декабристы. М.: Молодая гвардия, 2015. 383 с.
25. Киянская О.И. «Люди двадцатых годов». К биографиям Матвея и Сергея Муравьевых-Апостолов // Россия и современный мир. 2020. №4. С.39–61.
26. Киянская О.И. Южный бунт. Восстание Черниговского пехотного полка. М.: Форум; Неолит, 2016. 256 с.
27. Коржов С.Н. Северный филиал Южного общества декабристов // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. СПб.; Кишинев: Нестор-История, 2000. Вып.3. С.99–151.
28. Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984. 416 с.
29. Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя. СПб.: Искусство-СПб, 1995. 845 с.
30. Лунин М.С. Письма из Сибири. М.: Наука, 1988. 496 с.
31. Майофис М.Л. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 800 с.
32. Медведская Л.А. Сергей Иванович Муравьев-Апостол. М.: Просвещение, 1970. 176 с.
33. Мережковский Д.С. Революция и религия // Мережковский Д.С. Павел I. Александр I. Большая Россия. М.: Московский рабочий, 1989. С.647–699.
34. Михайловский-Данилевский А.И. Вступление на престол императора Николая I // Русская старина. 1890. №11. С.489–523.
35. Муравьев А.З. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1954. Т.11. С.90–132.
36. Муравьев Н.М. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т.1. С.288–331.
37. Муравьев-Апостол М.И. Воспоминания и письма. Пг.: Былое, 1922. 96 с.
38. Муравьев-Апостол М.И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.: Госполитиздат, 1950. Т.9. С.177–284.

39. Муравьев-Апостол С.И. «Je passerai sur cette terre...» // Декабристы: поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика. М.; Л.: Худ. лит-ра, 1951. С. 187, 626.
40. Муравьев-Апостол С.И. Два письма // Красный архив. 1928. Т.5 (30). С.217–226.
41. Муравьев-Апостол С.И. Письма // Русский архив. 1887. №3. С.315–320.
42. Муравьев-Апостол С.И. Письмо к отцу от 21 января 1826 г. Предсмертные размышления. Письмо накануне казни к брату его, Матвею Ивановичу // Русский архив. 1887. №1. С.47–54.
43. Муравьев-Апостол С.И. Письмо к С.М.Мартынову // Декабристы. М.: Изд. Гос. лит. музея, 1938. С.224–227.
44. Муравьев-Апостол С.И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т.4. С.227–412.
45. Немировский И.В. Либералисты и либертены: случай Пушкина // Новое литературное обозрение. 2011. №5. С.113–129.
46. Нечкина М.В. Кризис Южного общества декабристов // Историк-марксист. 1935. №7. С.30–47.
47. Парсамов В.С. А.С.Пушкин в оценке декабриста И.И.Горбачевского (из комментариев к письму И.И.Горбачевского к М.А.Бестужеву от 12 июня 1861 г.) // Историкографический сборник. Саратов: Изд-во Саратовского госуниверситета, 1998. Вып.17. С.108–114.
48. Пестель П.И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т.4. С.1–226.
49. Письма С.И. и М.И. Муравьевых-Апостолов к А.Д. и А.И.Хрущовым // Памяти декабристов: Сб. материалов. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Т.1. С.108–139.
50. Письмо полковника Ермолаева и Сергея Муравьева-Апостола князю Ивану Дмитриевичу Щербатову // Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807–1829). М.: ГПИБЛ, 2006. С.260–263.
51. Поджио А.В. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1954. Т.11. С.37–94.
52. Пушкин А.С. Дневники. Записки. СПб.: Наука, 1995. 336 с.
53. Рассказы о декабристах, записанные неизвестным лицом // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 2004. Т.ХIII. С.165–172.
54. РГВИА. Ф.1. Оп.1. Д.6491а.
55. РГВИА. Ф.14414. Оп.1. Д.182.
56. РГВИА. Ф.14414. Оп.1. Д.183.
57. РГВИА. Ф.14414. Оп.1. Д.186.
58. РГВИА. Ф.14414. Оп.10/291 (11а), св.11 (224). Д.68. Ч.3.
59. РГВИА. Ф.14414. Оп.10/291 (11а), св.12 (225). Д.73. Ч.2.
60. РГВИА. Ф.36. Оп.3/847, св.4. Д.12.
61. РГВИА. Ф.395, Оп.73, 2 отд. 1821. Д.562.

62. РГВИА. Ф.395. Оп.75, 2 отд.1822. Д.412.
63. РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.848.
64. Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск: Вост. – Сиб. кн. изд-во, 1984. 480 с.
65. Рылеев К.Ф. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т.1. С.147–218.
66. Сыроечковский Б.Е., Сокольский Л.А., Порох И.В. Примечания // Горбачевский И.И. Записки. Письма. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С.309–343.
67. Тизенгаузен В.К. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1954. Т.11. С.238–412.
68. Трубецкой С.П. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т.1. С.3–145.
69. Файерштейн С.М. Южное общество декабристов: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1950.
70. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Минск: Белорусская Православная Церковь, 2006. 607 с.
71. Чернов С.Н. Павел Пестель. СПб.: Лики России, 2004. 304 с.
72. Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб.: Изд. А.С.Суворина, 1898. Т.4. 654 с.
73. Штрайх С.Я. Предисловие // Муравьев-Апостол М.И. Воспоминания и письма. Пг.: Былое, 1922. С.3–10.
74. Щеголев П.Е. Катехизис Сергея Муравьева-Апостола (Из истории агитационной литературы декабристов) // Минувшие годы. 1908. №11. С.50–80.
75. Эйдельман Н.Я. Пушкин и декабристы. М.: Художественная литература, 1979. 422.
76. Эйдельман Н.Я. Апостол Сергей. М.: Политиздат, 1975. 391 с.
77. Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма. СПб.: Наука, 2007. 740 с.
78. Stites R. Decembrists with a Spanish accent // Kritika. 2011. Vol. 12. No 1. P.5–23.

Кирилл Соловьев

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ГЕНЕЗИС ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РОССИИ НАЧАЛА XX В.*

УДК
93/94

Статья посвящена становлению либеральных политических партий начала XX в., протопартийному периоду в их истории, социальной природе такого рода объединений. Отмечается естественная связь партийных структур с кружковой культурой, которая им логически предшествовала. При этом складывавшиеся организации формировались в условиях революционных катаклизмов и в значительной мере отвечали на вызовы времени.

The article is devoted to the formation of liberal political parties at the beginning of the XX century, the proto-party period in their history and the social nature of such associations. It is noted the natural connection of party structures with the circle culture that logically preceded them. At the same time, the emerging organizations were formed in the conditions of revolutionary cataclysms and largely responded to the challenges of the time.

Ключевые слова: либерализм; политические партии; революция.

Key words: liberalism; political parties; revolution.

E-mail: kirillsol22@yandex.ru

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ, проект №20-09-00105.

Историку нужна классификация. С ее помощью он упорядочивает хаос и пытается в нем разобраться. Тем же путем поступает и современник событий. Он тоже строит свой каталог, в котором раскладывает карточки по назначению. Другое дело, что историк систематизирует материал, зная, «чем все закончится». Наблюдатель отталкивается от того, что уже было. В любом случае выстраиваемый порядок в известной мере мнимый. Он удобен, но условен, и его не стоит абсолютизировать.

Это касается и привычной классификации идеологий и партий, которые обычно выстраиваются шеренгой справа налево, от консерваторов к социалистам. Где-то посередине «застряли» либералы, за что их и будут критиковать соседи со всех сторон. При попытке детализации этой картины и возникают проблемы. Как, например, расставить политические силы внутри «либерального лагеря»? Что такое идеология «октябризма»? Была ли вообще такая? Как объяснить социалистические симпатии кадетов? Все это позволяет одним исследователям усомниться в либерализме конституционных демократов. Другим – в либерализме октябристов. Примечательно еще и то, что русские либералы начала XX в. сами стеснялись своего либерализма и на предвыборных митингах предпочитали себя либералами не называть – при том, что за пределами России у них на этот счет комплексов не было [7, с.7–37].

Партийный либерализм того времени – ускользающая материя. Разговор о нем «спотыкается» о социальную природу любой из партийных организаций. Не все можно объяснить привычными словосочетаниями: «либерализм справа» и «либерализм слева». Кто был правее: кадет В.А.Маклаков или октябрист С.И.Шидловский? Кадет М.В.Челноков или октябрист Н.А.Хомяков? На эти вопросы нет ответа, так как сами они поставлены не вполне корректно. Маклаков вполне закономерно оказался в числе кадетов в то время, как Хомяков – в ряду октябристов.

По мысли французского исследователя М.Дюверже, партии в первую очередь подразумевают ситуативное единство. Их цель – борьба за власть в ходе избирательной кампании [3, с.21–29]. Ради этого сходятся не только идейные соратники, но и временные попутчики. Отчасти с этим можно согласиться, но с некоторыми существенными поправками. «Ситуативность» партийной группировки не значит ее случайности. «Ситуация» политической солидарности не исключает разногласий, но в обязательном порядке подразумевает способность однопартийцев понимать друг друга, говорить на одном и том же языке. Это намного важнее программного единства. Они должны чувствовать практически родство, близость прошлого опыта, а так-

же образа будущего. Такого рода альянсы складываются не в один день. Они требуют постепенной «притирки» будущих партийных лидеров. Те должны научиться понимать друг друга. В этом значение протопартийных организаций, которые стали необходимым преддверием всех больших политических объединений. Соответственно, у истоков партии кадетов был «Союз Освобождения». «Союз 17 октября» коренится в кружке «Беседа» [6, с.464–470]. В одном случае налаживался контакт между земцами-конституционалистами и неземской интеллигенцией, значительная часть которой придерживалась социалистических убеждений. В другом выстраивались отношения между сторонниками славянофильского идеала, столь удобного для оппозиционной платформы в самодержавной России, и конституционалистами, надеявшимися на радикальные политические реформы.

О протопартийных организациях стоит говорить специально. Это тем более важно по той причине, что подобные объединения – «житейского» свойства. Это были «площадки», на которых собирались друзья, знакомые, родственники, а не единомышленники. У них был общий жизненный социальный опыт. Соответственно, и взгляды их пересекались. Однако они отнюдь не обязательно должны были быть тождественными. Более того, они чаще всего не знали своих собственных взглядов. У них не было повода высказаться о своем понимании политики, будущего страны. В начале 1900-х гг. в старинных особняках Долгоруковых, Новосильцевых собирались земцы, недовольные административным давлением последнего десятилетия. На квартирах И.И.Петрункевича и В.И.Вернадского, в редакциях газеты «Русские ведомости» и журнала «Русское богатство» сходилась иная публика: преимущественно литераторы, журналисты, университетские профессора. Конечно, речь идет о малой, но самой активной части того движения, которое потом волеется в партии. Тем не менее эти малые группы сами по себе вполне показательны.

С одной стороны, речь идет о земской среде, преимущественно представленной помещиками самого разного достатка. По определению речь идет о лицах, занимавших активную жизненную позицию: иные в деятельности органов местного самоуправления не участвовали. Кроме того, земцы зачастую имели опыт гражданской или военной службы. Нередко были связаны с «высшими сферами». Среди них было немало знаковых фигур для русской общественной жизни: граф П.А.Гейден, М.А.Стахович, Д.Н.Шипов и др. Их солидарности, помимо общего дела, способствовала общая угроза: непрерывные правительственные атаки на земство, которые шли с начала 1880-х гг. В 1889 г., накануне принятия нового Земского положения, могло показаться, что земство оказалось на краю пропасти. Страхи оказались пре-

увеличенными. И все же они оставались, а обиды множились. Десять лет спустя, в 1899 г., земцы вновь почувствовали надвигавшуюся угрозу. Год начался со студенческих волнений, столь значительных, что они вызвали некое подобие землетрясения в правительственных сферах. В том же году была составлена записка С.Ю.Витте, в которой доказывалась несовместимость самодержавия и местного самоуправления. Новым министром внутренних дел с подачи все того же Витте был назначен Д.С.Сипягин, от которого ничего хорошего не ожидалось. Земцы его сопоставляли с графом Д.А.Толстым: правда, это сравнение едва ли выдерживало критики [2, л.126 об.–127]. Взбаламученная земская Россия пыталась найти ответ на этот вызов. Речь шла о формировании антибюрократической оппозиции, платформа которой подсказывалась самой жизнью: расширение полномочий органов местного самоуправления, достройка земства снизу (а значит создание мелкой земской единицы), предоставление условий для кооперации губернских земств. Это разделялось абсолютным большинством земцев. Чаще всего они и рассчитывали на создание общероссийского собрания, интерпретируя, правда, его по-разному. Для одних это был бы Земский собор, для других – парламент английского образца. Разногласия были не только в этом, что, правда, не мешало складываться корпорации, чьи интересы после 1905 г. фактически будет представлять «Союз 17 октября».

Заседание кадетского клуба на Шпалерной улице. Санкт-Петербург, 1906

Были другие «точки сборки» общественного движения: прежде всего, это университеты и периодические издания. Там ковалось общественное мнение, которое потом распространялось среди читающей публики. Для этой среды наиболее характерная форма самоорганизации – литературный кружок, который непосредственно участвовал в циркуляции идей, распространении и обсуждении общественно значимых текстов. Разумеется, здесь не было партийного единства, но не могло быть и жесткого размежевания. Интеллектуальная сфера рубежа веков (как и всегда) была подвержена модам. Ее представители увлекались социалистическими построениями, безгранично верили в прогресс, в целительную силу научного знания. Однако увлечение социализмом далеко не всегда имело политический заряд. Разговоры о прикладной политике были уделом единиц. Перевод социально-экономических теорий на язык практики мог быть осуществлен по-разному. Одни верили в скорое и радикальное преобразование мира. Другие настаивали на необходимости быть реалистами. В их интерпретации социализм – общественный идеал, на который все так или иначе вынуждены ориентироваться. Он имелся в виду при проведении реформ западноевропейскими правительствами. Он обеспечивал популярность политических партий на выборах в германский Рейхстаг или французское законодательное собрание. Однако из этого не следует, что социалистический идеал мог бы быть осуществлен на практике в ближайшее время. В России следовало ставить актуальные задачи: страна нуждалась в политической метаморфозе, смене режима. В этих обстоятельствах либерализм – не экзистенциальный, а ситуативный выбор. Речь шла не об отказе от социалистического идеала, а о приоритетности политической повестки.

Это движение не могло быть должным образом организационно оформлено. Даже сравнительно массовое объединение в условиях самодержавной России не имело шансов на существование. При этом члены «Союза Освобождения» к конспиративной деятельности в большинстве случаев готовы не были. В январе 1904 г. состоялся первый съезд Союза. На нем были обозначены тактические приемы, сыгравшие ключевую роль в эскалации политического конфликта: организация банкетной кампании, создание профессиональных политических союзов [1, с.191]. Казалось бы, это и положило начало революционному кризису следующего года. Однако разразилась русско-японская война. Активность «освобожденцев» фактически сошла на нет. Иными словами, с момента проведения первого съезда и вплоть до «правительственной весны» осени 1904 г. «Союза Освобождения» не было. Был журнал «Освобожден-

ние». Были те, кто его распространял. Не было организации партийного типа. О численности Союза говорить трудно. В 1905 г. она, видимо, составляла 1600 человек [9, с.205]. В 1904 г. – очевидно меньше. Деятельность же малочисленных кружков была еле заметна. Значит ли это, что «Союз Освобождения» не сыграл какой-либо роли накануне Первой революции? С этим трудно согласиться: его значение поразительно. Его решения, активность некоторых «освобожденцев» во многом определили характер политических процессов рубежа 1904–1905 гг.

Пытаясь осмыслить историю этого объединения, следует отказаться от привычных понятий и категорий. «Союз Освобождения» – не партия. Сила его – не в численности, а совсем в другом. Вокруг журнала «Освобождение» складывался круг литераторов, активистов, читателей. Сопряженное с различными трудностями распространение нелегального издания способствовало налаживанию отношений, контактов. Складывалась сложная сетевая структура, которая оперативно реагировала на печатное слово. В 1902–1903 гг. шло обсуждение вопроса о характере будущей политической организации. Наиболее радикальные элементы рассчитывали на создание партии. Более осторожные полагали необходимым образовать союз, кото-

Участники совещания
«Союза освобождения» в 1903 г.

рый был бы менее обременительным для его членов [5, л.49]. Б. А. Кистяковский же доказывал П. Б. Струве, что такая структура не годится для России. Любой более или менее состоявшийся человек не станет участвовать в кружковой деятельности. Лучше полагаться на личные контакты и связи тех, кто сочувствовал журналу [4, л.121 об.–122]. Это представлялось не только более безопасным, но и более эффективным путем достижения целей. Тогда, в 1903 гг., точка зрения Кистяковского казалась маргинальной. Однако, в сущности, именно она и была осу-

шествлена. Влияние «Союза Освобождения» заключалось не в его организации, а в модели передачи импульсов политического действия.

в коллекции

И. О. Драбарь

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Государственное
ИЗДАТЕЛЬСТВО
С. С. С. С. С.

17-3324-1

Издается под редакцией Петра Струве.

Освобождение выходит два раза в месяц в разбѣрѣ 16 страниц в четвертую долю листа. Подписная цѣна на четверть года (3 мѣс.) 6 фр., съ пересылкой внутри всемирнаго почтового союза 6 фр. 60 с. Цѣна отдѣльнаго номера без пересылки 1 фр., съ пересылкой 1 фр. 10 с. Для Россіи (издание на тонкомъ бумагѣ для пересылки въ конвертѣ) — на четверть года 3 р. Подписка принимается въ конторѣ изданія (Société nouvelle de Librairie et d'édition, Paris, 47, rue Cujas) и у всѣхъ книгопродавцевъ.

Письма и рукописи въ редакцію проситъ изъ заграничія направлять по вышеуказанному адресу конторы изданія, причемъ необходимо, во избежаніе камакъ-либо недоразумѣній, дѣлать на внутреннемъ конвертѣ или на самомъ шестѣ (рукописи) четкую надпись: «roui Osvobodivénie».

Изъ Россіи письма и рукописи должны быть послаными отправителями на имя живущихъ заграничій знакомыхъ для дальнейшей пересылки по вышеуказанному адресу.

№ 64.

Парижъ, 25-го января (12-го января) 1905 г.

Годъ третій.

Революція въ Россіи.

Палачъ народа.

Народъ шелъ къ нему, народъ ждалъ его. Царь встрѣтилъ свой народъ. Нагайками, саблями и пулями онъ отвѣчалъ на слова скорби и довѣрія. На улицахъ Петербурга пролилась кровь и разорвался навсегда связь между народомъ и этимъ царемъ. Все равно, что онъ, надменный деспотъ, не желающій снисзойти до народа, или презрѣнный трусъ, боющійся стать лицомъ къ лицу съ той стихіей, изъ которой онъ почерпалъ силу, — послѣ событий 22/9 января 1905 г. царь Николай сталъ открыто врагомъ и палачемъ народа. Больше этого мы о немъ не скажемъ; послѣ этого мы не будемъ съ нимъ говорить. Онъ самъ себя уничтожилъ въ нашихъ глазахъ — и возвратилъ къ прошлому нѣтъ. Эта кровь не можетъ быть прощена никому изъ насъ. Она душитъ насъ спазмами, она владѣетъ нами, она ведетъ и приведетъ насъ туда, куда мы должны идти и прійти.

Вчера еще были споры и партіи. Сегодня у русскаго освободительнаго движенія должны быть одно тѣло и единый духъ, одна двуединая мысль: возмездіе и свобода во что бы то ни стало. Клятвой эта мысль жжетъ душу и неотвязнымъ призывомъ возводитъ мозгъ.

Противъ ужасныхъ злодѣйній, совершенныхъ по приказу царя на улицахъ Петербурга, должны возстать всѣ, въ комъ есть простая человѣческая совѣсть. Не можетъ быть споровъ о томъ, что преступленіе должно быть покарано и что корень его долженъ быть истребленъ. Такъ дальше жить нельзя. Лѣтшесъ самодержавныхъ насилій, надругательствъ и преступленій должна быть заключена.

Ни о чемъ другомъ, кромѣ возмездія и свободы, ни думать, ни писать нельзя.

Возмездіемъ мы освободимся, свободой мы отомстимъ.

П. С.

Смерть царизма.

Статья Ж. Жореса изъ „L'Humanité“.

Отпавъ уѣвъ крови легаа между царемъ и „его народомъ“. Наноси удары рабочимъ, царизмъ смертельно ранитъ самого себя. Даже если на этотъ разъ население Петербурга не побѣдитъ рутинную и слѣпую вѣрность солдатъ, даже если оно не овладѣетъ Зимнимъ Дворцомъ и не провозгласитъ въ немъ свободы народа, даже если царь, запертаый въ 20 километровъ отъ столицы въ царскосельскомъ дворцѣ и ускользнетъ еще на вѣсколько дней отъ власти востающаго народа, — вестакъ царизмъ уже приговоренъ къ смерти....

Повзлнмому, посетитя на всѣ предлудія разочарованія, несмотря на раціональную личность послѣдняго указа, рабочие все еще ждали отъ царя словъ освобожденія и спасенія. Они вѣрили, они хотѣли вѣрить, что онъ, лично, добръ и справедливъ, но что его обманываютъ дурные совѣтники, а въ тотъ день, когда онъ оудается лицомъ къ лицу съ своими народомъ, лучшая часть его души пронесется, и онъ словами свободы и справедливости отвѣтитъ на всенародное отчаяніе, на всенародныя требованія. И они вѣрили этому и говорили царю: „Выслушай насъ, прими изъ нашихъ рукъ наше ходатайство. Тебѣ нечего бояться за себя. Ни одинъ волосъ не упадетъ съ твоей головы. Но скажись надъ своимъ народомъ, изнывающимъ въ работѣ, въ дышающемся въ жадныхъ и цѣпкихъ рукахъ бюрократіи. Прими насъ. Выслушай насъ.“...

Решительная и грациозная минута, въ такіа минуты рѣшаются судьба и мнрль революціи! На эту просьбу народа, своего народа, царь отвѣтилъ бойней и бойней обдуманной. Былъ накалупъ палецъ Клейгельса, профессиональный душевѣдь, емъ вызванъ въ Петербургъ, чтобы предоставить къ услугамъ властей свой совѣтательскій олъкъ и свои технические способности. Совершенно сознательно убилъ они эти сотни русскихъ рабочихъ, свивавшихъ снвъ своей кровью. Да, это была сознательная бойня, это входило въ планъ репрессій. Война подлая и трусовая, потому что царь, укрывшись въ Царское Село, даже не явился въ Зимній Дворецъ, чтобы взглянуть въ лицо солдатамъ и лично руководить бойней. По телефону узналъ онъ о залпахъ, которыми во имя его осыпали народъ. Что же онъ, борясь за свою жизнь? Или онъ боялся подлатить вневанному помылу состраданія? Отвратительная предосторожность, которая перенагаетъ на царя всю отвѣтственность за эти убійства.

До сихъ поръ Россія и человечество могли еще вѣрить, что онъ былъ первымъ лѣтшесомъ абсолютизма, что бюрократія безъ него и помимо него угнетала и разоряла народъ. До сихъ поръ можно было думать, что онъ не былъ цѣлкомъ отвѣтственъ

На этой почве в 1905 г. и сложится Конституционно-демократическая партия, что в известной мере предопределило ее судьбу. Во-первых, среда, породившая партию, готовилась к революции, мобилизовалась в условиях революции, отвечала на ее вызовы. Во-вторых, в идейном отношении она представляется довольно аморфной. Она включала сторонников разных взглядов, в большинстве случаев довольно радикальных, изредка – довольно умеренных. Но для всех политическая повестка на тот момент была приоритетной.

Конечно, «октябристское» земство и «освобожденческая» интеллигенция не были изолированы друг от друга. В целом, общественное движение начала XX в. представляло собой единую волну, в которую сливались разные потоки. Консервативные, либеральные, социалистические протопартийные объединения нельзя отграничить друг от друга. Во-первых, по той причине, что зачастую одни и те же люди составляли различные организации. Во-вторых, как уже отмечалось, такого рода союзы мало напоминали партии. Они были весьма малочисленны, обладали слабой мобилизующей силой, их представители не отличались дисциплиной. Такие организации не могли построить стены между собой. И даже перегородки сносились «ветром» правительственных репрессий. Общее между протопартиями увидеть не так трудно. Важнее разглядеть отличия. Оно кроется в том, что за разными программами – разная культурная среда, особый стиль мышления и поведения. Это затрудняет привычную классификацию внутри либерального спектра – слева направо.

В сущности, эта дифференциация не вполне политического свойства. Она стала таковой именно в условиях 1905–1906 гг. Тогда партии выстраивались из того материала, который имелся в наличии к моменту провозглашения выборов в законодательную Государственную думу. Одни из них были собственно революционными, другие выстраивали тактику с учетом революционных процессов, третьи сражались с революцией. Вполне характерно, что они достигли максимума численности в 1906 и в 1917 гг., на гребне революционной волны. В межреволюционный период их ждал кризис и дезорганизация, а некоторых – полное исчезновение. Делались попытки реформирования партийной системы. В частности, об этом свидетельствует складывание политических объединений либерального центра: Партии мирного обновления, прогрессистов [8, с.104–108]. Они отказывались от привычной организационной структуры, в отличие от многих других говорили о своей классовой аффилиации. В чем-то похожую роль играли националисты на правом фланге общественного движения.

Партия кадетов. Собрание членов Конституционно-демократической партии в доме В.Д.Набокова в Санкт-Петербурге (Большая Морская ул., д.47). Февраль, 1907 г.

И все же эти объединения скорее вносили новые краски, нежели принципиально меняли уже сложившийся расклад сил. Политические партии, возникшие к 1905–1906 гг., проявляли чудеса эквилибристики в надежде сохранить единство, при этом постоянно ощущая угрозу аннигиляции. Кадетский центр вел за собой местные комитеты партии, которые были настроены преимущественно весьма радикально. Прямо противоположная ситуация была среди октябристов. Руководство партии представляло ее левое крыло в то время, как большинство «Союза 17 октября» составляли правые члены, которые во многих отношениях были ближе к консервативной части российского общественного движения. Кадетские лидеры проявили большее искусство: партия сохранилась. Октябристов ждал распад. Едва ли из этого стоит делать далеко идущие выводы. Речь идет об очень важном, но чрезвычайно коротком историческом периоде, в который уместились складывание, расцвет, упадок, распад и вновь расцвет партийной жизни России. За это время не могла сложиться партийная система, подразумевающая устойчивые механизмы взаимодействия объединений друг с другом, с избирателем, с правительственными учреждениями. В сущности, речь идет о воспроизводившейся традиции общественного движения дореволюционного периода, правда, в иных

обстоятельствах – с представительными учреждениями, без предварительной цензуры периодических изданий, с избирательными кампаниями и т.д.

Чахнувшие политические партии оставались носителями конфронтационного языка революционного времени. Они все, так или иначе, потерпели поражение в Первой революции и рассчитывали на реванш. В этом была скрытая угроза политической системе, риск, который не мог казаться существенным в условиях тихого, но только кажущегося увядания прежней партийной жизни.

Библиографический список

1. Белокопский И.П. Земское движение. М.: Задруга, 1914. 397 с.
2. [Голицын В.М.] Дневник В.М.Голицына // ОР РГБ. Ф.75. Д.21.
3. Дюверже М. Политические партии. М.: Академический проект, 2002. 558 с.
4. Письмо Б.А.Кистяковского П.Б.Струве 6 апреля 1903 г. // РГАСПИ. Ф.279. Оп.1. Д.80.
5. Письмо Г.А.Ландау П.Б.Струве, 1905 г. // РГАСПИ. Ф.279. Оп.1. Д.82.
6. Соловьев К.А. От кружков к партиям. Генезис партийной системы России начала XX века // Тетради по консерватизму. 2020. №1. С.464–470.
7. Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 6–7 декабря 2018 г.: Сборник научных статей. В 2 ч. / Под ред. А.Б.Николаева. СПб.: Центр истории парламентаризма, 2019. Ч.2. 306 с.
8. Хайлова Н.Б. «Партия здравого смысла»? Либералы-центристы в начале XX в. // Российская история. 2016. №4. С.104–108.
9. Шацилло К.Ф.Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. Организация, программа, тактика. М.: Наука, 1985. 347 с.

Символ – это совершенное совпадение языка и идеи.

Ханс Георг Гадамер

Символ есть центр, из которого расходятся бесчисленные радиусы, – образ, в котором каждый, со своей точки зрения, усматривает нечто другое, но в то же время все уверены, что видят одно и то же.

Артур Шопенгауэр

Политика – это искусство
управлять людьми,
обманывая их.

Исаак Дизраэли

Всякая власть исходит от
народа. И никогда уже к нему
не возвращается.

Габриэль Лауб

Светлана Лиманова

**«НАРОДНОГО ЦВЕТА
У НАС НЕТ».
СИМВОЛЫ ВЛАСТИ И
СИМВОЛИКА
РЕВОЛЮЦИИ
В МОСКВЕ 1905 ГОДА***

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК

929.921

В статье анализируются представления о государственных символах в Российской империи на рубеже XIX–XX вв., их визуализация, способы транслирования. Прослежена трансформация восприятия символов власти и их визуальных образов в связи с событиями 1905 г. в Санкт-Петербурге и Москве. Изучение их функционирования в пространстве Москвы в период Первой русской революции позволяет сфокусироваться на моменте включения альтернативной (революционной) символики в фазу активной политической борьбы. В результате происходит нарушение традиционного представления о Первопрестольной как о духовном, сакральном центре Российской империи. Революционная политическая культура получает дальнейшее развитие.

The article analyzes the ideas about state symbols in the Russian Empire at the turn of the 19–20 centuries, visualization, methods of broadcasting. The transformation of perception of power symbols and their visual images in connection with the events of 1905 in St. Petersburg and Moscow is traced. The study of their functioning in the Moscow space during the period of the First Russian Revolution allows us to focus on the moment of inclusion of alternative (revolutionary) symbols in the phase of active political struggle. As a result, the traditional idea of Pervoprestol'naya (Moscow) as the spiritual, sacred center of the Russian Empire is being destroyed. The revolutionary political culture is further developed.

Ключевые слова: Москва; 1905; символ; флаг; герб; национальные цвета; легитимность; самодержавие; революция; публичное пространство.

Key words: Moscow; 1905; symbol; flag; coat of arms; national colors; legitimacy; autocracy; revolution; public space.

E-mail: serovasvetlana@mail.ru

**Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ, проект №20-011-32106 опн_мол. Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 20-011-32106.*

«**П**ризываю жителей гор[ода] Москвы прекратить всякие шествия по улицам с флагами, так как подобные действия вызывают недоразумения и очень печальные столкновения между разными группами населения и тем самым нарушают мирное течение жизни в городе» [11, с.1]. Такое объявление было опубликовано в «Московских ведомостях» от имени московского градоначальника через неделю после оглашения Манифеста 17 октября 1905 г. об «усовершенствовании государственного порядка». «Борьба символов», которая еще год назад представляла собой лишь спорадические попытки привлечь внимание, в любой момент грозила перерасти в реальные противостояния на городских улицах...

Пробитое знамя

В декабре 1904 г. в Москве произошли столкновения молодежи с полицией. Е. Я. Кизеветтер, жена историка и политического деятеля

А. А. Кизеветтера, охарактеризовала эти «стычки» как «детские демонстрации с красными лоскутками» [15, с.342]. Речь шла о самодельных красных флагах, использовавшихся в качестве протестных символов. Студенческие сходки были разогнаны с применением силы. В ответ небезразличные жители Первопрестольной обратились в Московскую городскую Думу со следующим заявлением: «Пятого и шестого декабря произошли печальные события в нашей столице. На улицах города мирные безоружные жители, главным образом учащая молодежь, подверглись насилиям и избиениям со стороны полиции. Немало раненых, мы слышали и об убитых <...> Мы, в интересах справедливости, законности и порядка, в интересах жизни наших детей, просим Думу, как единственное учреждение, обладающее достаточным авторитетом, принять меры к тому, чтобы столь печальные факты, столь прискорбные нарушения основных условий разумного общежития не повторялись в жизни города Москвы <...>» [4].

2 января 1905 г. было совершено покушение на бывшего московского обер-полицмейстера Д. Ф. Трепова. Он был определен в распоряжение главнокомандующего войсками, действовавшими против Японии, но не успел уехать на фронт. Вместо этого вскоре после покушения Д. Ф. Трепова сделали петербургским генерал-губернатором с весьма широкими полномочиями. Связано это было с двумя резонансными событиями, произошедшими в начале года в Петербурге: странным

инцидентом во время ежегодной церемонии Водосвятия (Крещения) на Неве (6 января) и «Кровавым воскресеньем» (9 января).

«Сегодня в газетах загадочная телеграмма, – отметил в дневнике писатель В.Г.Короленко, – во время крещенского парада в Петербурге одна из пушек на Вас[ильевском] о[стро]ве у биржи сделала парадный салют... картечью! В Зимнем дворце разбиты окна <...> Дурное предзнаменование...» [3, с.219]. Помимо окон Зимнего дворца, пули попали также в помост у реки, пробив одно из развевавшихся знамен, и на набережную, ранив городского по фамилии Романов. Ходили слухи, будто это могло быть умышленное покушение на самодержца или других членов императорской семьи, присутствовавших на торжестве, но, по озвученной впоследствии официальной версии, дурного умысла не было обнаружено, причины происшествия свелись к банальному недосмотру. Впрочем, Николай II предпочел уехать из столицы.

Тем временем 9 января к Зимнему дворцу направилось шествие горожан, преимущественно рабочих, чтобы привлечь внимание императора к своему тяжелому положению. Для этого была составлена Петиция о рабочих нуждах. По воспоминаниям современников, участники шествия держали в руках иконы и портреты императора. Символика действия не подразумевала политических манифестаций. Для большинства собравшихся оно было приближено, скорее, к крестному ходу, конечной целью которого была подача «коллективной челобитной». Однако власти города расценили это по-другому. Для разгона шествия было применено оружие, что привело к гибели мирных жителей.

Эхо петербургских событий прокатилось по всей империи, спровоцировав рост протестных настроений. 4 февраля в Москве в результате террористического акта был жестоко убит великий князь Сергей Александрович, дядя императора, до 1 января 1905 г. занимавший должность московского генерал-губернатора, а после назначенный главнокомандующим войсками Московского военного округа. Взрыв кареты, в которой великий князь следовал в свою резиденцию, произошел у стен Московского Кремля – места коронации всех российских императоров, что выглядело уже не только символическим, но и вполне реальным вызовом монархии.

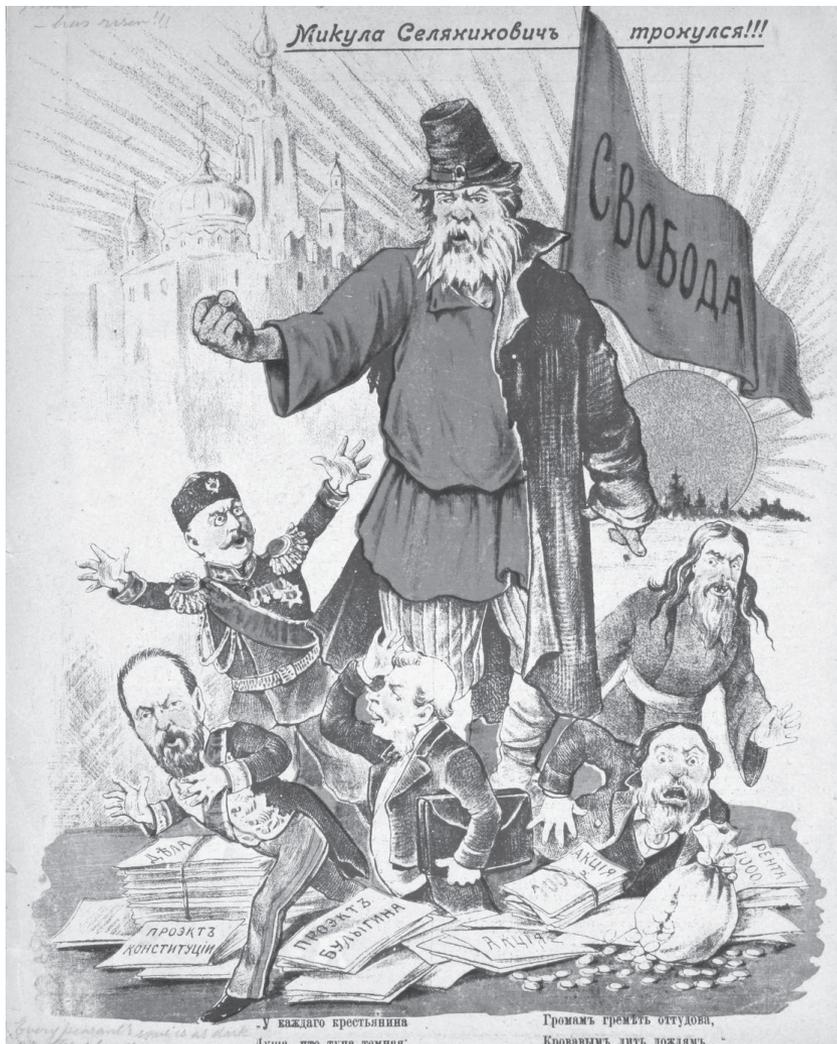

Иллюстрация из юмористического журнала «Ворон». [1905 г.] №1

«Там развеваются флаги»

Дестабилизация внутреннего положения усиливалась по мере получения печальных известий с фронтов русско-японской войны. 20 декабря

1904 г. (2 января 1905 г.) после пятимесячной осады пал Порт-Артур. В феврале-марте 1905 г. русская армия вынуждена была отступать в результате проигрыша в сражении при Мукдене. В таких обстоятельствах выпущенный императором Николаем II манифест о «призыве властей и населения к содействию самодержавной власти в одолении врага внешнего, в искоренении крамолы и в противодействии смуте внутренней» (18 февраля) возымел прямо противоположный эффект. О нем отзывались как о призыве «неизвестно кого для борьбы неизвестно с кем» [3, с.225], или еще того хуже полагали, что он нацелен на то, чтобы «уравновесить бойню внешнюю бойней внутренней» [14, с.9]. Власть различными способами пыталась сохранить видимость привычной, размеренной жизни.

В газетах в прежних «красках» освещались празднования «царских дней», даже с еще большим подчеркиванием единства символов и смыслов. В статье «Московских ведомостей», вышедшей в начале года (5 января) под заглавием «Царский день в далекой Манчжурии», вырисовывалась идиллическая картина воспоминаний празднования тезоименитства государя императора (6 декабря): «Там развеваются флаги, поется народный гимн, играет музыка, гремит "ура". И мысли вереницей уносятся туда, туда, за далекий Урал...» [7, с.3]. Но и на чужбине, в глухих заснеженных поселениях, где шла борьба с врагами-японцами, по свидетельству автора статьи, верноподанные не забывали о своем правителе и патриотических чувствах, осознавая себя частичкой общенационального торжества: «Собрались все вокруг стола... Налили рюмки. Полковник поднял свою и провозгласил тост за Державного Вождя Русской армии. И все присутствовавшие стройно и восторженно пропели народный гимн, заключив его громким "ура". Много еще пелось русских патриотических песен, читались стихи, передавались рассказы о геройских подвигах наших солдат, делились воспоминаниями о далекой Родине» [7, с.3]. Накануне описываемого дня во всех частях войск были совершены молебствия и парады войскам, а город Мукден был украшен русскими национальными флагами.

Другая зарисовка – из середины 1905 г., когда отмечался день рождения императора Николая II (6 мая). По сообщению газет, праздник про-

Иллюстрация из книги А. П. Языкова
«О русском государственном цвете». 1858 г.

ходил по обычному «сценарию»: украшение Первопрестольной днем флагами, вечером иллюминацией, церковные службы с молебствиями о здравии самодержца, исполнение гимна перед театральными представлениями, а также на бульварах и гуляньях [8, с.1], из чего делался вывод: «Очевидно, столичное население начинает входить в колею прежней спокойной жизни» [9, с.4]. Однако уже через неделю, вслед празднованию очередной годовщины дня царской коронации (14 мая) пришли горестные вести о поражении русской эскадры в Цусимском сражении. Ожидаемая «картинка» никак не совпадала с реальным положением дел. Но что же так стремились визуализировать приверженцы самодержавия и почему это было столь важно?

В поисках «собственного цвета» Развешивание национальных флагов и исполнение национального гимна в высокаторжественные дни должны были служить средствами сплочения нации. «Усвоив однажды, по распоряжению Правительства собственный цвет, народ придает ему значение, составляющее символический язык, главная мысль которого – любовь и преданность к сво-

Торжественный проезд через Красную площадь.
Лист из «Альбома коронации Александра III». Н.Н.Карзин. 1883 г.

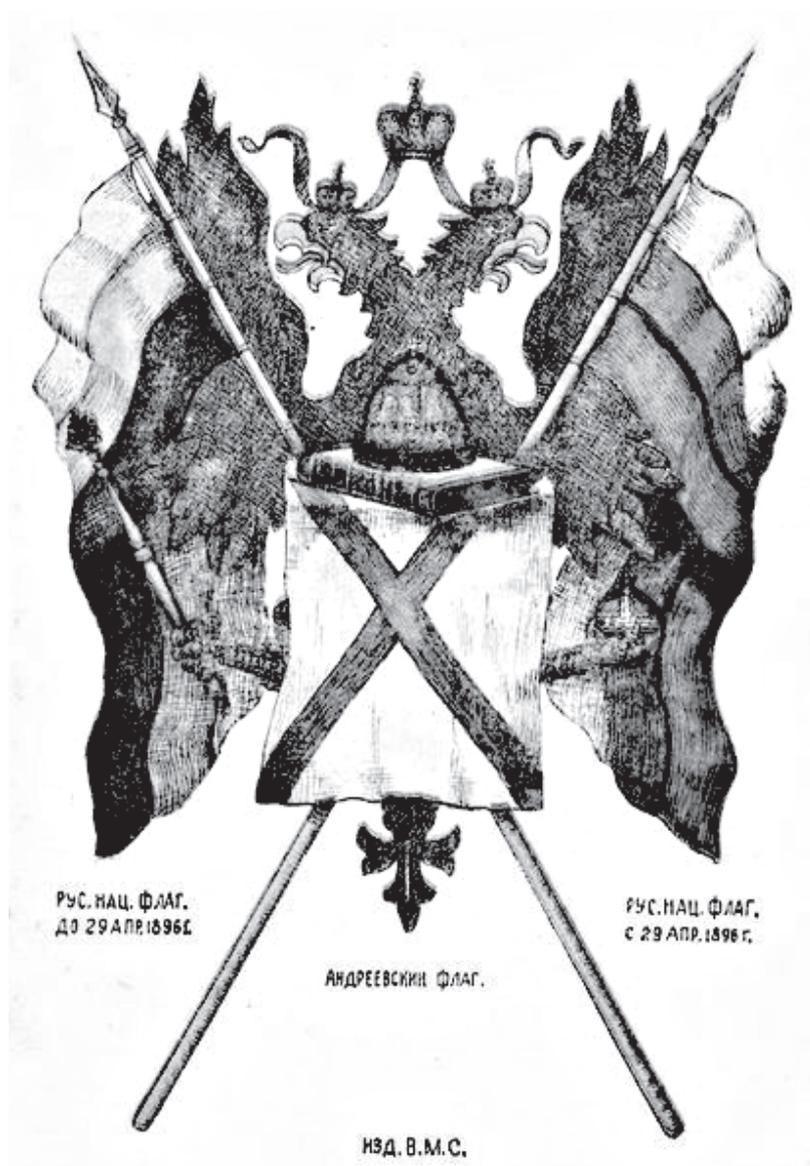
ей родине и династии» [16, с.4], – рассуждал в середине XIX в. военный деятель, правовед и писатель А.П.Языков. Насколько же давно мог «усвоить» русский народ национальные символы?

Текст и музыка «Боже, Царя храни!» были написаны в 1833 г. по распоряжению Николая I, и вскоре этот гимн стал государственным и национальным. До этого момента каждое появление русского императора сопровождалось звуками английского марша (“God save the King”). С «собственным цветом» дело обстояло еще сложнее. Даже составитель «Толкового словаря» этнограф и фольклорист В.И.Даль не смог до конца разобраться. В результате в статье про флаг появился такой пассаж: «Все народы Европы знают цвета, масти, краски свои – мы их не знаем и путаем, подымая разноцветные флаги невпопад. *Народного цвета*¹ у нас нет; цвет армии: зеленый и алый; *казенный цвет, военный, георгиевский*: белый, жаркой, черный (серебро, золото, чернь), и это же цвет значков (кокард); *знамена наши и крепостные флаги* разноцветные; *морской военный флаг*: белый с андреевским крестом; *торговый*: белый, синий, красный, вдоль; какие же цвета подымать и носить на себе, какими украшать здания и пр[очее] при мирных народных торжествах?» [2, с.881].

Ясность в этот вопрос постарался внести император Александр III. Незадолго до коронации в мае 1883 г. было издано высочайшее повеление «О флагах для украшения зданий в торжественных случаях», где «исключительно русским флагом» назывался флаг, «состоящий из трех полос: верхней – белого, средней – синего и нижней – красного цветов» [13]. Такой флаг еще со времен Петра I применялся для обозначения русских торговых судов [1]. В то же время в качестве государственных символов весь XIX в. продолжали использовать черно-желто-белый флаг и «романовский» герб с двуглавым орлом, имевший многовековую историю. Императору Николаю II вновь пришлось обращаться к данному вопросу.

Особое высочайше утвержденное Совецание под председательством генерал-адъютанта К.Н.Посьета, подробно рассмотревшее в 1896 г. вопрос о флаге, постановило называть российскими или национальными – бело-сине-красные цвета. Аргументация такого выбора была довольно разнообразной. В частности, имело место обращение к «народному вкусу и народным обычаям, к особенностям природы России»: «Великороссийский крестьянин в праздник ходит в *красной* или *синей* рубашке, малорос и белорус – в *белой*; бабы

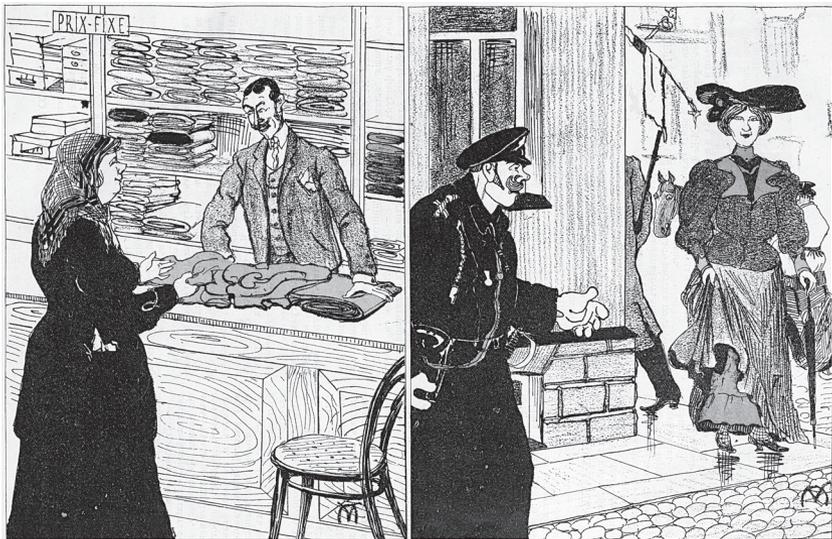
¹Здесь и далее курсив – как в источнике.

Открытка. Конец XIX в. Изображен русский национальный флаг до 1896 г. и после, посередине – Андреевский флаг

русские рядются в сарафаны тоже *красные* и *синие*. Вообще, в понятиях русского человека – что красно, то хорошо и красиво <...> Уважение народа к белому цвету выражается в следующих поговорках: «Русский белый царь», «Белая земля – земля церковная», «На белой Руси не без добрых людей» <...> Если к этому присоединить белый цвет снежного покрова, в который вся Россия облачается в течение более полугода, то, на основании и этих признаков, для эмблематического выражения России, для русского народного или государственного флага, наиболее свойственным оказываются цвета, установленные Великим Петром» [12, с.4–5]. Таким образом, к началу XX в. вопрос о «национальном цвете» был решен в пользу бело-сине-красного триколора. Именно он подразумевался, когда писали о «национальном флаге».

Для горожан вывешивание флагов на улицах и площадях являлось хорошо «считываемым» сигналом к тому, что предстоит какое-то важное имперское торжество. Демонстративная функция символов успешно реализовывалась. Гораздо сложнее понять, насколько подданные импе-

– Чтой-то нынче у вась кумачь по гривеннику пошель, а намедни я его по пятакчу брала.

– Потому, что на эту самую матерю спрось теперь большой.

– Ну, и народь... ведь сказано, чтобы, значить, красного не выставлять, а она какь нарочно юбку поднимаеть! Нечего делать

– придется вь участокь отправить!..

рии соотносили с этими знаками самих себя. Иными словами, выполнялась ли другая важнейшая функция символики – идентификационная, или обозначенные в качестве национальных цвета воспринимались, скорее, как символы государственной власти. В данном случае весьма показательным является то, что для шествия к Зимнему дворцу участники предпочли взять иконы и царские портреты. Такой выбор был гораздо ближе к опыту ношения древних хоругвей, чем к европейской практике демонстрации национальных флагов. Знаками, напрямую соотносившимися с империей и династией, по-прежнему оставались герб в виде двуглавого орла и «казенный» черно-желто-белый флаг.

В противовес этому противники самодержавия все настойчивее предлагали другой цвет – красный, претендовавший на статус универсальной революционной символики.

Многозначительный красный

Со времен Древней Руси красный цвет являлся синонимом красоты, и русский язык дает множество тому примеров – Красная площадь,

весна-красна, красная девица, красный звон колоколов, красное яичко на Пасху и т. д. В таком значении он продолжал употребляться и в прессе рубежа XIX–XX вв. Наряду с этим в ходе официальных имперских торжеств красная материя являлась частью городского убранства – по ассоциации с красивым, праздничным. Красные мундиры носили сенаторы, в военной форме царской армии также использовался этот цвет.

Новое «революционное» свойство красный начал приобретать после освободительной борьбы в Европе конца XVIII в. Причем и там его значение менялось несколько раз. С 1870 г. красный превратился в отличительный цвет европейских социалистических партий. К концу XIX в. и в Российской империи красные флаги, изготовляемые из любых подручных материалов (в ход шли платки, рубашки, платья, лоскуты соответствующего цвета), стали все чаще использоваться как символы неприятия капиталистического произвола по отношению к рабочим. Особенно часто их пытались развернуть во время ежегодных маевок. Действия подобного рода находились под строгим запретом и жестко пресекались.

Революционно настроенные силы, в свою очередь, стремились сделать красный цвет опознавательным знаком любых протестных акций. И одним из таких способов стали так называемые «красные» похороны. Ярчайший пример – похороны революционера Н.Э.Баумана осенью 1905 г. в Москве, ставшие для его сторонников и последователей «об-

История о томъ, какъ Иванъ Ивановичъ Ивановъ, россійскій обыватель (нынѣ свободный гражданинъ), четыре раза въ одинъ день перемѣнилъ свои политическiя убѣжденiя.

Попавъ при выходѣ на улицу въ толпу съ красными флагами, Ив. Ив., совершенно неожиданно для себя, подхваченный общимъ настроенiемъ, замахалъ шляпой и закричалъ: „да здравствуетъ свобода!.. долей самодержавiе!...“

Удивившись собственной смѣлостью и свернувъ въ другую улицу, онъ прямо уткнулся въ другую процессiю, съ трехцвѣтными флагами, и уже черезъ минуту кричалъ: „ура!« и дирижировалъ рукою въ тактъ гимна.

Довольный собою, Ив. Ив. свернулъ въ переулокъ, чтобы ити домой, но вдругъ очутился въ толпѣ громилъ-хулигановъ. „Ты какой партiи?«— „Вашей, вашей!.. Валяй!.. бей!... завопилъ онъ, запуская камнемъ въ стекло магазина.

— Пьяль марсельезу, кричалъ ура, громилъ магазинъ. Глубочникъ городской — надежда только на тебя!.. Каррауай! Спа-а-спей!

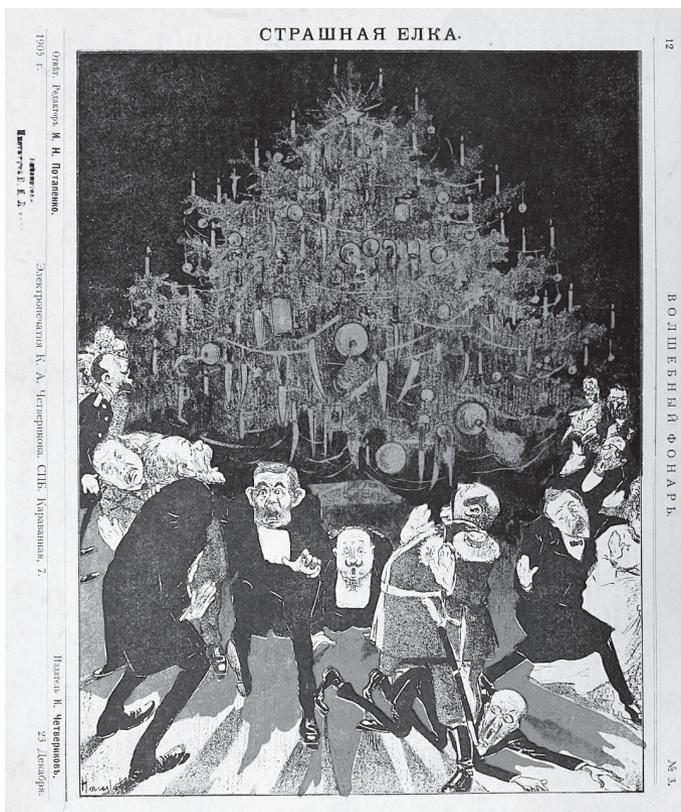
Иллюстрация из журнала карикатур «Шут». 1905 г. №46

разцовыми». Смерть Н.Э.Баумана произошла в день оглашения Манифеста 17 октября, неоднозначно воспринятого обществом. Одни увидели в нем долгожданную «конституцию», другие решили, что перемены останутся лишь на бумаге. Манифест был вынужденной мерой царского правительства – попыткой стабилизировать общую ситуацию в стране, усмирить постоянно вспыхивавшие забастовки, нивелировать негативную реакцию на проигрыш в русско-японской войне. Однако он не был детально проработан, а потому оставлял место различным домыслам и трактовкам.

Провозглашение «гражданских свобод» на местах расценивалось по-разному. В частности, революционер Н.Э.Бауман попытался сагитировать рабочих отправиться к зданию губернской Таганской тюрьмы с лозунгом «Разрушим русскую Бастилию!». В руках он держал красный флаг, из-за которого и завязалась драка с рабочим фабрики Н.Ф.Михайлиным, служившим ранее в императорском лейб-гвардии Конном полку. В результате драки Н.Э.Бауман был убит. Его похороны превратились в грандиозную демонстрацию, описания которой попали во все, в том числе «правые», газеты.

В тех же «Московских ведомостях» можно было прочитать: «Вся процессия носила ярко-революционный характер. Гроб Баумана был покрыт красным покрывалом от «рабочей партии». Процессию сопровождали десятки красных знамен, из которых на некоторых были надписи: Долой самодержавие! Да здравствует вооруженное восстание и учредительное собрание! Да здравствует республика! Количество красных полотен и красных флагов не поддается учету. Их был целый лес <...> Во все время шествия толпа пела революционные песни» [10, с.3]. Особенно удивительным было то, что эта подробная статья под заглавием «Революционные похороны» соседствовала с другим сообщением из рубрики «Московская жизнь» – «Царская панихида». Краткая заметка рассказывала о заупокойной литургии в Чудовом монастыре в годовщину кончины императора Александра III. Прямо на глазах происходили поразительные метаморфозы: рядом с традиционным имперским церемониалом выстраивался новый – революционный.

«Свободная» пресса на время отошла от идеальной «картинки». Журналы выдавали карикатуры и эпиграммы на «злобу дня», главными мишенями которых стали изображаемый на гербе имперский орел [6, с.179–181] и вариации на тему флага. Газеты отразили реальное положение дел в Москве – разделение единого прежде городского пространства и его маркирование диаметрально противоположными символами. За этими

«Страшная елка». Иллюстрация из журнала «Волшебный фонарь». 1905 г. №3

символами стояли разные силы, поэтому такого рода демонстративная «разметка» не могла долго мирно сосуществовать. Предупреждения городских властей не возымели действия, и в декабре месяце Первопрестольная обгадилась кровью.

Как изменилась Москва

События 1905 г. в Москве резко контрастировали с тем патриархальным, сакральным образом, который она еще совсем недавно воплощала.

Коронация 1896 г., открытие памятника Царю-Освободителю Александру II в Кремле в 1898 г., пасхальные встречи императора в 1901 г. и 1903 г. и – новая «красная» Москва 1905 г. Первопрестольная на многие

годы впала в царскую немилость. В следующий раз император Николай II посетил ее лишь в 1912 г.

Иллюстрация из журнала «Шут». 1906 г. №1-а

После жестокого подавления декабрьского вооруженного восстания в Москве революционные силы были вынуждены уйти в подполье. Однако они получили опыт реальной борьбы и «прививку революционной политической культуры» [5, с.22]. Для выстраивания дальнейшей коммуникации и возможности выявления «своих» появились новая памятная дата 9 января, «образец» революционных похорон и хорошо узнаваемый флаг красного цвета, под который мог встать всякий, по тем или иным причинам недовольный царским правительством, вне зависимости от сословной принадлежности. «Красные ло-

скутки» постепенно превращались в притягательную революционную символику и становились действенным инструментом политической борьбы.

Библиографический список

1. Артамонов В.А. Трижды рожденный // Соболева Н.А., Артамонов В.А. Символы России. Очерки истории государственной символики России. М.: Панорама, 1993. С.104–145.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 2 тт. Т.2. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 1088 с.
3. Дневник В.Г.Короленко за 1905 год (подготовка текста и примечания М.Г.Петровой) // Революция 1905–1907 годов и литература. М.: Наука, 1978. С.217–252.
4. Заявление жителей г. Москвы в Московскую городскую Думу об избииении полицией мирной демонстрации. Не ранее 6 декабря 1904 г. / Революция без ретуши. 17 документов из фондов Центрального исторического архива Москвы. Декабрь 1904 – май 1907 г. Публикация М.К.Кустовой // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып.2. М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 2000. С.439–440.
5. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 348 с.
6. Комаровская Е.П. Из истории государственной и военной символики России // Первая русская революция: взгляд через столетие. М.: Изд-во РГСУ, 2006. С.179–190.
7. Московские ведомости. 1905. №5.
8. Московские ведомости. 1905. №123.
9. Московские ведомости. 1905. №124
10. Московские ведомости. 1905. №279.
11. Московские ведомости. 1905. №281.
12. Происхождение флагов и их значение. Печатано по распоряжению особого Высочайше утвержденного Совещания по обсуждению вопроса о Российском национальном флаге. [СПб., 1896]. 16 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. Третье собрание (1881–1913) (ПСЗРИ-III). №1533.
14. Рабочие о 1905 г. в Московской губернии. Сборник воспоминаний. Составила Е.Попова. М. – Ленинград: Московский рабочий, 1926. 117 с.
15. Революция 1905–1907 гг. глазами кадетов (Из дневников Е.Я.Кизеветтер) // Российский архив. Т. V. М., 1994. С.338–425.
16. Языков А.О русском государственном цвете. СПб.: В типографии III Отделения Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1858. 37 с.

Андрей Юрганов

**О ПЕРВОМ ОПЫТЕ
ПОЛИТИЧЕСКОГО
ЗОМБИРОВАНИЯ
В САТИРИЧЕСКОМ
ЖУРНАЛЕ
«КРОКОДИЛ»**

АВГУСТ 1927 ГОДА

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
93/94, 929

В статье рассматривается ситуация, когда сатирический журнал «Крокодил», выходящий массовым тиражом, обязан был откликнуться «переводом» политического смысла разногласий между объединенной оппозицией и Центральным комитетом ВКП(б) на язык сатирических иллюстраций, чтобы показать широкому кругу читателей потенциальную и реальную несовместимость любой фракции в партии с мнением большинства ЦК. Рисунок в «Крокодиле», изображающий оппозицию в виде купе идущего по своей «линии» поезда – первый подобный опыт журнала. Людские массы должны были усвоить, что к каждому человеку может подойти «контролер» и спросить «проездные документы» в строящийся социализм.

The article examines the situation when the satirical magazine Krokodil, which was published in mass circulation, was obliged to respond by “translating” the political meaning of the disagreements between the united opposition and the Central Committee of the VKP(b) into the language of satirical illustrations to show the potential and real incompatibility of any faction in the party with the opinion of the Central Committee majority to a wide range of readers. The drawing in Crocodile, depicting the opposition in the form of a compartment of a train following its “line”, was the first such experience of the magazine. The masses had to learn that everyone could be approached by a “controller” and asked for “travel documents” for the socialism under construction.

Ключевые слова: сталинизм; И.В.Сталин; Г.Е.Зиновьев; Л.Д.Троцкий; объединенная оппозиция; пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) (август 1927 г.).

Key words: Stalinism; Stalin; Zinoviev; Trotsky; United Opposition; Plenum of the Central Committee and Central Committee of the VKP(b) (August 1927).

E-mail: lurganov@yandex.ru

Опыт распознавания

Одно дело – борьба сталинского большинства против оппозиции во время пленумов ЦК и ЦКК ВКП(б) и другое дело – массовая идеологическая кампания, в которой важны не аргументы спора, а технология изобличения оппонента в изображении политических ошибок. Журнал «Крокодил», выходявший громадным тиражом, обязан был откликнуться «переводом» политического смысла разногласий на язык сатирических иллюстраций, изображающих поведение «объединенной оппозиции» (Л.Д.Троцкий, Г.Е.Зиновьев, Л.Б.Каменев и др.) как поведение, оппозиционное общепринятому партийному мнению.

Ясно, что эту борьбу возглавлял И.В.Сталин, но из этого не следует, что идеологическая программа воздействия на массовое сознание была выражением только его личной воли. Иначе говоря, существенно то, как технологически откликался журнал на политические события. К чему относились иллюстрации, – к общепартийному мнению или к личным высказываниям? Культ Сталина – это не культ партии. Это культ личности. Поэтому генеральный секретарь только скрывал себя в коллективном мнении, но стремился утвердиться в образе «лучшего ученика» Ленина, в образе вождя мирового пролетариата.

Если в 1926 г. журнал «Крокодил» впервые (и единственный раз) изобразил объединенную оппозицию, поместив Г.Зиновьева, Л.Каменева и Л.Троцкого в «больничную палату» [4, с.5], то в 1927 г. было опубликовано 12 карикатур, которые свидетельствовали о силе политического конфликта внутри ВКП(б).

Первая карикатура была опубликована в тридцатом номере, вышедшем во второй неделе августа 1927 года.

Надпись под рисунком гласит: «Контролер: Вы, товарищи, заехали слишком далеко за партлинию. Эти билеты действительны только в ее пределах!»

Понятно, что речь идет о Л.Троцком и Г.Зиновьеве, у которых (по смыслу рисунка) недействительны билеты на проезд, а иносказательно – права быть членами Центрального комитета партии большевиков...

Объединенный пленум ЦК и ЦКК, проходивший с 29 июля по 9 августа 1927 г., обвинил Троцкого и Зиновьева в нарушении партийной дисциплины, сославшись на заявление 83-х(84) и выступления вождей оппозиции, в которых они обвиняли партию большевиков в термидорианском перерождении. Тридцатый номер журнала «Крокодил» вышел, когда окончательное кадровое решение в отношении Троцкого и Зиновьева

„ТАКТИКА ДАЛЬНЕГО... ЗАЕЗДА“

Рис. М. Храпковского

КОНТРОЛЕР: — Вы, товарищи, заехали слишком далеко за партинию. Эти билеты действительны только в ее пределах!

Карикатура «Купе». «Крокодил», 1927

вьява было уже принято. Первоначально оно заключалось в том, чтобы лишить обоих членства в Центральном Комитете партии. Во всяком случае, Троцкий и Зиновьев так это поняли, не явившись на заседание

пленума 6 августа. С.Орджоникидзе, не знавший об их отсутствии, заявил: «Пусть они мне ответят». Каменев крикнул: «Зиновьев не может Вам ответить, ибо он и Троцкий исключены Вами из ЦК». Это сообщение Каменева оказалось неожиданным для большинства присутствовавших на пленуме, и тогда было принято новое решение, что исключение – мера преждевременная. Троцкому и Зиновьеву объявили, что постановление об исключении принято «за основу», после чего стороны договорились о компромиссе: вождей оппозиции не исключают из ЦК, если они обязуются не создавать фракцию в партии. Это был негодный компромисс, но у оппозиции оставался последний шанс получить большинство в партии, обратившись к депутатам XV-го съезда партии.

Рисунок в журнале демонстрирует не только тех, кого предупреждает контролер (символическая фигура!), но и сидящих напротив. По смыслу рисунка – попутчики не обязательно вместе с теми, у кого проверяют «проездные» документы, иначе бы контролер обратился ко всем сидящим в купе. Но если приглядеться, то окажется, что это не случайные люди. Они тоже, как и Троцкий с Зиновьевым, были вождями оппозиции. На зрителя смотрит Г.Е.Евдокимов, а в профиле изображен И. Т. Смилга. Зрительная идентификация здесь настолько убедительна, что достаточно вспомнить реальный облик обоих.

Г.Е.Евдокимов

И.Т.Смилга

На кого был рассчитан рисунок? На массовую аудиторию? На представителей оппозиции? Речь, конечно, идет о массовом потребителе – иначе не объяснить, зачем понадобился «Крокодил», но также естественно думать, что такой рисунок, мало похожий на карикатуру, должен был стать последним предупреждением всей оппозиции: художник изобразил ее символически – это купе вагона, который не может не быть составляющим элементом общего понятия «поезд». Пока деятели оппозиции не только в вагоне, но и в поезде. Но надолго ли?

Г.Е.Евдокимов (1884–1936) был членом РСДРП (большевиком) с 1903 года. Участвовал в создании Красной гвардии в 1917 г. Отличился в обороне Петрограда в годы Гражданской войны, с 1922 по 1925 гг. был председателем Петроградского Совета профессиональных союзов, заместителем Г.Зиновьева в Петроградском Совете, с сентября 1925 г. по январь 1926 г. – первый секретарь Ленинградского губкома ВКП(б). Ближайший соратник Г.Зиновьева, один из руководителей «новой оппозиции». Эта оппозиция была разгромлена на XIV съезде партии. 1 января 1926 г. Евдокимов был избран секретарем ЦК ВКП(б), членом Оргбюро ЦК ВКП(б). Но весной 1926 г. примкнул к сторонникам Троцкого и Зиновьева, стал одним из самых активных участников «объединенной оппозиции». 9 апреля 1926 г. его освободили от должности секретаря и члена Оргбюро. Но только 14 ноября 1927 г., через несколько месяцев после появления карикатуры в «Крокодиле», он был исключен из состава ЦК ВКП(б), а в декабре 1927 г., на XV съезде партии, был исключен из партии.

И.Т.Смилга (1892–1937) в 1907 г. вступил в РСДРП, учился в Московском университете, был исключен за революционную деятельность, в 1915 г. выслан в Сибирь. В апреле 1917 г. избран в ЦК РСДРП. Активно участвовал в событиях Гражданской войны, был членом Реввоенсовета Восточного, Юго-Восточного, Западного, Южного, Кавказского фронтов. В начале 20-х годов – начальник Главного управления по топливу ВСНХ СССР, заместитель председателя Госплана СССР. Активный участник «объединенной оппозиции». Был исключен из рядов партии в декабре 1927 г. на XV съезде партии.

Опыт зомбирования

«Купе», состоящее из четырех человек, как образ оппозиции, возник из реальности политической борьбы. В один и тот же день, 25 мая

1927 г., когда было подписано письмо 83-х большевиков, обращенное в Центральный комитет ВКП(б), в Политбюро ЦК ВКП(б) было направ-

лено сопроводительное письмо четырех главных деятелей «объединенной оппозиции»: Г. Евдокимова, Г. Зиновьева, И. Смилги, Л. Троцкого, в котором объяснялись мотивы «письма 83-х». Речь шла о двух событиях, в которых сталинская политика централизма потерпела поражение: это революция в Китае, где коммунистов разгромил Чан Кайши, и неудачное выступление рабочих Англии, которое не переросло в решительное классовое столкновение ввиду предательства социал-демократов.

Из сопроводительного письма в Политбюро ЦК ВКП(б)

Прилагаемое при сем коллективное письмо написано было, как видно из его текста, вскоре после того, как переворот Чан Кайши и берлинские решения Англо-Русского комитета обнаружили полную ошибочность политики, проводившейся большинством ЦК в основных вопросах международного значения. Именно эта неправильная политика, наряду с резкими сдвигами во внутренних вопросах, в чрезвычайной степени способствовали ослаблению международного положения СССР. Коллективное письмо передается нами Центральному комитету в тот момент, когда английские консерваторы, использовавшие половинчатость нашей политики в китайской революции и в рабочем движении самой Англии, довели дело до разрыва дипломатических отношений <...> Несчастье нашей политики в том, что она за последний период была искусственно лишена возможности обсуждать и коллективно разрешать те вопросы, от которых зависит судьба рабочего класса и рабочего государства. Считалось, что кто-то за нее, партию, бодрствует и решает. В период больших кризисов такая система становится абсолютно невыносимой и нетерпимой. Об этом заявляет Центральному комитету группа большевиков – старых партийцев [1, с.72–73].

Созданный журналом «Крокодил» образ оппозиции (купе поезда!) весьма удачно для массового сознания комментировал противостояние в партии, но – с точки зрения сталинской группировки. Сама идея рисунка была подсказана конкретным эпизодом политической борьбы. 9 июня 1927 г. на Ярославском вокзале состоялись проводы И.Т.Смилги в «почетную ссылку» на Дальний Восток, куда его направили председателем Экономсовета. Провожать пришло много народу – в основном из оппозиции. Пришел Л.Троцкий и выступил перед собравшимися. Состоялся своеобразный митинг протеста против руководства ВКП(б).

Слух о таком митинге быстро распространился. Троцкий даже получил письмо от некоего Каневского, который отмечал, что в его городе «речь» Троцкого поняли примерно так: «У нас не диктатура пролетариата, а диктатура узурпаторов». Отвечая ему, Троцкий писал: «На самом деле никакой "речи" на Ярославском вокзале я не произносил, а на требование собравшихся товарищей сказать несколько слов, я ответил следующей фразой: "Опасности для нашей страны сейчас велики, времена трудные, и каждый из нас должен быть вдвойне верным сыном революционной ленинской партии!" **Ничего другого я не сказал.** Текст моей "речи" удостоверен свидетельскими показаниями – не оппозиционеров, а противников оппозиции. Эти показания имеются у ЦКК. Тем не менее не только на собраниях, но и в партийной печати мне приписывается совершенно фантастическая речь на Ярославском вокзале. Все это ложь с начала и до конца» [2, с.14].

На июльско-августовском пленуме ЦК и ЦКК постоянно вспоминали эту своеобразную демонстрацию протеста как совершенно недопустимую. Когда Смилга получил право выступить на пленуме, стенограмма зафиксировала ехидные и злые реплики:

Председатель. Слово имеет т. Смилга.

Голос. Никто его не провожает, один идет (Смех).

Голоса. Закачали его. С приездом!

Калинин. Он привык, чтобы его на руках несли [5, с.468].

Издательства над Смилгой не утихали – так глубоко задела многих из «большинства» состоявшаяся на вокзале акция оппозиции:

Председатель. Тов. Смилга живет далеко, в Хабаровске, я ему увеличил время на пять. Может быть, ему еще пять минут дать?

Голос. Вынести его на руках с кафедры.

Голоса. Не надо, довольно.

Председатель. Голосую, кто за то, чтобы увеличить время т. Смилге на пять минут? Кто против этого? Большинство.

Голос. Качать надо!

Председатель. Слово имеет т. Чубарь [5, с.472].

В речи Я.Э.Рудзутака тоже возникли мотивы проводов Смилги на вокзале: «Я думаю, что в этом отношении плечи партии и рабочего класса достаточно сильны, чтобы вынести эту тяжелую ношу – ре-

конструкцию нашей промышленности и воссоздание нашего хозяйства. Плечи нашей оппозиции очевидно доросли для того, чтобы тащить Смилгу по вокзалам (Смех.) Никакой другой тяжести они на себя не берут» [5, с.485].

А.И.Рыков, возражая Смилге по экономическому вопросу, вспомнил эпизод на Ярославском вокзале как дискредитирующий в его глазах и в сознании большинства не только личность оппозиционера, но заодно и всю его экономическую аргументацию: «...здесь т. Смилга бросил мне необычайно для меня обидный упрек в том, что я с ним, с героем Ярославского вокзала, согласен по вопросу о расслоении крестьянства. Ну, так себя ругать я никогда не позволю! (Смех.) Никогда я со Смилгой в этом вопросе не соглашался и соглашаться не буду» [5, с.546].

Издавались и над Троцким. Когда он сказал на пленуме – «...но мы при этом сохраняем за собой не только право, но и обязанность везде и всюду...» – раздался голоса: «на каждом углу», «на Ярославском вокзале» [2, с.70].

Объединенная оппозиция официально объявила о себе на июльском пленуме 1926 г. через «Заявление», адресованное членам ЦК и ЦКК. В нем указывалось, что «фракционность, осужденная X съездом партии, создается бюрократизмом, подавляющим свободу суждений, убивая критику, неизбежно толкает добросовестных партийцев на путь замкнутости и фракционности». Слишком поздно деятели оппозиции поняли, что «утверждение, будто "большинство" не может быть фракцией, явно бессмысленно» [3, с.20]. Сталинский миф о том, что «большинство» и «фракция» – понятия несовместимые, был наконец опровергнут, и в лексике оппозиционеров появились новые определения: «руководящая группа», «сталинская фракция».

Но агитация и пропаганда в лице журнала «Крокодил» внушала массам идею, согласно которой «большинство», каким бы оно ни было, и есть сама партия. Сталин сильно возмущался, что Н.К.Крупская позволила себе на XIV съезде партии сказать неприятную правду: Ленин был в меньшинстве на Стокгольмском съезде, и правда была не за большинством депутатов. В письме Молотову от 16 сентября 1926 г. Сталин назвал Крупскую «раскольницей»: «Ее и надо бить как раскольницу, если хотите сохранить единство партии». В этом письме он охарактеризовал необходимость отождествления «большинства» с мнением всей партии, ибо нет другого варианта удержать единство: «Нельзя строить в одно и тоже время две противоположные установки, и на борьбу с расколь-

никами, и на мир с ними. Это не диалектика, а бессмыслица и беспомощность» [6, с.90]. Обратим внимание на прагматизм сталинской постановки вопроса: не могут быть едины противоположные установки, когда речь идет о единстве либо под властью одной фракции, либо под властью другой. Соединить это диалектически невозможно, отсюда – и «бессмыслица».

Опыт сопротивления

Сопроводительное письмо «четырех» активно обсуждалось на июльско-августовском пленуме ЦК и ЦКК 1927 года. В.М.Молотов

говорил, в частности: «Тов. Зиновьев здесь повторяет то, что он вместе с т. т. Троцким, Смилгой и Евдокимовым сказал в письме, направленном в ЦК вместе с Заявлением 83-х. Лидеры оппозиции договорились до полного сомнения в коренном вопросе о том, во имя чего будет война, в которой СССР будет защищаться от новой империалистической интервенции. <...> На 10-м году руководства партии Советским государством это оказывается самыми подходящими вопросами у одного из вчерашних лидеров ВКП! Насколько же далеко за последние месяцы "прогрессировала" наша оппозиция» [5, 172].

В.М.Молотова (как и Сталина) тоже раздражало, что Г.Зиновьев не желает отождествлять группировку Сталина со всей партией: «...т. Зиновьев... предпочитает говорить о нашей партии и об ее руководящих органах как о "группе Сталина"» [5, с.173]. В том же самом виноват и Троцкий, который не хочет признавать, что, споря со Сталиным, он спорит со всей партией! Эта ментальность формировалась как первооснова тоталитарной веры в необсуждаемое превосходство партийной коллективности, выраженной механическим большинством. Молотов говорил на пленуме: «Сейчас оппозиция и, прежде всего, т. Троцкий старается заострить внимание на задаче ломки партийного режима. По случаю надвигающейся войны т. Троцкий провозглашает: главное – сломать партийный режим; основная задача – добиться свободы фракционности в ВКП(б); в перспективе – найти дорожку к расколу ВКП и к новой партии» [5, с.174].

Довольно остро отвечал Молотову Л.Б.Каменев. Он обнажил сущность сталинской «установки» – быть олицетворением всей партии: «Это клевета, что наша критика политики т. т. Молотова, Бухарина, Сталина обязательно нас толкает на путь левых эсеров, с которыми они нас сравнивают. Эта клевета имела под собой в речи т. Молотова извест-

ную логическую обоснованность. Он рассуждает просто: оппозиция критикует меня, Молотова, мою политику и линию; но я, Молотов, представляю партию, я – партия; следовательно, критикует не мои ошибки, а критикует партию. Оппозиция критикует Молотова бешено, резко, значит, она бешено, значит, она резко критикует партию. Значит – вы уже против, обратились к бешеной критике, вы стали на путь левых эсеров» [5, с.184].

Фигура безымянного «контролера» в журнале «Крокодил» есть символическое выражение власти большинства, внушающее мысль, что не Сталин утверждает собственную власть в партии – хотя это так, не иначе, – а мнимое и безличное «большинство» – категория вполне иррациональная, имеющая право на «законность». В массовом сознании эта идеологическая схема становится важнейшим элементом коллективной суггестии (внушаемости).

И.В.Сталин и К.Е.Ворошилов вынуждены были на июльско-августовском пленуме ЦК реагировать на реплику Троцкого так, чтобы показать, что любая оппозиция в партии ими осуждается. Их собственная оппозиционность, о которой вспомнил Троцкий – тоже осуждается.

Каменев. Мы можем победить лишь одним – правильной политикой. Тот, кто предлагает неправильную политику, кто не дает партии со всей серьезностью, спокойно, без угроз, без вышибания, обсудить и выработать тактику, тот готовит поражение, тот пораженец, а не мы. Когда военная оппозиция: Бубнов, Ворошилов, отчасти Сталин в 1918, 1919, 1920 годах критиковали методы Ленина, выступали против него...

Сталин. Я выступал против него.

Голос. А вы где были?

Троцкий. Два раза снимали Сталина с фронта за оппозицию, за нарушение дисциплины и за ложную линию.

Ворошилов. И всегда правильно (шум, звонок председателя)

Скрыпник. Частное расхождение не есть оппозиция.

Сталин. Не создавайте фракции, вот в чем дело [5, с.185].

Спор о правильности политики партии на вышеупомянутом пленуме предполагал со стороны оппозиции понимание, что линия может быть разной. Троцкий так и сказал: «Предлагаем: вести большевистскую линию, не сталинскую» [5, с.246].

Сталин весьма хитро выступил, найдя окольный путь, чтобы отождествить себя и свою группировку с партией большевиков. Он внушал – без всяких аргументов – что «при взлете революции вверх *обязательно должны появиться* (курсив мой. – А. Ю.) в компартиях правый и левый уклоны, из коих первый не хочет расстаться с прошлым, а второй не хочет считаться с настоящим. Они забыли, что без этих уклонов не бывает революций. А что было у нас в Октябре 1917 г., разве не было тогда в нашей партии правого и левого уклона? Неужели т. т. Каменев и Зиновьев забыли об этом. Помним ли мы, товарищи, историю меньшевистских ошибок Каменева и Зиновьева в Октябре?» [5, с.261]. Зал дружно ответил: «Помним».

Таким способом он ставил себя в место, где нет уклонов, а если нет уклонов, то нет и ошибок: значит драться надо не только за большинство в партии, но и за место такого «центра», где нет ни правой, ни левой опасности. Оппозиция и эту сталинскую интригу увидела, но опять же поздно. В сентябре 1926 г. Троцкий написал тезисы «К пятнадцатой партийной конференции», в которых дал определение такому явлению, как «политическая двойственность». Троцкий уловил, что в игре Сталина нет никакого политического содержания – «политической линии», – ее успешно заменяет «комбинаторство». А вот «реальное содержание» вносят как раз те представители партии, которых сталинская фракция считает «левыми» или «правыми». Троцкий угадал, что Сталин при случае повернется в любую сторону «содержания», если это будет ему выгодно для удержания власти, но отнюдь не потому, что таковы его политические взгляды, имеющие непреложные основания. Он писал: «Особый вес в сталинской фракции получают специалисты по возведению беспринципности в систему» [3, с.87].

Сталин продолжал зомбировать аудиторию на июльско-августовском пленуме ЦК внушением выгодных ему установок:

Сталин. Откуда появились тогда эти ошибки? Кто был в этом виноват? Разве можно было винить в этом Ленина или ЦК ленинской партии? Как могла «забыть» об этих и подобных им фактах оппозиция? Как могли они «забыть», что всегда при взлете революции появляются внутри партии правый и левый уклоны от марксизма? А в чем состоит при этом задача марксистов, задача ленинцев? В том, чтобы бить и левых и правых уклонистов.

Голоса. Правильно [5, с.262].

Такая позиция давала Сталину большое преимущество перед Троцким. Из этой «ленинской точки» нападения на правых и левых Сталин погружал аудиторию в суггестию:

А сколько лет блуждал сам т. Троцкий среди меньшевиков? Об этом он забыл? Ведь он блуждал среди меньшевиков целых 14 лет – с 1903 до 1917 г. Почему он дает себе 14-летний срок для того, чтобы, блуждая по всяким антиленинским «течениям», приблизиться потом к большевикам, а молодым китайским коммунистам не хочет дать хотя бы 4-летний срок? Почему он так высокомерен к другим, забывая о своих собственных блужданиях? Почему?

В конце концов конфликт перешел в плоскость личных отношений. Сталин грубо высказался – и Троцкий резко ответил:

Сталин. ...т. Троцкий испугался своих же собственных слов, чувствуя, что хватил через край. Я не хочу придираюсь к т. Троцкому.

Троцкий. Никогда я вас не пугался и никогда не собираюсь вас пугаться – небольшого человека.

Сталин. Вы, т. Троцкий, не горячитесь.

Троцкий. Я меньше всего горячусь.

Голос. Тогда молчите.

Сталин. Я вас не прерывал, ни одного возгласа не делал, чтобы не мешать вам, когда вы читали свою речь. Не горячитесь, все равно от выводов не уйти никуда.

Троцкий. Вы имеете предзаключительное слово. Тут вы сильнее, чем в Китае или в АРК (Англо-русский комитет. – *А.Ю.*), когда вы в вашей тарелке.

Сталин. Имейте в виду, т. Троцкий, что отнимаете у нас время.

Троцкий. Вы у меня больше отняли.

Сталин. Я, т. Троцкий, не претендую на звание большого человека. А вот большой вы человек или маленький – об этом предоставьте судить партии... Так вот, оказывается, что когда враг подойдет на расстояние 80 верст от Кремля, этот опереточный Клемансо будет заниматься не тем, чтобы оборонять СССР, а свержением нынешнего большинства партии. И это называется у него обороной. Конечно, немного смешно, когда эта маленькая донкихотская группа, едва собравшаяся на продолжении четырех месяцев тысячу с лишним голосов...

Голос. 900.

Сталин. ... если эта маленькая группа угрожает миллионной партии: «я тебя вымету». Можете судить, до чего плачевно положение группы Троцкого, если она, работая в поте лица в продолжение 4 месяцев, едва сумела собрать около тысячи подписей. Я думаю, что любая группа оппозиционеров могла бы собрать несколько тысяч подписей, если бы она умела работать [5, с.286].

Сталин продолжал тему «мусора» в партии: «...нет, т. Троцкий, уж лучше бы вам не говорить о "выметании мусора". Лучше бы не говорить, так как слова эти заразительны. Если большинство заразится от вас методом выметания мусора, то я не знаю, хорошо ли будет это для оппозиции. А ведь это не исключено, что большинство ЦК может заразиться словом "выметание" и "выметет" кой-кого. Не всегда желательны и безопасны речи о выметании, могущие заразить большинство нашего ЦК и заставить его вымести кой-кого» [5, с.286].

Троцкий остроумно парировал: «Тут вы гораздо сильнее, чем в Китае. Как метлы коснется, вы в своей тарелке. *Еще бляху вам и метлу – вот и вся ваша платформа полностью* (курсив мой. – А.Ю.)» [5, с.286]. Григорий Зиновьев крикнул Сталину: «Вы изменник, вы раскололи (партию. – А.Ю.)» [5, с.290].

А. И. Рыков, защищая право «большинства» на законность своих решений, пытался определить, почему разговоры о «сталинской фракции» спекулятивны. Он говорил: «Я спрашиваю оппозицию – если она думает, что у нас нет партии, что партия придушена, что имеется единоличная власть Сталина, – то как же они думают с таким рабочим классом, который, произведя октябрьскую революцию, дошел теперь до положения хуже фашистского, защищать республику Советов, как они думают выйти из войны, как они думают осуществить задачу всемирной революции?» [5, с.327].

В этих жарких спорах видна главная проблема в становлении сталинской идеологии – проблема усвоения тоталитарной ментальности массами людей.

Рисунок в «Крокодиле», изображающий оппозицию в виде купе идущего по своей «линии» поезда, – первый подобный опыт журнала и, надо признать, осуществленный весьма нестандартно. Людские массы должны были усвоить, что к каждому человеку может подойти «контролер» и спросить «проездные документы» в строящийся социализм. Здесь уже чувствуется кафкианская неопределенность безличной силы, способной устрашить любого...

Библиографический список

1. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. М.: «Терра», 1990. Т.3. 256 с.
2. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция. 1923–1927. М.: «Терра», 1990. Т.4. С.14.
3. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. М.: «Терра», 1990. Т.2. 252 с.
4. «Крокодил»: издательство «Рабочей газеты». 1926. №43.
5. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 29 июля – 9 августа 1927 г.: Документы и материалы: в 2 кн. – Кн.1. – Политическая энциклопедия, 2020. 614 с.
6. Письма И.В.Сталина В.М.Молотову. 1925–1936 гг. Сборник документов. М.: «Россия молодая», 1996. 303 с.

Хотя сила и может защитить в какой-либо экстремальной ситуации, но только справедливость, честность, внимание и сотрудничество могут, наконец, привести людей к зарождению вечного мира.

Дуайт Дэвид Эйзенхауэр

Если вы не верите
в сотрудничество, посмотрите,
что происходит с повозкой,
потерявшей одно колесо.

Наполеон Хилл

Михаил Ковалев

РОССИЯ В МИРЕ

**РОССИЙСКО-
ПОРТУГАЛЬСКИЕ
НАУЧНЫЕ СВЯЗИ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.
И ФРАНСИШКУ АФОНСУ
ШАВИШ (1857–1926)**

УДК
001.89

Статья посвящена взаимоотношениям португальского ученого-естествоиспытателя Франсишку Афонсу Шавиша (1857–1926) с российскими коллегами. Он был авторитетным метеорологом и сейсмологом, пропагандистом науки, чья известность вышла далеко за пределы его родных Азорских островов и Португалии в целом. В статье приводятся примеры контактов Ф. А. Шавиша с русскими учеными: М. А. Рыкачевым, Б. Б. Голицыным, Н. А. Демчинским, С. Н. Нахимовым. Также большое внимание уделено отражению «русской темы» во взаимоотношениях Ф. А. Шавиша с европейскими коллегами. Делается вывод, что хотя связи Ф. А. Шавиша с Россией были эпизодическими, заметно уступая контактам с учеными из иных европейских стран, они примечательны в контексте истории российско-португальского научного диалога. Показательны они и своей «перекрестностью», поскольку вовлекали ученых разных стран, объединенных общими научными темами.

The article is devoted to the relationship of Francisco Afonso Chaves (1857–1926), a Portuguese scientist, with his Russian colleagues. He was a prominent meteorologist and seismologist, a propagandist of science, whose repute extended far beyond his native Azores and Portugal. In the article the examples of contacts of F. A. Chaves with Russian scientists (M. A. Rykachev, B. B. Golitsyn, N. A. Demchinsky, and S. N. Nakhimov) are provide. In addition, much attention is given to the reflection of the “Russian theme” in the relationship of F. A. Chaves with his European colleagues. The article concludes that although Chaves’ relations with Russia were episodic, noticeably inferior to contacts with scientists from other European countries, these ties are remarkable in the context of the history of the Russian-Portuguese scientific dialogue. It is also indicative the “cross-country”, since these relations involved scientists from different countries, united by common scientific subjects.

Ключевые слова: Ф. А. Шавиш; Россия; Португалия; Азорские острова; научные связи; метеорология; сейсмология; Б. Б. Голицын; М. А. Рыкачев; история науки и техники.

Key words: F. A. Chaves; Russia; Portugal; the Azores; scientific relations; meteorology; seismology; B. B. Golitsyn; M. A. Rykachev; history of science and technology.

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

Российско-португальские научные взаимодействия XVIII – начала XX в.

Россию и Португалию связывает большая история взаимоотношений, восходящая к временам Петра Великого, когда были предприняты первые попытки по наведению дипломатических мостов [34]. Впоследствии, на протяжении XVIII – начала XX вв. двухсторонние связи поступательно развивались, правда, сосредоточившись преимущественно в торгово-экономической сфере [38]. Даже несмотря на долгий разрыв официальных контактов в XX в. (с 1918 по 1974 гг.), поскольку две страны оказались непримиримыми идеологическими противниками, взаимодействие полностью не прерывалось, хотя и находило выражение в весьма ограниченных формах. Проблематика двухсторонних контактов уже неоднократно становилась предметом специальных исследований [16; 30; 37], хотя многие вопросы по-прежнему требуют пристального внимания, а также углубленных архивных изысканий. Среди подобных сюжетов – история российско-португальских научных связей. О них упоминалось, как правило, мимоходом, в контексте иных тематических исследований [31; 35; 39; 46; 47]. Применительно к XVIII в. свидетельств о российско-португальских научных контактах немного. Вероятно, их самая яркая страница связана с именем Антониу Рибейру Санчеса (António Nunes Ribeiro Sanches; 1699–1782), португальского медика при русском дворе и почетного члена Петербургской академии наук [32]. Совсем недавно португальская исследовательница Анна Бандейра обнаружила в архиве письмо государственного деятеля и просветителя маркиза де Помбала¹ от 6 июня 1776 г. к ректору Университета Коимбры Франсишку де Лимушу² с просьбой тепло принять в стенах старейшей португальской высшей школы одного русского аристократа, что и было сделано [26, p.124]. Этим высоким гостем был молодой князь Николай Борисович Юсупов (1750–1831), прославившийся как крупный коллекционер, меценат и государственный деятель.

Применительно к XIX в. едва ли не самым заметным эпизодом в истории научных связей является Первая русская экспедиция в Бразилию (в ту пору – португальскую колонию) в 1821–1829 гг. под руководством

¹ Себастьян Жозе де Карвалью-и-Мелу, маркиз де Помбал (*Sebastião José de Carvalho e Melo, Conde de Oeiras, Marquês de Pomal*; 1699–1782) – выдающийся португальский государственный деятель, дипломат и фактический глава правительства с 1750 по 1777 гг. при короле Жозе I, крупнейший представитель португальского Просвещения.

² Франсишку де Лимуш де Фариа Перейра Коутинью (*Francisco de Lemos de Faria Pereira Coutinho*; 1735–1822) – португальский религиозный деятель, ректор Университета Коимбры в 1770–1779 гг. и в 1799–1821 гг., епископ Коимбры в 1799–1822 гг.

Григория Ивановича Лангсдорфа (1774–1852), в ходе которой удалось собрать уникальные материалы по ботанике, зоологии и этнографии региона. Этот сюжет следует признать не только самым известным, но, вероятно, самым изученным [9; 12; 13; 18; 24; 27; 28]. Впрочем, он не был единственным. По мере развития и укрепления российско-португальских отношений множились и примеры научных взаимодействий. Так, строительство Лиссабонской обсерватории (Observatório de Lisboa) в 1861–1867 гг. во многом велось по примеру Пулковской [33, p.99]. Первым главным астрономом стал Фредерико Аугушту Оом (Frederico Augusto Oom; 1830–1890), который в конце 1850-х годов стажировался в России у Василия Яковлевича Струве (1793–1864) и Отто Васильевича Струве (1819–1905). Сведения о работах российских ученых в самых разных областях науки были хорошо известны в Португалии. Так, в сентябре 1884 г. профессор химии Санкт-Петербургского технологического института Федор Федорович Бейльштейн (1838–1906) указом португальского короля Луиша I был пожалован Командорским крестом Ордена Зачатия Богородицы «за заслуги его на поприще ученой деятельности» [1, л.2]. Незадолго до этого, в 1881 г., Ф.Ф.Бейльштейн выпустил на немецком языке двухтомный справочник по органической химии [29], тут же получивший высокую оценку среди европейских ученых.

Российские исследователи периодически посещали Португалию. Например, в 1905 г. в Ботаническом саду Лиссабона побывал ботаник Владимир Ипполитович Липский (1863–1937) [14]. В апреле 1912 г. Императорская Санкт-Петербургская Академия наук организовала астрономическую экспедицию в Португалию для наблюдения за полным солнечным затмением [2, л.52–54]. В начале XX в. появляются и первые российские специалисты, занимавшиеся изучением португальской истории и культуры. К таковым относился Мирон Аркадьевич Малкиель-Жирмунский (1890–1974), заинтересовавшийся португальским искусством Нового времени [15]. После революции он эмигрирует во Францию, откуда с началом Второй мировой войны переберется в Португалию. В стране, познанием которой увлекся еще в годы петербургской молодости, он проживет до конца своих дней, довольно успешно интернировавшись в местную интеллектуальную среду. Нет сомнения в том, что дальнейшие изыскания смогут заметно расширить картину прошлого российско-португальских научных связей. На помощь исследователям приходят ранее неизученные архивные материалы, позволяющие открыть совершенно новые страницы двухсторонних интеллектуальных взаимодействий [см., напр.: 11].

**Ф.А.Шавиш и его вклад
в развитие научных исследова-
ний на Азорских островах**

В истории российско-португальских научных связей рубежа XIX – XX вв. совершенно особая страница связана с именем полковника Франсишку Афонсу Шавиша (Francisco Afonso Chaves; 1857–1926). Это был авторитетный ученый-естествоиспытатель, зачинатель смелых научных экспериментов в сфере метеорологии и сейсмологии, чья известность вышла далеко за пределы его родных Азорских островов – португальских владений в Северной Атлантике, и за пределы Португалии в целом.

Франсишку Афонсу Шавиш. 1912 г. [4, №258]

Шавиш был инициатором международного научного сотрудничества в сфере изучения метеорологических процессов Северной Атлантики и их влияния на европейский континент. Задача в ту пору была новаторской и жизненно важной в силу того, что вблизи Азорских островов постоянно существует зона колоссального высокого давления, извест-

ная в науке как Азорский антициклон. Его влияние на Европу огромно, особенно в летнее время, и простирается вплоть до Европейской России. Одновременно Шавиш выступал за развитие исследований вулканизма, геомагнетизма и сейсмических процессов в Северной Атлантике. Он также стоял у истоков изучения уникальной флоры и фауны Азорских островов, пропагандировал и развивал научную фотографию [36]. Таким образом, его вклад в развитие научных исследований в регионе был чрезвычайно высок. Закономерно, что Шавиш стал одним из создателей и редакторов фундаментального труда «Азорский архив» (Arquivo dos Açores). В память об ученом 12 марта 1932 г. было создано Общество азорских исследователей Франсишку Афонсу Шавиша (Sociedade de Estudos Açorianos Francisco Afonso Chaves) [23, p.21], которое и в наши дни продолжает традицию комплексных исследований региона. Общество издает журнал «Açoreana», публикующий статьи по геологии, геофизике, естественной истории и этнографии Азорских островов и Атлантического региона.

Путь в науку

Франсишку Афонсу Шавиш происходил из влиятельной азорской семьи. Его отец, Франсишку Афонсу да Коста Шавиш и Мелу (Francisco

Afonso da Costa Chaves e Melo; 1797–1863), был политическим деятелем и в 1842–1844 гг. занимал пост гражданского губернатора округа Понта-Делгада. Ф.А. Шавиш, как часто подобало людям его круга, избрал военную карьеру. Он уехал для получения образования в материковую Португалию, где сначала прошел курс в Политехнической школе Лиссабона (Escola Politécnica de Lisboa), а затем продолжил обучение в Военной школе (Escola do Exército). После ее окончания в 1875 г. он был зачислен на действительную военную службу [45, p.55–56]. Однако в большей степени привлекала его не армейская жизнь, а естествознание, и он усердно занимался самообразованием в этой сфере. В 1879 г. Шавиш вернулся на Азорские острова, в родной город Понта-Делгада (Ponta Delgada), где поступил на службу в 11-й Егерский полк. Там он прошел все ступени военной карьеры: лейтенант (1884), капитан (1890), майор (1902), подполковник (1907), полковник (1911). С Азорскими островами будет неразрывно связана вся его последующая жизнь.

Франсишку Афонсу Шавиш живо интересовался изучением флоры и фауны родного края. Он сблизился с врачом и натуралистом Карлушем Машаду (Carlos Maria Gomes Machado; 1828–1901), директором Ли-

Озеро Сети-Сидадиш на острове Сан-Мигель, Азорские острова [4, №1742].

цея Понта-Делгада (Liceu de Ponta Delgada), создавшим при нем Кабинет естественной истории, послуживший основой будущего регионального музея [42, p.18–20]. Шавиш начинал как натуралист-любитель, но быстро проявил незаурядные навыки исследователя. С особой силой его влекла метеорология, которая только зарождалась на Азорских островах, поскольку прежде все наблюдения осуществлялись лишь любителями, например, школьными учителями. В 1885 г. он опубликовал по-французски в журнале «Астрономия» (L'Astronomie) результаты наблюдений на собственной метеостанции, которую соорудил на заднем дворе своего дома в городе Понта-Делгада [45, p.81–83].

В 1887 г. Шавиш познакомился с князем Монако Альбертом I (Albert I; 1848–1922), крупным исследователем и покровителем естественных наук, который посещал Азорские острова в ходе океанографической экспедиции. Эта встреча во многом повлияла на идею о создании международного исследовательского центра по изучению климата Атлантики [43]. Важность ее была сгенерирована потребностью прогнозирования погоды. Поставленная задача осложнялась отсутствием сети метеостанций и, главное, телеграфной связи между Азорскими островами и Европой. Существовали и геополитические преграды: португальское правительство настороженно относилось к идее международного центра. Тем не менее, проект получил поддержку благодаря влиянию Альберта I на короля Португалии Карлуша I, настойчивости Шавиша и большого

интереса в среде европейских ученых [36, p.158; 44, p.431]. После открытия в августе 1893 г. телеграфного сообщения между Понта-Делгадой и материком, проект получил шанс на осуществление. Шавиш наладил деятельность первой профессиональной метеостанции. Он работал на общественных началах, хотя оборудование для его исследований приобрело португальское правительство и власти Понта-Делгады. Ежедневно он проводил наблюдения и отправлял данные в Лиссабон.

В 1894 г. Альберт I начал кампанию по привлечению европейских метеорологов к созданию интернационального центра, а Шавиш был приглашен возглавить его. При участии португальского исследователя было начато создание сети метеорологических станций: в городе Санта-Круш-даш-Флориш (Santa Cruz das Flores) в августе 1897 г. (до наших дней не сохранилась), в городе Орте (Horta) в 1898 г. (сегодня – обсерватория князя Альберта Монакского), а также на острове Пику (Pico). Однако настороженность португальского правительства и давление на него британской дипломатии мешали ходу работ. Шавиш лично вел кампанию по популяризации идеи интернациональных метеорологических наблюдений, одновременно добавив к ней необходимость изучения геомагнетизма и сейсмологии. В 1898–1899 гг. он совершил 6-месячную поездку

Князь Монако Альберт I в ананасовой теплице в Фажан-де-Байшу (остров Сан-Мигель, Азорские острова) [4, №1519]

ку в Мадрид, Гамбург, Христианию, Киль, Берлин, Лейпциг и Лондон, желая найти поддержку международного метеорологического проекта. В 1898 г. он прошел стажировку в Центральном метеорологическом бюро в Париже (Bureau Central Météorologique) и на метеостанции Сен-Морде-Фосс (Saint-Maur-des-Fossés).

В итоге проект международной станции так и не смог найти поддержку из-за нарастающей международной напряженности. Приближавшаяся война породила глубокое взаимное недоверие. Великобритания относилась к начинанию с особой настороженностью, так как оно могло помешать ее военно-морскому превосходству в Атлантике, тем более, что проектом Шавиша заинтересовались в Берлине. Ситуацию не смогло изменить даже выступление князя Альберта I в Лондонском Королевском обществе. Правительство Британии давило на Португалию с требованием остановить проект [45, p.231–232]. В итоге правительство страны решило создать сугубо национальную институцию на архипелаге. Когда Шавиш был в Париже в 1900 г., готовясь сделать доклад на Международном метеорологическом конгрессе (10–15 сентября 1900 г.), он получил телеграмму от премьер-министра Эрнесту Рудольфу Хинтце Рибейру (Ernesto Rodolfo Hintze Ribeiro; 1849–1907), сообщавшего о решении образовать национальную Метеорологическую службу Азорских островов (Serviço Meteorológico dos Açores) [44, p.431; 45, p.232]. Она была создана Законом от 12 июня 1901 г., а Франсишку Афонсу Шавиш назначен ее первым директором.

Метеорологические исследования Ф.А.Шавиша и российская наука

Метеорологические исследования Шавиша не остались незамеченными и в России. 15 января 1901 г. к нему обратился инженер Николай Александрович Демчинский (1851–1915), предлагая сотрудничество с издаваемым им два раза в месяц журналом «Климат» [3, PSS/FAC/1–65/1]. Вероятно, письмо осталось без ответа, и 6 июня 1901 г. Демчинский снова написал в Понта-Делгаду с просьбой присылать текущую метеорологическую информацию об Азорских островах для печатания в журнале [3, PSS/FAC/1–65/2]. Португальский исследователь выразил подобную готовность, и уже 16 июля 1901 г. Н.А.Демчинский запросил ежедневные показания барометров в Понта-Делгада и Орте на протяжении месяца [3, PSS/FAC/1–65/3]. Тем не менее, материалов об Азорских островах на страницах журнала «Климат» так и не появилось. Других сведений о взаимодействии Ф.А.Шавиша с русским коллегой в архивах

пока не удалось выявить. Впрочем, можно допустить, что попытки сотрудничества успехом не увенчались в силу неоднозначной репутации Н.А. Демчинского и его методов прогнозирования погоды в научной среде [8]. Так, далеко не все в ученом сообществе разделяли его увлечения астрометеорологией, научно критиковали предложенную им методику прогнозирования погоды [7], хотя в то же время его идеи находили поддержку в высших чиновничьих кругах [17, с.606].

В 1902 г. усилиями Шавиша в Понта-Делгаде была открыта первая на всей территории Португалии сейсмологическая станция. В том же году он был избран членом Международного метеорологического комитета, созданного в 1873 г. Его кандидатура была представлена главой объединения, французским физиком Элетером-Эли-Николя Маскаром (Éleuthère Élie Nicolas Mascart; 1837–1908) [45, p.286]. В состав международной организации входили ведущие ученые-метеорологи, в том числе член Императорской Санкт-Петербургской академии наук, директор Николаевской Главной физической обсерватории, генерал Михаил Александрович Рыкачев (1840–1919). Он был ведущим специалистом в области гидрометеорологии и изучении земного магнетизма, участвовал в создании сети метеостанций [20] и пользовался огромным международным авторитетом [21; 22].

Портрет М.А.Рыкачева (художник М.М.Деятов, 1970–1980-е гг. Холст, масло) [22]

Личное знакомство Ф.А.Шавиша и М.А.Рыкачева состоялось в Париже в сентябре 1900 г., где оба принимали участие в Международном метеорологическом конгрессе. Рыкачев был избран тогда одним из трех вице-президентов конгресса [22, с.160]. В 1904 г. португальский ученый получил приглашение приехать в Санкт-Петербург на IV Съезд Международной ученой воздухоплавательной комиссии, намеченный на август и устроенный при участии М.А.Рыкачева [3, PSS/FAC/1/35/3387]. В Россию Франсишку Афонсу Шавиш по неустановленной причине не поехал, но получил по почте циркуляр с резолюцией съезда [3, PSS/FAC/032/38/5057–5058]. Увы, в личном фонде португальского ученого в Региональном архиве Понта-Делгады сохранилось крайне мало свидетельств о контактах с Рыкачевым, и сведения эти отрывочны. Нужно также сожалеть, что временное закрытие в связи с переездом в новое здание Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, где хранится личный фонд М.А.Рыкачева, не дает в свою очередь возможности более глубоко изучить сведения о контактах с Шавишем. Однако нет сомнений, что связи с португальским исследователем были важны для М.А.Рыкачева, ибо позволяли получать метеорологические данные с Азорских островов. В сентябре 1910 г. на встрече членов Международного метеорологического комитета в Берлине Рыкачев доложил о налаживании регулярного и своевременного получения телеграмм из Испании и Португалии со столь необходимой для составления карт погоды информацией. Он высказал особую благодарность Ф.А.Шавишу и выразил надежду на получение и в дальнейшем наблюдений с трех станций на Азорских островах (Флориш, Орта и Понта-Делгада) [22, с.335–336].

24 апреля (7 мая) 1913 г. М.А.Рыкачев написал Ф.А.Шавишу: «После 46 лет службы в Николаевской главной физической обсерватории, в том числе 17 лет в качестве директора этого института, и теперь оставляя его, я хотел выразить Вам мою искреннюю благодарность за Ваши добрые отношения ко мне». Русский коллега просил его впредь пользоваться для корреспонденции не служебным, а домашним адресом и присылать публикации на его петербургский домашний адрес (Средний проспект Васильевского острова, д.34, кв.9) [3, PSS/FAC/1/22/75/4239]. Об этом же он известил других своих иностранных коллег [22, с.371].

Франсишку Афонсу Шавиш и российская сейсмология

Вскоре Франсишку Афонсу Шавиш получил письмо от другого русского ученого – академика, князя Бориса Борисовича Голицына (1862–1916), извещавшего, что с 5 (18) июля 1913 г. он назначен директором Никола-

евской главной физической обсерватории [3, PSS/FAC/1/22/76/4240]. Увы, как и в случае с М. А. Рыкачевым, это лишь отрывочное свидетельство контактов. И вновь фактор закрытия Санкт-Петербургского филиала Архива РАН не дает возможности провести углубленные изыскания. Вполне вероятно, что Шавиш мог быть знаком с Голицыным по международным конференциям сейсмологов, в которых принимал участие, тем более что в 1911 г. русский ученый был избран главой Международной сейсмологической ассоциации. Вероятно, знал он и о создании по инициативе Б. Б. Голицына Постоянной сейсмической комиссии в России в 1900 г. Работы князя-академика в области сейсмологии в ту пору действительно получили широкую международную известность. Сконструированный им в 1906 г. сейсмограф, преобразовывавший механические колебания в электрические, заслужил признание за рубежом. Приборы были установлены на разных европейских сейсмологических станциях [19, с.77]. Думается, что и Франсишку Афонсу Шавиш был знаком с этим изобретением. В 1911 г. он устроил магнитную и сейсмологическую станцию в Фаджа-де-Сима (Fajã de Cima) на острове Сан-Мигель (São Miguel), где был установлен первый постоянный сейсмограф на архипелаге [23, р.175]. Разумеется, было бы интересно узнать, не являлся ли данный сейсмограф «голицынским».

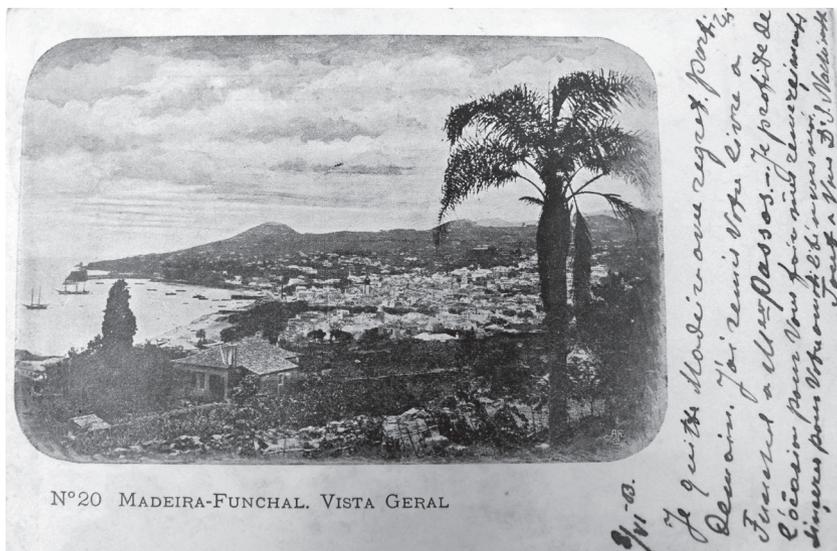

Академик Б. Б. Голицын [10, с.494]

**По следам
русского путешественника
на Азорских островах**

Примечательны материалы о контактах Франсишку Афонсу Шавиша с Сергеем Ниловичем Нахимовым (1852–1934?), выпускником Киевско-

го университета, врачом, несколько писем и открыток от которого сохранились в Региональном архиве Понта-Делгады. С.Н.Нахимов приходился родственником великому русскому адмиралу Павлу Степановичу Нахимову (1802–1855), сам же был известен как специалист по лечению алкоголизма и пропагандист трезвости [5, с.220]. В 1903 г. во время путешествия он посетил Азорские острова, где познакомился с Ф.А.Шавишем. Затем Нахимов отправился на Мадейру. Оттуда 8 июня он отправил письмо новому знакомому, поблагодарив за теплый прием в Понта-Делгаде, и попутно сожалел о скором отъезде [3, PSS/FAC/1–137/2/2388].

Открытка Ф.А.Шавишу, отправленная С.Н.Нахимовым с Мадейры 8 июня 1903 г.
[3, PSS/FAC/1–137/2/2388]

15 ноября 1903 г. Нахимов напишет Шавишу уже из Москвы. Это письмо станет ответом на послание португальского коллеги из Парижа, о чем понятно из контекста содержания. С.Н.Нахимов рассказал, что после визита на Мадейру отправился в Англию, а оттуда по морю на пароходе «Рига» вернулся в Россию. В середине июля 1903 г. он приехал

в свое имение в Подольской губернии на Украине и провел там месяц. Затем он поехал на Кавказ, где у него имелась дача близ Гагр. С.Н.Нахимов писал о необычайной живописности тех мест и послал Ф.А.Шавишу четыре видовые открытки. Далее он сообщал, что месяц назад вернулся в Москву, чтобы заняться работой и пациентами. «С каким огромным удовольствием я всякий раз вспоминаю мое путешествие на Азоры и особенно шанс встретиться с Вами. Очаровательные стереоскопические фотографии, которые Вы мне любезно подарили, восхитили моих друзей», – писал Нахимов [3, PSS/FAC/1–137/2/2389]. В том же письме он упоминал книгу своего друга, «доктора Совинского», о ракообразных. С.Н.Нахимов перевел для Шавиша резюме нескольких глав. Вероятнее всего, речь шла о Василии Карловиче Совинском (1853–1917), зоологе, исследователе ракообразных, приват-доценте, а впоследствии профессоре (1916) Киевского университета. Увы, установить, какую именно работу ученого имел в виду С.Н.Нахимов, не представляется возможным.

В личном фонде Шавиша в Региональном архиве Понта-Делгады имеются две поздравительные открытки от С.Н.Нахимова по случаю Нового года (1903–1904) [3, PSS/FAC/1–137/3/2390–2391]. Последние свидетельства их контактов относятся к 1909 г. 23 марта Нахимов обрисовал современные российские исследования в области бактериологии [3, PSS/FAC/1/20/23/4101], а 15 апреля написал об изучении в Одессе болезней, переносимых крысами [3, PSS/FAC/1/20/24].

Российская тема в контактах Франсишку Афонсу Шавиша с европейскими коллегами

Русская тема неоднократно фигурирует в переписке Франсишку Афонсу Шавиша с иностранными коллегами. Португальский исследователь в ходе своих изысканий в конце 1880-х гг. обнаружил на острове Санта-Мария (Santa Maria) маленького веслоного рачка *Diaptomus sergicornis*. Об этом открытии он известил своего друга французского натуралиста Теодора Барруа (Théodore Barrois; 1857–1920), который в 1887 г. полгода проводил исследования на Азорских островах. Тот в свою очередь рассказал о находке коллеге – зоологу, барону Жюлю де Герну (Jules de Guerne; 1855–1931), который сопоставил азорских рачков с подобными представителями фауны российской Лапландии, где он некогда проводил полевые работы. В результате де Герн пришел к выводу об их тождестве. Об этом открытии ученый сообщил в благодарственном письме Шавишу, подчеркнув необходимость и важность подобных сравнительных исследований на материалах разных регионов [45, p.150].

Жюль де Герн (фото из открытых источников)

Исследования в России действительно давали богатый материал для подобных сопоставлений. Помимо Жюля де Герна, интерес к этому направлению проявлял немецкий зоолог Генрих Симрот (Зимрот) (Heinrich Rudolf Simroth; 1851–1917), посетивший в 1886 г. Азорские острова с целью исследования местной малакологической фауны³. В Понта-Делгада он познакомился с Шавишем. Встреча положила начало регулярному обмену информацией [40, S.207; 42, p.20]. Так, 15 декабря 1902 г. Симрот интересовался, получил ли португальский коллега его новый труд [3, PSS/FAC/1–183/8/3490]. Это была книга о брюхоногих моллюсках Российской империи, в которой имелось немало отсылок к ранее проведенным исследованиям в Португалии, в том числе на Азорских островах [41, S.III, 8, 12, 17, 58–59, 168, 192, 206, 272–273]⁴. Глубокое увлечение сравнительными исследованиями в равной степени влекло Генриха Симрота

³ Малакология – раздел зоологии, изучающий моллюсков.

⁴ Г. Симрот вообще необычайно много сделал для того, чтобы представить материалы российских исследований европейской науке. Известны, в частности, его работы с уникальной коллекцией моллюсков, собранной академиком Сергеем Ивановичем Коржинским (1861–1900) [6, с.43, 45].

и на Азорские острова, и на Кавказ, флору и фауну которых он нередко сравнивал.

Если же вернуться к фигуре Жюль де Герна, то в фонде Ф.А. Шавиша сохранилось несколько писем от него, в которых рассказывалось о поездке французского ученого на Второй Международный зоологический конгресс, намеченный к проведению в Москве в августе 1892 г. Жюль де Герн 30 июня 1892 г. написал Шавишу из Шотландии, где проводил в тот момент полевые исследования, о готовящейся экспедиции на корабле «Принцесса Алиса» в северо-восточную Балтику. По ее завершению в Петербурге, он намеревался по железной дороге поехать в Москву на конгресс [3, PSS/FAC/1–84/47/1552]. Исследовательское судно «Принцесса Алиса» было построено в 1891 г. в Лондоне по заказу князя Альберта I и названо в честь его супруги. Оно специально предназначалось для океанографических экспедиций. Однако, как узнаем из последующего письма де Герна, эти планы претерпели изменения: «Принцесса Алиса» получила повреждения, и ученому пришлось добираться в Петербург прямым рейсом обычного парохода, а оттуда уже ехать на поезде [3, PSS/FAC/1–84/51/1556].

О своем пребывании в Москве Жюль де Герн написал Шавишу вскоре после возвращения, 14 сентября 1892 г., упомянув, что повидался с их общими коллегами, французскими учеными: орнитологом и карцинологом⁵ Альфонсом Мильн-Эдвардсом (Alphonse Milne-Edwards; 1835–1900), энтомологом Шарлем Эмилем Бланшаром (Charles Émile Blanchard; 1819–1900) и палеонтологом Шарлем Шлюмберже (Charles Schlumberger; 1825–1905) [3, PSS/FAC/1–84/49/1554]. Конгресс 1892 г. совпал с масштабной эпидемией холеры, которая едва не поставила вопрос о его полной отмене. Во всяком случае, ряд иностранных ученых предпочел воздержаться от поездки в Россию. Однако из письма де Герна к Шавишу узнаем следующее: «Холера, серьезность которой оказалась чрезвычайно преувеличена общественным мнением, никоим образом не мешала работе зоологов, и я очень рад тому, что побывал в России...» [3, PSS/FAC/1–84/51/1556].

О поездке в Россию извещал Франсишку Афонсу Шавиша в письме от 9 мая 1900 г. выдающийся шведский метеоролог, профессор Уппсальского университета Гуго Гильдебрандсон (Hugo Hildebrand Hildebrandsson; 1838–1925). Он оповестил о сделанной презентации своих исследований по атмосферному давлению на Первом заседании Метеорологического

⁵Карцинология – раздел зоологии, изучающий ракообразных.

съезда при Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге 24–31 января 1900 г. [3, PSS/FAC/1–93/1].

Панорама Понта-Делгады. 1920-е гг. [4, №438]

Образы России нередко возникали в письмах и других корреспондентов Шавиша. Так, 14 сентября 1896 г. Эухениу ду Канту (Eugénio do Canto; 1836–1915), известный азорский библиофил и ректор Лицея Понта-Делгады, сообщал ему из Парижа об увиденном на вокзале поезде российского императора, невероятно поразившим его своими контрастами: вес 400 тонн и длина 200 метров, очень богатый внутри, но отчего-то суровый внешне и бронированный, явно с оглядкой «на большую любовь подданных» [3, PSS/FAC/1–44/12/3490].

Хотя связи Франсишку Афонсу Шавиша с Россией были эпизодическими, заметно уступая по активности и масштабам контактам с учеными из иных европейских стран, они примечательны в свете истории российско-португальского научного диалога, о котором до сих пор известно немного. Тем не менее, даже приведенные примеры наглядно демонстрируют интерес к российской науке в Португалии в конце XIX – начале XX вв. Показательны научные контакты и своей «перекрестностью», поскольку вовлекали ученых разных стран,

объединенных общими научными сюжетами. Потому «российская тема» нередко возникала в переписке Шавиша с его французскими или немецкими коллегами. Тем более это было время, когда целый ряд естественнонаучных направлений, таких как сейсмология, метеорология, климатология, океанология, переживал бурный расцвет. Перекрестные контакты интересны в связи с историей международных интеллектуальных обменов рубежа XIX–XX вв., пришедшихся на непростой период нарастания международной напряженности и взаимного недоверия.

Франсишку Афонсу Шавиш.
Около 1920 г. (?). [4, №378]

Библиографический список:

1. Российский государственный исторический архив. Ф.733. Оп.121. Д.830.
2. Российский государственный исторический архив. Ф.1278. Оп.2. Д.1705.
3. Biblioteca Pública e Arquivo Regional de Ponta Delgada. Arquivo Francisco Afonso Chaves.
4. Instituto Cultural de Ponta Delgada. Coleção Fotográfica Digital.
5. Бородин Д.Н. Итоги работ Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. СПб.: Виленчик, 1910. 244 с.
6. Винарский М.В., Гребенников М.А. Улитки в гербарии: малакологическая коллекция академика С.И.Коржинского и ее судьба // Историко-биологические исследования. 2015. Т.7. №3. С.39–57.
7. Грибоедов С.Д. Предсказания г. Демчинского перед судом науки и фактов. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1901. 22 с.
8. Демчинский Н.А. Возможность точного предсказания погоды, на какое угодно время вперед. СПб.: Типография Д.В.Чичинадзе, 1900. 11 с.
9. Дневник русской комплексной академической экспедиции в Бразилию в 1824–1826 гг. под началом академика Г.И.Лангсдорфа / Отв. ред. С.Р.Микулинский. М.: Наука, 1995. 276 с.
10. История Академии наук СССР. Т.2: (1803–1917) / Под ред. К.В.Островитянова. М. – Л.: Наука, 1964. 772 с.
11. Ковалев М.В. Россия в архивах Азорских островов // Отечественные архивы. 2020. №5. С.63–75.
12. Комиссаров Б.Н. Архив экспедиции Г.И.Лангсдорфа в Бразилию (1821–1829) // От Аляски до Огненной земли: История и этнография стран Америки. М.: Наука, 1967. С.275–285.
13. Комиссаров Б.Н. Первая русская экспедиция в Бразилию. Л.: Наука, 1977. 135 с.
14. Липский В.И. Ботанические сады Мадрида, Лиссабона и Кью: Отчет о заграничной командировке 1905 г. В.И.Липского, главного ботаника Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада. СПб.: Типо-литография «Герольд», 1906. 267 с.
15. Малкиель-Жирмунский М.А. Эпоха португальского «Мануэлино» // Аполлон. 1917. №8–10. С.34–45.
16. Невеш М. Миссия в Москве: опыт первого португальского посольства в Стране Советов. М.: Прогресс, 1987. 176 с.
17. Политические проекты Н.А.Демчинского / Публ., вступ. ст. и примеч. В.М.Божковой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2005. Т. XIV. С.606. С.605–642.
18. Российский академик Г.И.Лангсдорф и его путешествия в Бразилию (1803–1829) / Под общ. ред. Е.Ю.Басаргиной. СПб.: Нестор-История, 2016. 126 с.

19. Сидорин А.Я. Сейсмографы Б.Б.Голицына для регистрации удаленных и местных землетрясений // Сейсмические приборы. 2012. Т.48. №2. С.67–82.
20. Смирнов В.Г. Академик М.А.Рыкачев и развитие геофизики в России. СПб.: Нестор-История, 2014. 603 с.
21. Смирнов В.Г. Академик М.А.Рыкачев и его деятельность в международных научных организациях на рубеже XIX–XX вв. // Русское научное наследие за Рубежами России / Отв. ред. С.И.Михальченко. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2013. С.152–163.
22. Смирнов С.Г. Международная деятельность академика М.А.Рыкачева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 495 с.
23. A universalidade de José Agostinho / Coord., pesquisa A. Santos, E. Rocha; trad. J.Félix. Angra do Heroísmo: Biblioteca Pública e Arquivo Regional Luís da Silva Ribeiro, 2019. 102 p.
24. Abramov A.V., Baranova G.I. The Langsdorff's Expedition to Brazil and its Mammal Collection // Russian Journal of Theriology. 2008. Т.7. №1. P.41–50.
25. Agostinho J. Biographical sketch of Colonel Francisco Afonso Chaves // Geophysical Research. 1927. Vol.32. №3–4. P.175.
26. Bandeira A.M.L. «Mano muito do meu coração...» Reconstituição do arquivo pessoal de D.Francisco de Lemos e transcrição das cartas de seu irmão João Pereira Ramos de Azeredo Coutinho (1775–1779) // Boletim do Arquivo da Universidade de Coimbra. 2017. Vol. XXX. P.35–160.
27. Barman R.J. The Forgotten Journey: Georg Heinrich Langsdorff and the Russian Imperial Scientific Expedition to Brazil, 1821–1829 // Terrae Incognitae: The Journal of the Society for the History of Discoveries. 1971. Vol.3. №1. P.67–96.
28. Becher H. Georg Heinrich Freiherr von Langsdorff in Brasilien. Forschungen eines deutschen Gelehrten im 19. Jahrhundert. Reimer, Berlin 1987. 146 S.
29. Beilstein F. Handbuch der Organischen Chemie. Hamburg – Leipzig: Verlag von Leopold Voss, 1881. 792 S.
30. Carvalho R. de. Relações entre Portugal e a Rússia no século XVIII. Lisboa: Sá da Costa Editora, 1979. 274 p.
31. Carvalho R. de. A física experimental em Portugal no século XVIII. Lisboa: Instituto de Cultura e Língua Portuguesa, 1982. 98 p.
32. Dulac G. Science et politique: les réseaux du Dr António Ribeiro Sanches // Cahiers du Monde Russe. 2002. Vol.43. №2–3. P.251–274.
33. Fiolhais C., Martins D. Breve História da Ciência em Portugal. Coimbra: Imprensa da Universidade de Coimbra, 2010. 128 p.
34. Miranda J.M. de S.A. As relações diplomáticas entre Portugal e a Rússia na época de Pedro, o Grande (1700–1725). Lisboa: Fundação Calouste Gulbenkian, Fundação para a Ciência e a Tecnologia, Ministério da Ciência e da Tecnologia, 2002. 466 p.

35. Nagovitsina Machado N.I. Literatura russa em Portugal: das vias de difusão aos sentidos de receção: o caso de Leão Tolstói. Tese de Doutoramento em Ciências da Literatura Especialidade em Literatura Comparada. [Braga]: Universidade do Minho, Instituto de Letras e Ciências Humanas, 2015. 351 p.
36. Reis V. dos. O corpo como hipótese: sucessão, sobreposição e transparência em Francisco Afonso Chaves (1857–1926) // *Fotogramas: Ensaios sobre a Fotografia* / Coord. M. Meireiros. Lisboa: Documenta, 2016. P.157–166.
37. Relações entre Portugal e a Rússia: séculos XVIII a XX. Lisboa: Instituto dos Arquivos Nacionais – Torre do Tombo, 1999. 188 p.
38. Sá V. de, Pereira G.M. Do Porto ao Báltico, 1780: achegas a história das relações entre Portugal e a Rússia // *História: revista da Faculdade de Letras da Universidade do Porto*. 1990. Vol.7. P.219–254.
39. Simões A., Carneiro A., Diogo M.O. Constructing Knowledge: Eighteenth-Century Portugal and the New Sciences // *Archimedes: New Studies in the History and Philosophy of Science and Technology*. Vol.2: The Sciences in the European Periphery during the Enlightenment / Ed. by K.Gavroglu. Dordrecht: Springer, 1999. P.1–40.
40. Simroth H. Die Nacktschnecken der portugiesisch-azorischen Fauna in ihrem Verhältnis zu denen der paläarktischen Region überhaupt // *Nova Acta Academiae Caesareae Leopoldino-Carolinae Germanicae Naturae Curiosorum*. 1891. Bd.56. H.2. S.201–424.
41. Simroth H. Die Nacktschnecken des Russischen Reiches. SPb: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1901. 321 S.
42. Tavares C. O coração naturalista do Museu Carlos Machado // *Museu Carlos Machado: História Natural*. Ponta Delgada: Direcção Regional da Cultura/Governo Regional dos Açores, 2016. P.11–33.
43. Tavares C. Albert I do Mónaco, Afonso Chaves e a meteorologia nos Açores: episódios oitocentistas da construção científica do mundo atlântico. Ponta Delgada – Lisboa: Sociedade Afonso Chaves; Centro Interuniversitário de História das Ciências e da Tecnologia, 2009. 433 p.
44. Tavares C. Na crista da onda. Afonso Chaves (1857–1926) e as ciências do mar nos Açores // *Boletim do Núcleo Cultural da Horta*. 2015. Vol.24. P.427–443.
45. Tavares M. da C. da S. Do Naturalismo às Ciências Modernas nos Açores. Ensaio Biográfico de Francisco Afonso Chaves (1857–1926). Doutoramento em História e Filosofia das Ciências. Lisboa: Universidade da Lisboa, 2017. 394 p.
46. Wolf E. Alguns episódios da vida literária em Portugal no séc. XIX (cartas dos escritores portugueses nos arquivos soviéticos) // *Revista de História*. 1988. Vol.8. P.313–329.
47. Wolf E. Um episódio das relações culturais russo-portuguesas // *Vértice*. 1978. Vol.38. №408–409. P.270–276.

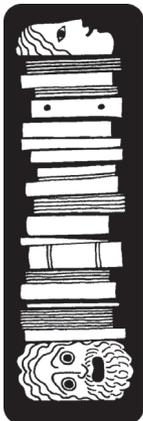
Государственные деятели отличаются от политиков тем, что первые думают о будущем страны, а вторые – о предстоящих выборах.

Уинстон Черчилль

Какая разница для мертвых,
сирот и бездомных, во имя
чего творятся произвол
и разрушения – во имя
тоталитаризма или во имя
священной демократии
и либерализма?

Махатма Ганди

Нина Хайлова

**«БУДЕМ НАДЕЯТЬСЯ,
ЧТО ... СОЛНЦЕ
ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА
ЗАГЛЯНЕТ И К НАМ»:**

**ЛИБЕРАЛЫ-ЦЕНТРИСТЫ
ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ
1917 г.***

АКТУАЛЬНЫМ АРХИВ

УДК

93/94

В статье рассматривается участие либералов-центристов в событиях Великой российской революции 1917 г. Отмечается, что многие из них оставили след в «летописи» 1917 г. как государственные и общественные деятели, публицисты. В центре внимания автора – Российская радикально-демократическая партия (РРДП), которая характеризуется как «конечный пункт» в развитии центристского течения в российском либерализме начала XX в. На основе публикаций газеты «Отечество» анализируются взгляды идеологов партии на причины и сущность глобальных революционных трансформаций 1917 г., приводятся их оценки деятельности Временного правительства и основных политических сил, прогноз о будущем России. В статье подводится итог развития либерального центризма, подчеркивается актуальность его исторического опыта.

The article deals with the participation of centrist liberals in the events of the Great Russian Revolution of 1917. It is noted that many of them left their mark in the «chronicle» of 1917 as state and public figures, publicists. The author focuses on the Russian Radical Democratic Party (RRDP), which is characterized as the «final point» in the development of the centrist trend in Russian liberalism of the early twentieth century. On the basis of publications of the newspaper «Otechestvo» examines the views of party ideologues on the causes and nature of the global revolutionary transformations of 1917, are given their evaluation of the activities of the Provisional government and the main political forces, the forecast for the future of Russia. The article summarizes the development of liberal centrism and emphasizes the relevance of its historical experience.

Ключевые слова: Великая российская революция 1917 г.; реформатирование партийного пространства; прогрессисты; Российская радикально-демократическая партия.

Key words: The Great Russian Revolution of 1917; reformatting of the party space; progressives; Russian Radical Democratic Party.

E-mail: nkhallova@yandex.ru

* Окончание. См.: 2019. №6; 2020. №№1; 2; 3; 4; 5.

Несмотря на тревожные предчувствия, революция, разразившаяся в Петрограде в конце февраля 1917 г., стала неожиданностью для всех. «Режим, под гнетом которого жила Россия со времени освободительного движения, был режимом лжи... Гнойный нарыв лжи назревал долго и назрел. Терпение у всех истощилось... Нарыв лопнул. Царя Николая нет – Россия осталась» [23], – выражал В. Д. Кузьмин-Караваев господствовавшее настроение в связи с «чудом» русской революции. Прогрессисты и их думские соратники предпринимали усилия, чтобы взять ситуацию под контроль. Члены фракции прогрессистов участвовали во всех знаковых событиях того времени.

Временный исполнительный комитет Государственной думы.
№6 – Коновалов А.И., №11 – Ржевский В.А.

Мобилизованные из их числа комиссары Временного комитета Государственной думы и Временного правительства, выполняли возложенные на них обязанности в различных местностях России, а также на театре военных действий. Из 33 прогрессистов, состоявших в одноименной думской фракции к февралю 1917 г., активную позицию в революции занимали, по крайней мере, 26 человек. В первый состав Временного правительства (март 1917 г.) вошел А.И.Коновалов. Возглавил правительство, оставаясь на этом посту до начала июля 1917 г., кн. Г.Е.Львов, один из организаторов Партии прогрессистов.

Характеризуя либералов-центристов в 1917 г., следует иметь в виду, что для их идентификации в тот период недостаточно лишь одного, формального, «маркера» – принадлежности к упомянутой фракции. «Размытость» границ справа и слева, изначально отличавшая деятелей «срединного» течения в русском либерализме, стала еще более очевидной в условиях интенсивной перегруппировки партийных сил после февральско-мартовского «обрушения» прежних правил «политической игры»¹. Некоторое время после Февральской революции единственной несоциалистической партией оставалась Конституционно-демократическая партия. Нахлынувшие в нее справа элементы грозили превратить

¹ В марте–октябре 1917 г. в России действовало «не менее 100 различных партий, общественных организаций, движений». Все они пытались «оперативно реагировать на вызовы постреволюционной эпохи» [56, с.505].

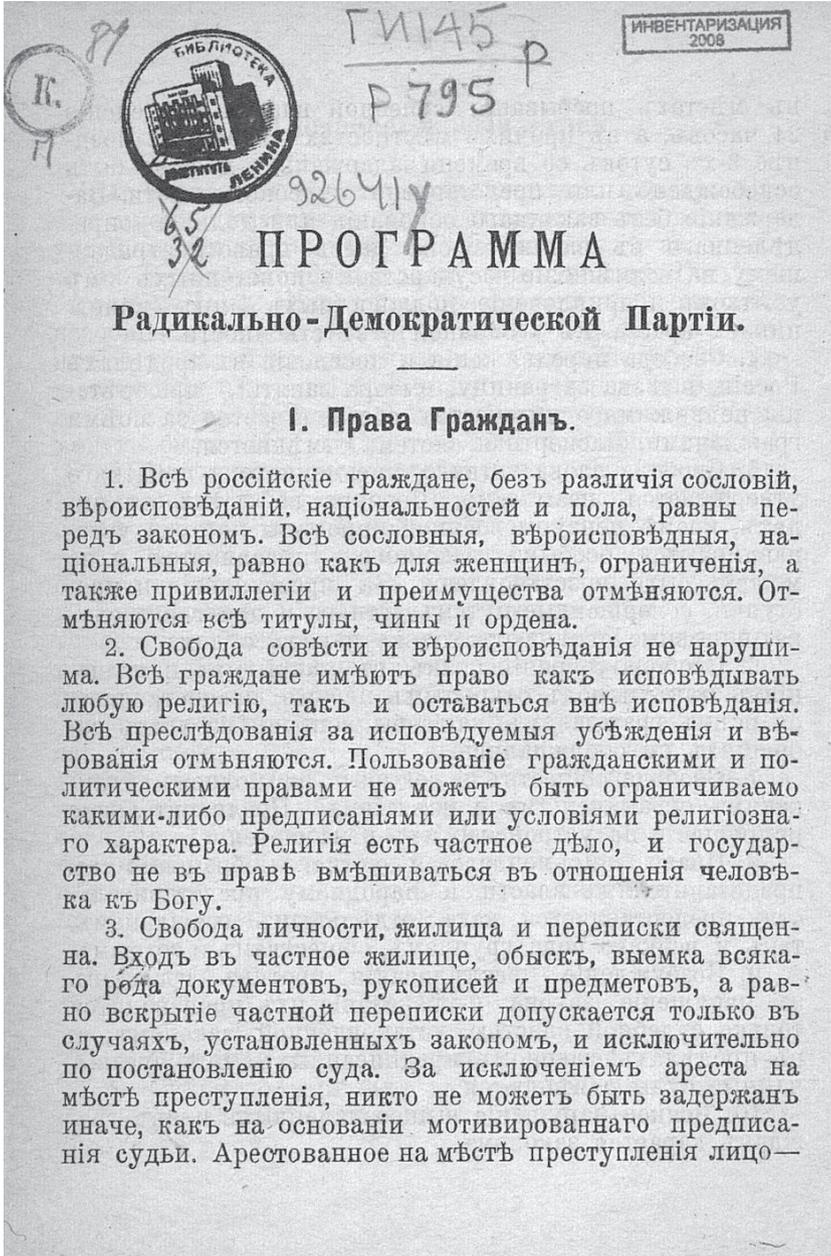
ее в крайнюю правую², если бы не инициатива бывших членов «Союза 17 октября» В.П.Глебова, И.И.Дмитрюкова и Э.А.Эрштрема. Благодаря их усилиям в апреле 1917 г. заявила о себе Республиканско-демократическая партия как зачаток возрождения октябристской партии.

Между кадетами и социалистами Столь же объективно необходимым, как возникновение справа от кадетов этой новой политической организации, было и появление в марте

1917 г. несоциалистической партии левее конституционалистов-демократов. В этой роли как раз и выступила Российская радикально-демократическая партия (РРДП), учредительное собрание которой состоялось в Петрограде 11 марта 1917 г. Думская фракция прогрессистов почти в полном составе влилась в ее ряды, таким образом сохранив определенное единство в ситуации фактически «исчезнувшей» Государственной думы. Возглавили РРДП бывший лидер думских прогрессистов И.Н.Ефремов и Д.П.Рузский (1869–1937), профессор столичных институтов (Политехнического и Путей сообщения), старший инженер городской канализационной комиссии, «один из лучших в Европе знатоков канализационно-водопроводного дела» [17]. Наряду с прогрессистами ядро партии составили участники Петроградского кружка радикалов, возникшего в 1915 г. Среди них – известные ученые, публицисты, общественные деятели (М.В.Бернацкий, Б.Д.Бруцкус, Н.И.Коробка, К.А.Мацевич, С.В.Познер, М.А.Славинский и др.).

Образование РРДП стало закономерным итогом многолетних обоюдных усилий по наведению «мостов доверия» между прогрессистами и умеренными социалистами разных «оттенков» из числа партийной и беспартийной интеллигенции. Иницилируя сближение со здравомыслящими деятелями из левого лагеря еще в период революции 1905–1907 гг., прогрессисты и впоследствии приветствовали встречные шаги своих потенциальных союзников. Стремясь к «мирному обновлению» России, либералы-центристы и деятели из названных кругов сотрудничали в периодических изданиях, общественных организациях, совместно участвовали в разнообразных просветительских проектах. Особенно активно это содружество развивалось накануне и в годы Первой мировой войны. Так, А.И.Коновалов поддерживал объединительные инициативы М.Горького. По собственному признанию писателя, он еще в 1910 г. начал думать о создании новой партии, которая «должна всосать в себя всю – по возможности – массу людей,

² *Правдоподобным тогда казался распространившийся слух о намерении В.М.Пуришкевича вступить в кадетскую партию* [21].

ПРОГРАММА

Радикально-Демократической Партии.

I. Права Гражданъ.

1. Всѣ россійскіе граждане, безъ различія сословій, вѣроисповѣданій, національностей и пола, равны передъ закономъ. Всѣ сословныя, вѣроисповѣдныя, національныя, равно какъ для женщинъ, ограниченія, а также привилегіи и преимущества отмѣняются. Отмѣняются всѣ титулы, чины и ордена.

2. Свобода совѣсти и вѣроисповѣданія не нарушена. Всѣ граждане имѣютъ право какъ исповѣдывать любую религію, такъ и оставаться внѣ исповѣданія. Всѣ преслѣдованія за исповѣдуемыя убѣжденія и вѣрованія отмѣняются. Пользованіе гражданскими и политическими правами не можетъ быть ограничиваемо какими-либо предписаніями или условіями религіознаго характера. Религія есть частное дѣло, и государство не въ правѣ вмѣшиваться въ отношенія человека къ Богу.

3. Свобода личности, жилища и переписки священна. Входъ въ частное жилище, обыскъ, выемка всякаго рода документовъ, рукописей и предметовъ, а равно вскрытіе частной переписки допускается только въ случаяхъ, установленныхъ закономъ, и исключительно по постановленію суда. За исключеніемъ ареста на мѣстѣ преступленія, никто не можетъ быть задержанъ иначе, какъ на основаніи мотивированнаго предписанія судьи. Арестованное на мѣстѣ преступленія лицо—

которая осталась неорганизованной между кадетами справа и социалистами слева». А.И.Коновалов входил в число тех, кто финансировал газету «Луч» (1912–1914), помог М.Горькому организовать издательство «Парус», выпускавшее журнал «Летопись» (1915–1917). Усилия М.Горького находили отклик среди меньшевиков, а также беспартийной интеллигенции, в том числе участников упомянутого кружка столичной интеллигенции [29; 13].

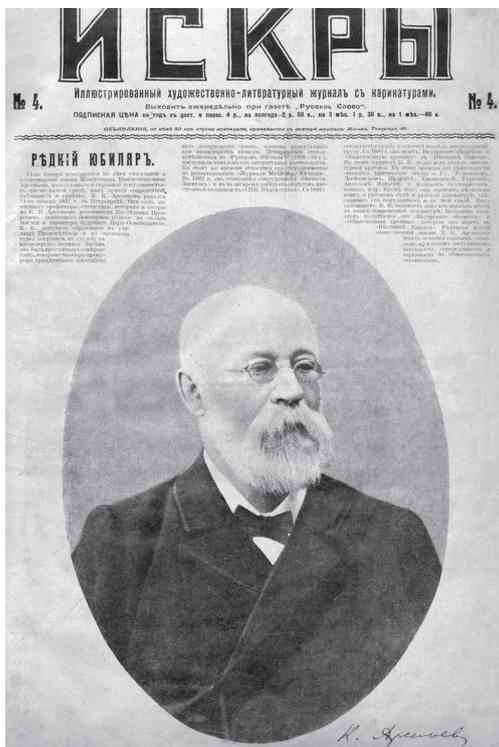
Патриархи либерального центризма в 1917 г.

Формально не связанной с РРДП, однако близкой радикал-демократам по взглядам, была целая плеяда достаточно «разношерстных» дея-

телей. Среди них – как сохранявшие членство в своих партиях кадеты и «умеренные социалисты», так и «беспартийные прогрессисты». Они предпочитали не присоединять к своему имени какой бы то ни было «ярлык», как и прежде, не придавая особого значения наличию формального партийного статуса. Показателен в этом смысле пример патриархов либерального центризма – лидеров Партии демократических реформ (ПДР), Партии мирного обновления (ПМО), членов ЦК Партии прогрессистов в 1912–1913 гг. Многие из них оставили след в «летописи» 1917 г. как государственные и общественные деятели, публицисты.

Революция придала дополнительный импульс многообразной гражданской активности 80-летнего К. К. Арсеньева. Он по-прежнему характеризовался как «лучший современный публицист и критик», «горячий, опытный и сильный заступник законности, справедливости и терпимости в общественных отношениях» [16, с.1]. Опыт К.К.Арсеньева был востребован в Сенате (назначен на пост сенатора 1-го Департамента), а также в комиссии для восстановления основных положений Судебных уставов и согласования их с происшедшей переменой в государственном устройстве³. В состав этой комиссии, образованной во главе с министром юстиции, вошел и 89-летний председатель Совета присяжных поверенных Петроградского судебного округа Д.В.Стасов. Традицию «заступничества» за гонимых и преследуемых, характерную для деятелей либерального центризма, продолжал В. Д. Кузьмин-Караваев,

³Примечательно, что К.К.Арсеньев продолжал участвовать не только в «большой» политике, но, как и раньше, откликался на просьбы обращающихся к нему за советом и помощью (писал тексты для организаторов митингов «с разъяснением главных очередных вопросов», «ходил за карточками по продовольствию (как уполномоченный в этом отношении по дому)» и т. д.). В марте 1919 г., всего за две недели до ухода из жизни, К.К.Арсеньев записал в дневнике, что принял предложение крестьян деревни Нежадово (Лужский у. Петербургской губ.) возглавить в качестве председателя местный сельский совет [2, л.105об.,108, 162].

Юбилей К.К.Арсеньева

призывая новые власти к правовым методам борьбы с политическим инакомыслием и милосердию к тем, кто попал «под колесо» истории. С июня 1917 г. он занимал пост председателя Комиссии (при Министерстве юстиции) о помиловании и смягчении участи лиц, осужденных военными и военно-морскими судами⁴. Однако еще с самого начала революционных событий 1917 г. известный юрист и общественный деятель пытался противодействовать процессу разрастания анархии в стране, ходатайствуя за потерпевших⁵.

⁴ В.Д.Кузьмин-Караваев был также назначен сенатором 1-го департамента Правительствующего Сената (с 1 мая 1917 г.).

⁵ В конце мая 1917 г. В.Д.Кузьмин-Караваев обратился в газете «Утро России» с «открытым письмом к министрам-социалистам и членам исполнительного комитета С.Р. и С. депутатов», выступив в защиту кронштадтских офицеров, арестованных в первые дни революции, в период стихийных самосудов и расправ «низших чинов» над неугодными командирами [32].

В структурах Временного правительства и Сенате работали и другие бывшие «демреформаторы». Среди них – А.С.Посников⁶, кн. С.Д.Урусов⁷, К.П.Боклевский⁸, Г.Д.Скарятин⁹, И.М.Тютрюмов¹⁰, В.Г.Яроцкий. К деятельности высших эшелонов власти были причастны и организаторы Партии прогрессистов (1912). Наряду с Г.Е.Львовым, А.И.Коноваловым, это – С.Н.Третьяков, М.А.Стахович, С.И.Четвериков¹¹.

Боклевский К.П.

⁶ А.С.Посников – управляющий Дворянским и Крестьянским банками (28 марта – 26 мая); с 23 апреля – председатель Главного земельного комитета, образованного при Временном правительстве с целью подготовки проекта аграрной реформы к Учредительному собранию.

⁷ Кн. С.Д.Урусов – с 9 марта по 2 августа исполнял обязанности тов. министра внутренних дел (сверх штата, без содержания), автор «Временного положения о милиции» (апрель). В конце июня 1917 г. вышел в отставку.

⁸ К.П.Боклевский с марта по сентябрь занимал должность вице-председателя Совета Управления делами заводов Морского ведомства – главного инженера-инспектора заводов.

⁹ Г.Д.Скарятин упоминался в прессе весной 1907 г. в связи с тем, что он как член ПДР первым из оппозиционных деятелей был уволен (5 апреля 1907 г.) с должности служащего Виленской судебной палаты в соответствии с циркуляром от 9 октября 1906 г. о запрещении судьям состоять в политических партиях. После Февраля 1917 г. Г.Д.Скарятин входил в состав Временного правительства: с 8 марта по 22 ноября 1917 г. – тов. министра юстиции, с 26 мая – зам. председателя Комиссии для восстановления основных положений Судебных уставов и согласования их с происшедшей переменой в государственном устройстве, председатель подкомиссии по судоустройству.

¹⁰ И.М.Тютрюмов с 1905 г. являлся обер-прокурором 2-го (крестьянского) департамента Правительствующего Сената. Этот пост он сохранил и в 1917 г. Тогда же в работе этого Департамента участвовали А.С.Посников, В.Г.Яроцкий.

¹¹ С.Н.Третьяков – председатель Экономического совета при Временном правительстве (с 24 сентября по 13 октября) и Главного экономического комитета (исполнительного органа при Совете) (с 13 по 25 октября); с сентября – член Временного правительства. М.А.Стахович исполнял обязанности генерал-губернатора Финляндии (с марта

Третьяков С.Н.

Ответственные должности занимали члены бывшей думской фракции прогрессистов М.И.Гродзицкий, Я.Ю.Гольдман¹², Н.В.Каптерев¹³ и др.

РРДП – общероссийская политическая партия

Что касается РРДП, то она оказалась представлена во Временном правительстве и его структурах такими деятелями, как И.Н.Ефремов, К.Г.Голубков, А.А.Барышников¹⁴, А.И.Коновалов¹⁵, Н.В.Некрасов¹⁶, М.В.Бернацкий¹⁷, М.А.Славинский¹⁸ и др. Это случилось после правительственного кризиса в июле 1917 г. Радикал-демократы сыграли активную роль в его разрешении, настояв на сохранении правительственной коалиции.

Дебют РРДП в роли общероссийской политической партии символизировал консолидацию «защитников приобретений революции» в лице «трудовой демократии» («многомиллионное крестьянство, ремесленники, мелкие и средние торговцы, служащие различных учреждений и трудовая интеллигенция», фабрично-заводской пролетариат), а также «умерен-

по сентябрь), затем назначен послом в Испанию. С.И. Четвериков в апреле стал одним из учредителей при Временном комитете Государственной думы «Московской просветительской комиссии» (занималась изданием и распространением политической литературы, устройством лекций и т. п.). Он выступил также инициатором организации климатического лечения освобожденных политических заключенных (пожертвовал в их пользу 50.000 руб.). Автор записки (22 августа), адресованной Временному правительству, в которой указывалось на необходимость борьбы с анархией.

¹² М.И.Гродзицкий и Я.Ю.Гольдман с 25 мая входили в состав Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание.

¹³ Н.В.Каптерев с апреля состоял членом комиссии, созданной при Министерстве внутренних дел для пересмотра действующих законоположений по делам римско-католической церкви в России.

¹⁴ И.Н.Ефремов – министр юстиции (10–24 июля; с марта – член Комиссии для восстановления основных положений Судебных уставов и согласования их с происшедшей переменой в государственном устройстве), министр государственного призрения (25 июля – 26 августа; тов. министра – К.Г.Голубков, управляющий делами этого министерства – А.А.Барышников).

¹⁵ А.И.Коновалов оставался в рядах РРДП до июля 1917 г., после – в Конституционно-демократической партии, член ее ЦК. Во Временном правительстве дважды занимал пост министра торговли и промышленности (2 марта – 27 мая, 25 сентября – 25 октября).

¹⁶ Н.В.Некрасов вышел из Конституционно-демократической партии 3 июля 1917 г., примкнув к РРДП. Министр финансов (с 25 июля по 31 августа).

¹⁷ М.В.Бернацкий – министр финансов со 2 сентября по 25 октября (с 26 июля – тов. министра финансов, с исполнением обязанностей министра финансов), с 9 марта по май – управляющий Отдела труда при Министерстве торговли и промышленности.

¹⁸ М.А.Славинский 10 июля возглавил Особое совещание по разработке областной реформы, образованное при Временном правительстве.

но настроенных» кругов казачества¹⁹ и офицерства [33], демократических национальных организаций²⁰. Выделяя среди своих союзников мелкобуржуазные слои («низы буржуазии, непосредственно соприкасающиеся с пролетариатом»), РРДП не спешила выносить «за рамки» демократии крупную буржуазию. Идеологи партии были убеждены: «Классовому раздражению и классовой политике, – слева и справа, – теперь не может быть места. Только совместные усилия всех классов в состоянии спасти Россию» [35]. Радикал-демократы отмечали предпосылки «движения» в этом направлении²¹.

Барышников А.А.

Лидеры РРДП, отвечая на «нападки» кадетского руководства в свой адрес²², разъясняли, что возникновение их партии – не результат «индивидуализма, прихоти группки лиц, не нашедших себе места в кадетской партии», а стремление заполнить очевидный «пробел» в российской многопартийности – отсутствие «сильной демократической партии левее кадет», которая, не будучи враждебной социализму и последовательно поддерживая необходимые на пути к нему реформы, твердо стояла бы на реальной почве²³. Подтверждением «жизненности» своей стратегии лиде-

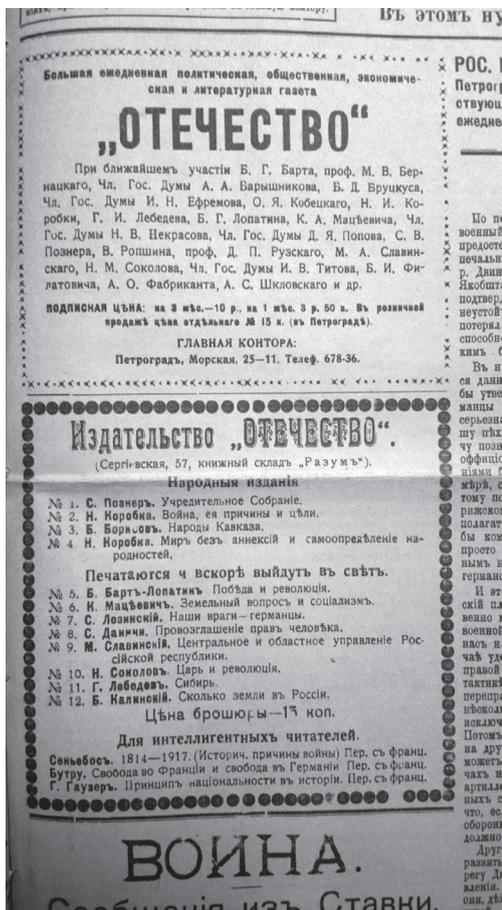
¹⁹ Находясь в 1917 г. в стадии становления и не имея возможности опереться на «радикальную демократию» в стране (которая также только приступила тогда к организационному оформлению), РРДП стремилась установить контакты с близкими ей объединениями, в частности, наиболее значимыми казачьими организациями (Совет Союза всех казачьих войск и др.). Важную роль в этом играл «коренной донской казак» И.Н.Ефремов.

²⁰ РРДП поддерживала тесные контакты с Комитетами национально-демократических организаций – Украинской и Латышской. На выборах в Петроградскую городскую думу они выставили единый список кандидатов.

²¹ Партийные идеологи обратили внимание на зарождение зачатков «промышленной демократии», т. е. «профессионально-организовавшихся промышленного и рабочего классов, нашедших общий язык и согласовавшихся на деловой почве» [37].

²² Демонстрируя претензии кадетов на монополию в качестве «основной и главной несоциалистической партии», А.И.Шингарев, в частности, не скрывал раздражения по поводу появления «всяких партийных межумков, приклеивающих к слову "демократическая" партия всякие ничего не объясняющие приставки» [21].

²³ По мнению идеологов РРДП, ссылки кадетского руководства на «левизну» программы Конституционно-демократической партии не позволяли соратникам П.Н.Милюкова претендовать на место «самой левой из несоциалистических партий». Радикал-демократы подчеркивали, что есть еще два признака, определяющих «физиономию партии»: тактика и состав. В связи с этим они констатировали, что и то, и другое у Партии народной свободы вовсе не соответствовало ее программе, поскольку партия сложилась «из гораздо более умеренных элементов, чем это подсказывалось ее программой»: «Состав партии определил ее тактику и традиции так, что они не могли удовлетворять демократической интеллигенции. ... Эта часть интеллигенции не могла идти с партией

ры РРДП считали образование на российских просторах значительного числа («независимо одна от другой») радикально-демократических групп.

РРДП вошла в «пятерку» наиболее заметных политических сил (наряду с эсерами, социал-демократами, народными социалистами и кадетами). В короткий срок она развила интенсивную деятельность: создала собственную типографско-издательскую базу²⁴, организовала выпуск партийной прессы²⁵. Отделения партии возникли в ряде городов, в том числе Москве, Киеве, Одессе, Кунгуре, Перми, Ярославле, Могилеве, Минске, Ташкенте, Ялте, Архангельске, Рогачеве, Лубнах (в последних пяти

народной свободы и либо примыкала к социалистическим партиям, либо оставалась распыленной. Для ее естественной

группировки нужно было создание партии левее кадет, какой и является Радикально-демократическая партия» [21].

²⁴ Лидер РРДП Д.П.Рузский являлся владельцем типографии (Петроград, Вознесенский пр-т, 53), которая перешла в собственность акционерного общества «Свободная страна», учрежденного 19 июля (члены правления – И.В.Титов (председатель), Д.П.Рузский, М.А.Славинский, Н.И.Коробка). На базе издательства «Отечество» (Петроград, Сергиевская, 57) РРДП организовала выпуск общественно-политических брошюр («народные издания», «для интеллигентных читателей»). Партия располагала также книжным складом «Разум».

²⁵ Центральный орган РРДП – ежедневная газета «Отечество» (Петроград, июль – октябрь 1917 г., редактор-издатель – И.В.Титов (с №21 – издатель: АО «Свободная страна», в лице И.В.Титова; с №29 – редактор Н.М.Соколов). Местные органы РРДП издавали газеты: «Свободное слово» (Москва), «Ярославская мысль», «Южная мысль» (Одесса), «Туркестанский курьер» (Ташкент).

№ 91. Воскресенье 20-го Августа (2 Сент.) 1917 г. Цена 15 к. на ст. жел. дор. 15 коп.

ПРАВДА

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:
Подписка одна на 3 месяца — 7 р., на 6 мес. — 12 р., 9 мес. — 16 р., 1 год — 20 р. В год по 50 коп. в день. Доставка в другие города производится отдельно. Подписка на доставку в другие города производится отдельно. Доставка в другие города производится отдельно. Доставка в другие города производится отдельно.

Адрес Редакции и Главной Конторы
Москва, Д. М. Мясницкая, 15
Для выписки: Петербург — «Печать»
Редакция открыта для подписчиков с понедельника с 8 до 10 часов вечера.

Гривна, украинская валюта для денежных, по желанию может быть выдана в виде наличных.
Главная Контора открыта с 10 ч. утра до 4 ч. вечера. По почте, в другие города, по желанию.

ЦЕНА ОБЪЯВЛЕНИЙ:
Впервые вывеска 1 р. 50 к., вторая вывеска 1 р. 10 коп. за вторую вывеску. Обыкновенный объявление по 10 коп. за каждую вывеску на одну вывеску.

Въ этомъ номерѣ восемь страницъ.

Граждане, голосуйте за список 7 Российской Радикально-Демократической партии №

Въ Петербургѣ еще остаются
улицы, въ которыхъ на выборахъ
выбираются члены общественной
камеры. Это значитъ, что въ
этихъ местахъ еще не закончена
реформа. Мы должны бороться
за то, чтобы эта реформа была
полностью осуществлена.

Кандидаты въ гласные ЦЕНТРАЛЬНОЙ ДУМЫ Российской Радикально-Демократической Партии.

- Березинъ, Иванъ Николаевичъ, Таврическая ул., 5.
- Вильямсъ, Александръ Ивановичъ, Николаевская ул., 31.
- Голубевъ, Константинъ Григорьевичъ, Троицкая ул., 2.
- Григорьевъ, Александръ Ивановичъ, Мясницкая ул., 15.
- Славинскій, Максимъ Антоновичъ, Суворовскій пр., 25.
- Вартъ, Арпадъ Адольфовичъ, Загородный пр., 64.
- Новиковъ, Петръ Григорьевичъ, Фонтанка 16.
- Генсбургъ, Александръ Германовичъ, Саперный пер., 12.
- Нордъ, Николай Ивановичъ, Английскій пр., 5.
- Вартъ, Юзефъ Германовичъ, Кировскія ул., 3.
- Сорбенинъ, Александръ Ивановичъ, Александровскій, Павловскія ул., 28.
- Фуртъ, Юзефъ Борисовичъ, Звенижская ул., 12.
- Валетъ, Иванъ Петровичъ, Загородный пр., 64.
- Тарновскій, Александръ Ксенофоновичъ, Садовая ул., 129.
- Мельниковъ, Александръ Павловичъ, Троицкая ул., 16.
- Паровикъ, Николай Дмитриевичъ, Колодезная ул., 2.
- Мельникъ, Константинъ Ардалиевичъ, Коммунальскія ул., 23.
- Панаревъ, Савелий Владимировичъ, Фурштатская ул., 6.
- Пурдышевскій, Викторъ Павловичъ, В. О., 2 линия 13.
- Александровъ, Александръ Викторовичъ, Манная ул., 11.
- Финбергъ, Константинъ Осиповичъ, Таврическая ул., 9.
- Славинскій, Константинъ Ивановичъ, Фонтанка 16.
- Варнавъ, Карлъ Александровичъ, П. Ст., Большой пр., 71.
- Лавровъ, Александръ Яковлевичъ, В. О., 3 линия 39.
- Славинскій, Яковъ Александровичъ, Невская ул., 10 и.
- Павловскій, Николай Александровичъ, Таврической пер., 27.
- Никитинъ, Антонъ Ивановичъ, 5 Ровновская ул., 16.
- Фидлеръ, Федоръ Фридриховичъ, Коммунальскія ул., 43.
- Николаевскій, Константинъ Франковичъ, М. Охты, 1 пак. нѣк. пом. 1.
- Брандтаверъ, Артуръ Степановичъ, В. Дорожняя ул., 10.
- Савиловъ, Николай Николаевичъ, Коммунальскія ул., 17.
- Андреевъ, Давидъ Яковлевичъ, Литейскій, 35.
- Фидлеръ, Борисъ Яковлевичъ, Ровновская ул., 24.
- Лавровъ, Григорій Михайловичъ, Загородная ул., 13.
- Лавинскій, Александръ Григорьевичъ, В. О., 2 линия 44.
- Валандеръ, Яковъ Александровичъ, ул. Жуковского, 9.
- Штаверъ, Карлъ Фридриховичъ, П. Ст., 7.
- Леккеръ, Петръ Ивановичъ, П. Пушкинская ул., 7.
- Фидлеръ, Александръ Григорьевичъ, В. О., 12 линия 31-4.
- Разгоровскій, Станиславъ Николаевичъ, Звенижская ул., 13.
- Андреевъ, Николай Григорьевичъ, Литейскія ул., 41.
- Игнатовъ, Владимъ Андреевичъ, Звенижская ул., 15.
- Генсбургъ, Григорій Александровичъ, Горюховскія ул., 11.

въ фаворитъ которыхъ партии
выступаютъ.
Списокъ кандидатовъ объявленъ
для того, чтобы избиратели могли
выбрать того кандидата, который
имъ ближе всего подходитъ по
идеямъ и взглядамъ. Мы должны
выбрать того кандидата, который
лучше всего представляетъ интересы
нашего народа.

Списокъ кандидатовъ объявленъ
для того, чтобы избиратели могли
выбрать того кандидата, который
лучше всего представляетъ интересы
нашего народа.

Объясните гражданамъ, почему
мы должны выбрать кандидата
списка 7. Объясните имъ, что
этотъ кандидатъ лучше всего
представляетъ интересы нашего
народа.

Мы должны выбрать кандидата
списка 7, потому что онъ лучше
всехъ другихъ кандидатовъ
представляетъ интересы нашего
народа.

Объясните гражданамъ, почему
мы должны выбрать кандидата
списка 7. Объясните имъ, что
этотъ кандидатъ лучше всего
представляетъ интересы нашего
народа.

Мы должны выбрать кандидата
списка 7, потому что онъ лучше
всехъ другихъ кандидатовъ
представляетъ интересы нашего
народа.

Мы должны выбрать кандидата
списка 7, потому что онъ лучше
всехъ другихъ кандидатовъ
представляетъ интересы нашего
народа.

Мы должны выбрать кандидата
списка 7, потому что онъ лучше
всехъ другихъ кандидатовъ
представляетъ интересы нашего
народа.

ГРАЖДАНЕ, ГОЛОСУЙТЕ ЗА СПИСОК 7 Российской Радикально-Демократической Партии №

радикал-демократы были представлены в органах местного самоуправления). РРДП организовала широкую агитационную кампанию, участвуя в столичных выборах [1]: в конце мая – начале июня – в районные думы (прошли 4 радикал-демократа), в августе – в Петроградскую городскую думу (кандидаты партии потерпели поражение).

РРДП фактически заняла «срединную» позицию между кадетами и социалистами²⁶. Это обстоятельство не препятствует трактовке РРДП как своего рода «конечного пункта» в развитии центристского течения в русском либерализме. Преемственность РРДП с либералами-центристами (прогрессистами) предшествующего периода прослеживается не только на уровне личного состава, но и в подходах к партийному строительству²⁷, а также программно-тактических взглядах. Более «революционное» (в соответствии с «духом времени») самоназвание («радикал-демократы»), по сути, ничего не меняет, поскольку, согласно представлениям начала XX в., радикализм не противоречил либерализму. К тому же, для либералов-центристов (как и, вообще, для многих русских либералов) не существовало непроходимой грани между либерализмом, социализмом, демократией. Взгляды прогрессистов, а также их соратников по РРДП отличались прагматизмом, были ориентированы на ценности «здорового смысла» (гуманизм, разум, солидарность). Такая позиция обеспечивала им, как правило, адекватное восприятие действительности²⁸.

В русле либерального центризма

Радикал-демократов объединяло с патриархами либерального центризма также сочетание усиленного стремления к политической свободе, обеспечению правового порядка с не менее глубокой и настойчивой проповедью коренных социальных реформ «в интересах широких слоев го-

²⁶ Деятели РРДП признавали, что близкие к ним позиции («сочетание радикализма с демократизмом») занимали тогда только две политические организации. Это – социал-демократическая группа «Единство» во главе с Г.В.Плехановым, а также Трудовая народно-социалистическая партия (председатель – В.А.Мякотин) В то же время радикал-демократы обращали внимание на груз «наследий», скопивших их политических «соседей». По их мнению, группа «Единство» сохранила приверженность «марксистской догме», оставаясь «классовой партией пролетариата», а энесов заставляли оглядываться на эсеров «народнические традиции» [17].

²⁷ В начале октября Московский городской комитет РРДП, вступивший «в организационную связь с ближайшими городами центра России», был переименован в областной [15].

²⁸ Это, в частности, отразилось в 1917 г. на их оценке «укорененности» идей социализма в России: «Социализм подменяется в сознании масс чем-то иным, бесконечно от него далеким» [44]. На страницах «Отечества» отмечалась опасная тенденция подмены заботы о развитии «самодеятельности и творчества» подрастающего поколения устройством «шумных, бутафорских детских праздников»: «Эти скопища детей с флагами, со знаменами, маршировкой и музыкой давно осуждены лучшими педагогами. Вся эта пестрая шумиха притупляет впечатлительность детей и будит в них стадные проявления. Шумят наши детские площадки, маршируют крошки-дети с красными знаменами и с флагами по пыльным улицам Петрограда; маршируют на радость обывателям, во славу руководителей, но, увы, по-прежнему, во вред детям» [34].

«Чем Русь сильна?».
Плакат Временного правительства.

родской и сельской демократии». Защита интересов личности была для них неотделима от заботы об «общем благе», а особый акцент на развитии местного самоуправления²⁹, отстаивание права народов на самоопределение – от идеи укрепления государственности.

В послефевральской России, как и прежде, либералы-центристы и их соратники полагали основным свойством подлинно демократической политики «прямоту и честность в приемах борьбы и уважение закона». «Демократизм есть не только политическая и экономическая, но и этическая проблема» [43], – заявляла редакция «Отечества». Отказ от демагогических приемов провозглашался «первым основным условием оздоровления российской демократии» [10].

Для всех идеологов либерального центризма был характерен настрой на постепенные преобразования, «мирное обновление». В их сознании преобладали ценности общественной солидарности, горячее сочувствие идее коалиции («основному началу русской революции»). Одним из проявлений этого «тренда» являлось содействие радикал-демократов профессионально-политическим объединительным тенденциям в среде демократии³⁰. По мнению лидеров РРДП, мощным консолидирующим потенциалом обладали и культурно-просветительные организации³¹. Радикал-демократы, принимавшие участие в их деятельности (в качестве лекторов, авторов популярных изданий), оценивали эту работу как залог укрепления в общественном сознании идеи необходимости «общенационального солидарного творчества», способ нейтрализовать влияние «анархо-большевистской демагогии» и обеспечить в перспективе успех социальных реформ.

²⁹ *Комментируя многотрудный процесс земской реформы 1917 г. (создание волостных земств), Б. Б. Веселовский считал решающим фактором «хозяйственно-культурного строительства и политического развития деревни» деятельность работников местного самоуправления («третьего элемента»), а само земство называл «передовыми окопами нового, созданного революцией строя». «Войдет в жизнь проводимая ныне реформа самоуправления – можно считать обеспеченными и приобретения революции», – таков был прогноз известного историка земства [6].*

³⁰ *Одним из центральных событий съезда Всероссийского крестьянского союза в начале августа 1917 г. стал доклад члена РРДП А. А. Евдокимова по организационному вопросу, а сам оратор предложил съезду «набросок общих контуров Устава Союза» [11]. На Государственном совещании в Москве была оглашена резолюция объединенных Советов депутатов трудовой интеллигенции, принятая по инициативе радикал-демократа А. Е. Маковецкого [38].*

³¹ *Редакция «Отечества» считала показательным столичный опыт: в начале сентября 1917 г. число рабочих клубов в Петрограде и его окрестностях превышало 70, «с количеством членов в 60 тыс.», был создан «общий межклубный центр», а также общегородская просветительная организация молодежи «Труд и Свет» [40]. Приметой времени РРДП считала общероссийскую по масштабу работу «на ниве просвещения» «Союза солдат-республиканцев» [46].*

По «среднему пути»

Деятели РРДП поддерживали избранный Временным правительством стратегию (и в определенной степени способствовали этому) –

идти по «среднему пути», искать «равнодействующую» сил, участвующих в «государственном творчестве новой России», и, таким образом, добиваться консолидации власти и общества, создавать «фундамент для общенациональной работы». Радикал-демократы и их сподвижники были убеждены: подобного рода политика, ориентированная на поиск «честного и добросовестного компромисса» между различными политическими течениями, отражала настроения «здравомыслящего» большинства в стране, а потому имела реальные шансы «сдвинуть вперед провалившуюся колыхагу России».

В связи с отсрочкой созыва Учредительного собрания руководство РРДП считало целесообразными инициативы правительства по созыву в Москве (12–15 августа 1917 г.) Государственного совещания («нового Земского собрания») ³², а затем – Временного Совета Российской Республики (Предпарламента), поскольку «никакая власть в свободной стране не может держаться без опоры в общественном мнении» [7]. РРДП была представлена в Предпарламенте своими лидерами (Д.П.Рузский, М.А.Славинский, В.С.Познер), однако рассчитывала образовать там самостоятельную фракцию из сторонников, которые, по ее расчетам, могли примкнуть к партии. С осторожным оптимизмом радикал-демократы оценивали и перспективы формирования в новом органе «блока государственно-оборончески настроенных партий и фракций», своего рода «центра» (по их расчетам, около 100 человек), способного определять исход голосования. «Превратить коалицию в правительстве в коалицию членов Совета Российской республики и при помощи

³² *Выработать единую платформу к Государственному совещанию – такую цель преследовали члены различных политических партий и общественных групп, участники Частного («Малого») совещания общественных деятелей, состоявшегося в Москве 8–10 августа 1917 г. Одним из инициаторов собрания был В.Д.Кузьмин-Караваев. Накануне его созыва В.Д.Кузьмин-Караваев представил резолюцию, которая включала целую систему «очень решительных мер оздоровления армии и флота». «Чувствуется, что она составлена под впечатлением требований, составленных генералом Корниловым, – сообщалось в прессе. – Это же подтверждает и сам докладчик резолюции во время разгоревшихся по ее поводу дебатов». По мнению В.Д.Кузьмина-Караваева, неотложными мероприятиями следовало признать «... полную отмену полковых комитетов, уничтожение института комиссаров на фронте, восстановление в его прежнем виде значения корпуса офицеров, пересмотр декларации прав солдата, возвращение начальникам дисциплинарной власти» [26]. Несмотря на то, что на Государственном московском совещании никаких документов не было принято, там возобладала позиция, озвученная накануне В.Д.Кузьминым-Караваевым. Сам он был избран в Совет общественных деятелей, который в октябре 1917 г. делегировал его в Предпарламент.*

этой второй коалиции создать коалицию в стране, которая позаботилась бы о воссоздании государственности» [41], – провозглашал М.А.Славинский с трибуны Предпарламента главную задачу делегатов собрания.

Коалиция «не вытанцовывается»...

Размышляя над вопросом о том, почему «коалиция явно у нас не вытанцовывается», лидеры РРДП указывали на ряд «внутренних, органичных пороков», присущих этой политической «конструкции». Определенную долю ответственности они возлагали на кадетов, руководство которых, по мнению радикал-демократов, толковало идею коалиции «слишком узко и доктринерски», необоснованно претендовало на исключительное положение среди других ее участников [36]. Деспособность коалиции ставили «под удар» и социалистические партии, имевшие своих представителей в правительстве (эсеры, меньшевики), однако «до последнего» не проявлявшие должной решимости в отмежевании от «циммервальдизма, пораженчества и большевизма».

Что делать?

Идеологи РРДП с самого начала обращали внимание на отсутствие у Временного правительства адекватной программы преобразований. Партия предложила свой взгляд на решение ключевых проблем. Будучи солидарны с другими участниками демократического лагеря в подходе к политическим преобразованиям («от деспотизма – к народоправству»), радикал-демократы заняли особую позицию в социально-экономических дебатах. Предупреждая об опасности «затемнения» главного земельного вопроса партийной идеологией (особенно в бытность министром земледелия лидера Партии социалистов-революционеров В.М.Чернова), деятели РРДП считали «крайне важным» признание следующих принципов: «земельная собственность в пределах трудового пользования неприкосновенна; земля, выделенная из общины и устроенная, не может быть против воли владельца вновь возвращена в общину; земля (для образования особого государственного земельного фонда с целью обеспечения интересов малоземельного земледельческого населения. – *Н.Х.*), как правило, отчуждается возмездно» [30].

Что касается промышленности, то вывод партийных идеологов сводился к следующему: государство должно оставить за собой лишь роль регулятора и контролера и выпустить из-под пресса огульного недоверия частнохозяйственную инициативу, которая станет исходной точкой для демократизации

социально-экономических отношений [18]. Данная установка сочеталась во взглядах деятелей РРДП с поддержкой «общественного торгово-промышленного творчества», идеей «муниципального социализма» («перехода в собственность и распоряжение самоуправлением всех главнейших общепользных предприятий») [3; 1].

Исключительное внимание РРДП уделяла проблемам национально-государственного строительства. По мнению идеологов партии, социалистическая мысль в увлечении «моментом классовой розни» неохотно занималась «элементами солидаризма», вследствие чего недооценила «инстинкт национальности». Признание «творческой миссии национальной идеи» радикал-демократы считали необходимым условием мирного урегулирования национального вопроса. Сторонники федеративного устройства государства, они обозначили в своей программе различные варианты реализации народами права на самоопределение в составе единой России³³. Н.И.Коробка разъяснял, что в сложившейся ситуации создание автономных областей является не «распылением», а напротив, «собираением распылившихся уже элементов в крупные единицы» [22]. «Свободная Россия может быть только децентрализованной» [14], – провозглашал М.А.Славинский. В то же время партия осуждала «детскую болезнь национальных движений» (своего рода «большевизм», выразившийся в «стремлении быть левее самого левого»), подчеркивала, что «интересы демократии не в узконациональной ориентации, а в согласии с широким государственным коллективом» [48].

Славинский М.А.

Революция как «катастрофа»

Анализируя причины, препятствовавшие «положительному творчеству революции», радикал-демократы особо отмечали роковую роль войны в судьбе России. «Война породила революцию, и она может задушить собственное детище» [12], – выступала с пророчеством редакция «От-

³³ На страницах «Отечества» были представлены материалы, посвященные украинскому вопросу, проектам белорусской автономии, «федерации казачьего юго-востока России», обеспечению интересов Сибири (путем делегирования сибирскому законодательному органу прав по решению региональных вопросов) и т. д.

ечества». Характеризуя роковую роль Первой мировой войны как катализатора падения монархии, М.А.Славинский утверждал: «В сущности, мы имеем не революцию, а то, что можно назвать катастрофой». Предложенная им трактовка событий сводилась к тому, что «государство взяло на свои плечи дело войны, дело, которое оно вынести не может, не напрягая всех сил, не напрягая координированных и организованных сил. Координированы и организованы силы не были, и государство лопнуло по всем швам. ... Все государственные нити порвались, люди превратились в аморфную массу. Это была не революция с какой-нибудь целью, а это была катастрофа... Это было явление совершенно стихийное, которого ни предугадать, ни предотвратить никто не мог» [41].

Бернацкий М.В.

Члены РРДП полагали, что «легкость и бескровность переворота, благодетельные сами по себе» [36], привели впоследствии к многочисленным тактическим ошибкам и власти, и общественных сил. «Справа не нашлось никаких новых методов управления, никаких новых идей в новое дело не было внесено. Весь максимум сил наших правых, либеральных и части демократических партий был исчерпан революционными достижениями, и для дальнейшего не было продуманных путей. Что же касается до наших левых, то они стали углублять революцию и углубили ее до анархии» [41], – характеризовал М.А.Славинский ситуацию, сложившуюся в связи с победой Февральской революции.

Кто виноват?

По мнению радикал-демократов, стремительный успех революции был бесосновательно принят в кругах социалистов за доказательство организованности и «необычайной мощности» пролетариата. Полагая вполне естественным, что первыми восстали против старой власти круги населения, революционно настроенные и раньше, идеологи РРДП замечали, что «ненормальность создавалась тогда, когда только на плечи этих кругов выпало непосильное бремя строительства новой жизни». К тому же место руководителей пролетариата заняли «массы нахлынувших

из-за границы и подполья пропагандистов и идеологов». В результате «дело революции, дело устройства новой России очутилось на попечении людей, отвыкших от родной страны, никогда не знавших жизни с ее повседневными заботами, не имеющих политического опыта, книжников и фантазеров» [36], – обозначала редакция «Отечества» один из факторов, сыгравших серьезную роль в судьбе страны.

Среди общественных сил больше всего претензий было у РРДП к имущим классам – крупным промышленникам, торговцам и земельным собственникам. По словам редакции «Отечества», представители предпринимательской элиты поначалу отошли в сторону, не попытавшись даже организовать («хотя бы в оппозиционную партию, чтобы своей деловой критикой вносить необходимый корректив в работу демократии»). «Они не сделали попытки найти общий язык со сбитой с толку рабочей массой, устранились от всего, не откликнулись даже в должной мере на призыв прийти на помощь денежными средствами. Велико ли число крупных подписчиков из их среды на "Заем Свободы"? А ведь они одни могли бы покрыть его целиком» [35], – выставлял С.В.Познер «счет» «московским катонам из торгово-промышленного мира».

Что касается неизменно активных политических сил, то острие критики РРДП было направлено на действия не только крайних левых, но и кадетов. Отмечая большие заслуги Конституционно-демократической партии в прошлом, наличие в ней «крупных культурных сил», радикал-демократы утверждали, что «и после революции она не могла отрешиться от своих старых грехов – пренебрежения к демократии, от централизма, партийного доктринерства. Усиленная притоком элементов справа, партия заняла глубоко ошибочную позицию политической организации, ведущей борьбу за власть во имя идеалов, не встречающих сочувствия в демократических слоях населения, всячески противящейся коалиционной правительственной работе» [36]³⁴.

³⁴ «Главная цель ка-де – чисто политические вопросы, частью уже разрешены, частью будут разрешены так полно и в таком демократическом духе, до которого не доходили ка-де даже в тахитит'е своей программы, – отмечала редакция "Отечества". – ... По вопросам социальным, областным и национальным ко времени революции ка-де оказались неподготовленными. ... Все есть в программе ка-де: и 8-часовой рабочий день, и принудительное отчуждение, и свобода национального самоопределения, – и тем не менее на практике оказалось, что ничего или почти ничего этого у ка-де не имеется, когда они соприскаются с этими вопросами в жизни». Радикал-демократы признавали, что, несмотря на устаревшую программу, недемократическую тактику, кадеты все же могли быть полезными в деле управления страной – оказать существенную помощь людьми, опытом, знаниями. «Отдельные люди из партии хотели это сделать, партия не позволила им», – констатировал орган РРДП [49].

Наблюдать жизнь не «сквозь партийные очки»

Подчеркивая опасность излишней политизированности для общего «дела революции», РРДП призвала соратников и противников на-

блюдать жизнь России не «сквозь партийные очки и не через призму отвлеченных теорий». По мнению радикал-демократов, ни одна из существовавших тогда партий не могла претендовать на какое-либо исключительное положение. Разъясняя сложившуюся ситуацию, радикал-демократы обращали внимание на то, что «Россия, как целое, политической жизнью никогда не жила». Редакция «Отечества» заявляла: «Лишь с февральским переворотом мы вступили в эпоху свободного политического творчества, ... расслоение населения, в том числе и демократической части его, по партиям только начинается. Вся политическая жизнь страны еще в будущем, в будущем и судьба политических партий» [9].

Признавая незрелость отечественной многопартийности, РРДП констатировала и несовершенство дореволюционного народного представительства в России. Вместе с тем, радикал-демократы видели заслугу Государственной думы в том, что еще до 1917 г. она смогла стать «средоточием общественного внимания, отразить в конечном итоге настроение широких кругов населения, психологически сорганизовать его». Радикал-демократы подчеркивали

организующую роль Думы и в деле революции: «Кто знает, как завершился бы великий переворот февральских дней, если бы не было Государственной думы, не было в Петрограде того общенародного учреждения, куда инстинктивно стекались массы восставших войск и где немедленно же с первых часов, даже не дней, революции, стали возникать новые органы революционной России. Если нашу революцию породило народное негодование и протест против преступлений самодержавия и распутинства, то Государственная дума была ее приемной матерью, у которой новорожденная русская свобода нашла приют и защиту. И, облегчив роды нового строя, Государственная дума умерла» [54].

**«Спасение революции» или
«спасение России»?**

Очевидным фактом для деятелей РРДП являлся уход Думы «со сцены» задолго до начала октября 1917 г. – официального срока прекращения

ее полномочий. Это обстоятельство обусловило в дни июльского кризиса неприятие радикал-демократами предложения – призвать Думу явочным порядком вернуть себе права, делегированные ею Временному правительству, и возглавить «спасительное движение России». Данная инициатива, озвученная 18 июля на частном совещании Временного комитета Государственной думы бывшим членом фракции прогрессистов А.М.Масленниковым (по его словам, единственным из думской Прогрессивной группы, кто не присоединился к РРДП), была расценена лидерами РРДП как стремление «не только остановить колесницу истории, но и повернуть ее вспять» [27]. Редакция «Отечества» указывала на то, что именно возглас А.М.Масленникова на этом совещании («не сначала революция, а потом – Россия, – Россия прежде всего должна быть спасена») был подхвачен в качестве «лозунга момента» кадетским официозом – газетой «Речь»: «"Правительство спасения революции" должно уступить место правительству "спасения родины и России"» [45]. Та же мысль пронизывала и выступление П.П.Рябушинского в начале августа, на 2-м Всероссийском торгово-промышленном съезде.

«Нельзя противопоставлять революцию – России, "спасение революции" – "спасению Родины"», – были убеждены члены РРДП. Они считали «бесплодными» споры о том, «возможно ли было спасение нашей Родины без Февральской революции»: «Революции не делаются по заказу, и рассуждать о том, что было бы, если бы их не было, – занятие, по меньшей мере, праздное». Гораздо более значительным радикал-демократам представлялся вопрос о том, «нужны ли России те завоевания, которые уже сделаны и могут быть еще сделаны революцией». Несомненным

фактом для них являлись не только итоги революции «в отрицательном направлении, в порядке разрушения старого», но и ее положительные заслуги, прежде всего, «утверждение гражданских свобод, насаждение демократического строя, принципа национального самоопределения» [45].

На страницах партийной прессы РРДП проводилась мысль о том, что «революция – это жизнь в ее наиболее интенсивном, действенном состоянии. Жизнь уничтожает отжившие ценности, ставит на их место новые, вызванные народившимися потребностями. Так и революция: она, разрушая, творит, и, создавая, сметает» [45]. Образ революции как своего рода скульптора, неутомимо работающего «над бесформенной массой русской действительности» («масса еще не застыла, и у скульптора полная возможность сгладить уродливости и создать из нее гармоничное целое»), еще в июле 1917 г. внушал деятелям РРДП, несмотря на тревожные тенденции, осторожный оптимизм. «Будем надеяться, что туман социально-экономических утопий рассеется и солнце здравого смысла заглянет и к нам» [51], – выражали свои ожидания члены редакции «Отечества».

«Слово переходит в действие» Лидеры РРДП подчеркивали не только закономерный, но и неизбежно-продолжительный характер процесса коренного обновления вслед за «периодом бури и натиска»: «В первые дни марта разыгрался только первый акт, вернее даже – первые сцены первого акта всероссийской революции» [51]. Столь же очевидными для них (и не только) были и такие «параметры» Февраля 1917 г., как необратимость перемен («с переходом первых полков на сторону народа мы вступили в новую полосу жизни»), а также признание демократии «главной движущей силой новой России» [51]. При этом радикал-демократы призывали политиков крайне осмотрительно пользоваться революционным «словарем», указывая на «роковую губительную роль» фальсификации понятий («доходящей до шаржа») в решительный для страны момент, поскольку «слово переходит в действие». «Ненависть крестьянина к сельскому учителю, кооператору, врачу, как к "капиталистам", буржуям, успела совершенно подорвать во многих местах кредит молодой деревенской культуры. Крылатое словечко "контрреволюционер" вырывает пропасть между солдатом и офицером и разрушает армию» [53], – приводила редакция «Отечества» примеры влияния новых идеологических клише на «малосознательную некультурную толщу наших народных масс».

РРДП обращала особое внимание на «губительный отпечаток» подобного рода «магических слов» не только в «низах», но и в руководящих политиче-

ских кругах. Это касалось, в частности, расхожего термина «буржуазная революция», пущенного «в оборот» социалистами для определения характера февральского «переворота». По мнению радикал-демократов, события в Петрограде в конце февраля – начале марте 1917 г. не укладывались в рамки движения какого-либо класса. К тому же, – подчеркивали они, – «буржуазность» революции оказалась в «подвешенном» состоянии в силу «аморфности» общественной среды, обусловленной слабым развитием экономической жизни [53]. Настаивая на «общенациональном смысле» происшедшего переворота, РРДП утверждала: «Революцию сделала демократия, ее революционный авангард, но ее приняли и санкционировали все остальные классы населения» [35]. Радикал-демократы признавали буржуазный характер революции лишь в одном аспекте – экономическом, неизменно подчеркивая, что ближайшее будущее России – капитализм. Критикуя распространенное тогда в среде социал-демократов и эсеров стремление придать революции характер социальной и интернациональной, РРДП называла и то, и другое «химерой, сознательным обманом, или несознательным заблуждением людей, не желающих или не умеющих отдавать себе отчет в окружающих событиях» [12]. Столь же решительный отпор со стороны членов РРДП получали попытки произвольного толкования понятия «демократия» [53].

«Не выдержала бы и самая сильная власть»

Как серьезную угрозу для «дела революции» идеологи РРДП также оценивали вынужденную обстоятельством ситуацию, в которой

с самого начала оказалось Временное правительство. Ему пришлось решать всеобъемлющий комплекс многочисленных задач внутренней и внешней политики, причем одновременно с процессом организации новой власти в центре и на местах, в ситуации разгула демагогии («злого гения нашей революционной демократии»), «семена» которой дали буйные всходы на «почве» фактически поголовного бескультурья, отсутствия гражданского и политического воспитания в народных массах. «Такого испытания не выдержала бы и самая сильная власть с самой совершенной организацией... Нужны какие-то невероятные усилия коллективной общественной мысли, какое-то исключительное напряжение народной энергии, чтобы вырваться из того тупика, в который страна зашла» [18; 4], – констатировали радикал-демократы.

В конце лета 1917 г. РРДП указывала на признаки подготовки государственного переворота. При этом радикал-демократы отмечали заимствование «романовцами и немецкими агентами» опыта революционных сил – как

в приемах агитации, так и выборе момента («ведь мартовский переворот начался с голодного бунта, перешел в дезорганизацию низшего административного аппарата и закончился изменой войск старому режиму»). Характерным считали они и сходное направление поисков кадров для реакционной «армии» – прежде всего, среди городского пролетариата [42].

«Выдержки и упорства у нас нет»

Не меньшую опасность РРДП видела и в распространившемся вскоре после Февраля общественном настроении: «Страна продолжает пре-

бывать в каком-то непонятном параличе, широкие массы ... не ощущают всеми фибрами народной души нависшей над ее головой катастрофы» [31]³⁵. «Выдержки и упорства у нас нет, мы способны только к порывам, иногда героическим, чаще истерическим, мы не умеем ценить постепенного прочного завоевания общественных благ. Одним из нас нужно царство Божие на земле, и на меньшем они не примирятся, другим нужны эффекты» [20], – высказывался по поводу происходящего видный деятель РРДП Н.И.Коробка.

«Где же выход?»

В связи с ситуацией в стране, создавшейся к осени, радикал-демократы тем не менее считали «преступным» говорить о «неминуемой

гибели России», полагали, что «в современном хаосе разложения намечаются и пути созидания» [36]. Однако уже в начале октября Н.И.Коробка в поисках ответа на вопрос, «где же выход?» не исключал того, что, «быть может, его уже и нет», поскольку «абсолютно не намечается сил, которые могли бы остановить процесс распада, ... мы уже всецело во власти тех духов, которые не в силах были бы заставить удалиться сами их вызвавшие». Вместе с тем, он призывал своих единомышленников быть готовыми «что-то создавать из обломков разбитого кора-

³⁵ *Современник событий 1917 г., философ и общественный деятель Д.В.Болдырев, обратил тогда внимание на «знамение времени» – «метель подсолнухов в самую весну революции». «Этим странным весенним снегом засыпано все, что только можно засыпать: улицы, скверы, вокзалы, дворцы и даже волосы или, по крайней мере, шляпы некоторых граждан. Грызут подсолнухи на трамваях, в Государственной думе, в церквах, в театрах, на митингах», – свидетельствовал Д.В.Болдырев, приходя к выводу о том, что «усиленное лущение подсолнухов во времена беспокойные и гражданские есть сильнейшая тяга к спокойствию и обывательщине, неудержимая, как зевота. ... К отчаянию революционеров, мы мякнем и пухнем в тот момент, когда должны бы быть напряженнее тетивы» [5].*

бля, чтобы направить курс спасательных лодок и плотов». Но сначала, подчеркивал радикал-демократ, следовало «дать себе отчет в том, что именно привело наш большой старый корабль, столько столетий плававший по бурным морским волнам, к настоящей катастрофе».

Н.И.Коробка отвергал расхожие мнения на этот счет: «все взваливать на прежнего капитана, на старый режим», а также на «некультурность русско-го народа». По его убеждению, главную ответственность за сложившуюся ситуацию должна была признать «русская социалистическая интеллигенция», «проповедь» которой массы доверчиво приняли (в меру своего культурного уровня)³⁶. «Непростительной ошибкой» социалистов Н.И.Коробка считал «систематическое попираание той истины, которая является основой марксизма, – идеи закономерности исторического процесса».

«Есть один здоровый путь – постепенновский»

«Два безумия – безумие самодержавия и безумие крайней социалистической интеллигенции – нейтрализовали до известной степени друг друга», – признавал публицист очевидный, на его взгляд, факт. Незадолго до прихода к власти большевиков, вопреки набиравшей силу стихии разрушения, он выражал неизменное мнение радикал-демократов и их сторонников: «Для работы в России есть один здоровый путь – постепенновский». «Несомненно, и в интересах государства, и в интересах народных масс, и в интересах самого социализма в России нужна была методическая работа культурного воспитания масс и постепенного завоевания политической и гражданской свободы. Но этот путь, несомненно, очень трудный и тернистый при политических условиях старой России, требовал выдержки, упорства в борьбе и был не эффективен. И это решило его судьбу» [20], – заключал Н.И.Коробка.

Несмотря ни на что, лидеры РРДП не теряли оптимизма просто потому, что они не видели для России другого выхода, кроме «движения» ее в сторону демократического правового государства с республиканской формой

Несмотря ни на что, лидеры РРДП не теряли оптимизма просто потому, что они не видели для России другого выхода, кроме «движения» ее в сторону демократического правового государства с республиканской формой

³⁶ «И как было не принять им этих лозунгов, которые давались им вождями новой России, их освободителями, и в то же время не только оправдывали, но идеализировали их эгоистические побуждения, превращая в глазах этих младенчески неопытных людей корысть в стремление к торжеству социалистического строя, боязнь за свою жизнь – в "борьбу за мир", темное чувство вражды к "господам" – в классовый антагонизм пролетариата и буржуазии, – восклицал Н.И.Коробка. – Массы должны бы обладать совершенно исключительным политическим и гражданским чутьем, чтобы при настоящем их уровне не пойти за такой соблазнительной проповедью, но проповедники должны были обладать исключительной политической слепотой и легкомыслием, чтобы, идя к таким массам с такой проповедью, ожидать чего-нибудь другого, чем то, что случилось» [20].

правления и «автономно-федеративным строем». Реализуя свою «линию» в ситуации господства «лихого максимализма», радикал-демократы рассчитывали все же на то, что жизнь в конце концов расставит все по своим местам. Их путеводной звездой, наряду со «здравым смыслом», являлись опыт и идеи зарубежных деятелей, «родственных» им по взглядам. Это, прежде всего, англичане – члены фабианских обществ (сторонники «социализма без доктрины») и кооператоры, шведский социолог и экономист Густав Стеффен, лидеры французской Радикально-социалистической партии, «независимые итальянские социалисты, германские демократические партии» [50; 52; 43; 47]. «Наша интеллигенция должна понять, что нам еще нужно учиться у Запада, а не учить его, – одним словом, ей нужно хорошенько вспомнить и продумать забытую ею азбуку "западничества"» [20], – выражал мнение единомышленников Н.И.Коробка.

Наибольшие реалисты из всех... утопистов

Очевидно, что либералы-центристы «образца» 1917 г. и их соратники по РРДП представляли собой особую когорту среди деятелей той эпохи.

С социалистами их объединяла лишь уверенность в том, что «будущее – удел социализма» (кн. В.М.Голицын). Однако на вопросы о путях достижения цели и используемых для этого средствах они отвечали по-разному. Лидеры «центристов» являлись «ретрансляторами» взглядов и настроений, достаточно распространенных в России в 1917 г. Держа руку «на пульсе», они улавливали в ожиданиях страны то, что «упустили из виду» представители крайних течений «революционной демократии», а также соратники П.Н.Милокова. Многообразный опыт непосредственного участия в событиях революции подтверждал их убежденность в необходимости соотношения желаемого с действительностью. В то же время собственная социальная теория, «конструируемая» ими на основе практики, нередко давала «сбои», сталкиваясь с логикой событий. Вместе с тем, очевидно, что общий вектор их усилий соответствовал должному (с учетом долговременной перспективы) направлению развития страны. Мысль о том, что «любая социальная теория является утопической» [24], вполне приложима к ситуации в России в 1917 г. Признание этого, однако, не мешает предположить, что тогда большими реалистами были (в сравнении с кадетами и известными социалистическими партиями) именно лидеры бывших думских прогрессистов, их соратники – радикал-демократы и другие деятели, проявлявшие активность в том же идейном «русле». В связи с этим факт политического банкротства последних в 1917 г. вовсе не перечеркивает ценность их опыта.

Прогрессистская альтернатива «мирного обновления», по сути, изначально отражала настрой «молчаливого большинства» страны, вовсе не склонного к антиправительственному протесту, более того, ожидавшего назревших перемен именно от власти. Идеи «умеренно-прогрессивных» преобразований на рубеже XIX–XX вв. вполне могли стать основой для диалога власти и общества. Либералы-центристы были уверены в том, что при главенстве делового подхода у всех участников этого диалога, постановке во главу угла исключительно интересов России, можно было заблаговременно (не доводя общественные настроения до «точки кипения») обеспечить стране наименее болезненное преодоление очередного исторического перевала и предотвратить разгорание революционного костра.

Идеологи прогрессизма не сомневались и в том (ход событий подтверждал их прогнозы), что под действием объективных обстоятельств со временем неизбежно должны были утратить остроту и идейные барьеры, отделявшие либералов-центристов от меньшевиков и других умеренных социалистов. Однако в силу ряда факторов (преимущественно – субъективного характера) путь, предложенный либералами-центристами, был отторгнут властью. Его не приняло и большинство лидеров оппозиции, одержимых стремлением не только ускорить процесс общественного саморазвития, но и удовлетворить собственные политические амбиции. В их глазах деятели, пытавшиеся «преодолеть односторонние, партийные и классовые, точки зрения», способствовать «достижению наибольшей степени терпимости, искренности и альтруизма» и исключавшие для себя организационное слияние с основными участниками общественно-политических баталий, выступали (в лучшем случае) в неприглядном амплуа «диких».

В конечном итоге, идея «умеренно-прогрессивных» преобразований в единении власти и общества была сметена большевиками и народной стихией³⁷. «В ментальности масс превалировал традиционный лозунг

³⁷ Об этом свидетельствовали и результаты выборов в Учредительное собрание в ноябре 1917 г. Всего по стране было заявлено почти 5 тысяч кандидатов в члены этого собрания. РРДП выдвинула самостоятельные кандидатские списки (17 человек) в двух территориальных избирательных округах – Петроградском столичном (городском) и Пермском. Собрал в первом случае всего 413 голосов (или 0,04 % от общего числа), а во втором – 1381 голос (или 0,1 % от общего числа), партия мандатов не получила. Несмотря на высокую предвыборную активность в Москве и многих избирательных округах Европейской России деятелей из числа организаторов Партии прогрессистов (П.П.Рябушинский, С.Н.Третьяков, С.И.Четвериков, П.А.Бурышкин, Н.Д.Морозов, Н.Н.Львов), ни один из них также в Учредительное собрание не прошел. Из трех бывших членов думской фракции прогрессистов (М.А.Искрицкий, Я.Ю.Гольдман, И.П.Залит), участвовавших в выборах (М.А.Искрицкий – по списку «Группы внепартийных общественных деятелей» в Черни-

"Земля и Воля", к которому во время Первой мировой войны был добавлен новый – "Мир без аннексий и контрибуций". Те политические партии, которые безоговорочно поддержали эти лозунги и настаивали на коренном переустройстве всей системы отношений (включая отмену частной собственности), получили массовую поддержку и, в конечном счете, одержали победу» [57, с.39].

«Кроме обстоятельств места существуют и обстоятельства времени...»

Но в истории не бывает окончательных побед и поражений. Об этом еще в 1903 г. писал А. М. Рыкачев, один из идеологов прогрессизма:

«Кроме обстоятельств места существуют и обстоятельства времени: что кажется смешным сегодня, завтра станет серьезной потребностью и важным делом» [39, с.124].

Эту мысль разделяли деятели либерального центризма, которым довелось пережить события Великой российской революции 1917 г. Оставшимся на Родине редко удавалось избежать политических преследований и репрессий. Но, несмотря на это, многие из них, искренние патриоты-государственники, внесли весомый вклад в становление и развитие советской экономики, передавали опыт новому поколению работников в сфере науки и народного образования. Орденом Трудового Красного знамени были отмечены заслуги бывших «демреформаторов» – С. Д. Урусова (в начале 1920-х гг. управляющий делами Особой комиссии при Президиуме ВСНХ по исследованию Курских магнитных аномалий) и железнодорожного деятеля Н. Т. Митюшина. В советский период яркий след в профессиональной сфере оставили инженеры К. П. Боклевский, Н. П. Пузыревский, А. С. Раевский, Р. П. Спарро, специалисты по сельскохозяйственному машиностроению (К. И. Дебу) и химической переработке древесины (Л. П. Жеребцов), химик А. Е. Маковецкий, экономист Е. С. Каратыгин, врачи М. И. Слоним и В. В. Строганов, ботаник А. А. Ячевский, ученый-агроном А. О. Фабрикант, правовед В. А. Краснокутский, философы Л. М. Лопатин и А. И. Введенский и др.

Оказавшиеся на чужбине также не теряли надежды на то, чтобы быть полезными родной стране. В 1920-е гг. либеральный центризм обрел новый организационный облик в Русском зарубежье.

говском избирательном округе, И. П. Залит – по списку «Латышского крестьянского союза и Латышской радикально-демократической партии» в Псковском избирательном округе), удача сопутствовала лишь Я. Ю. Гольдману. Он был избран от Лифляндского избирательного округа по списку кандидатов в Учредительное собрание от Латышского крестьянского союза [8, с.100, 105–106, 214, 226, 347, 360, 323, 377, 406, 439–440, 487].

Неформальным лидером «центровиков», создавших особую группу в кадетской эмигрантской среде, стал Н.И. Астров, с самого начала своей общественно-политической деятельности близкий к прогрессистам [19]. Однако и позднее, вплоть до 1950-х гг., в кругах Русского зарубежья сохранялась мысль о необходимости «русской центральной мысли, центральной группы». Это нашло отражение, в частности, в дневнике А.В. Тырковой [28, с.464, 480]³⁸.

Астров Н.И.

Интеллектуальное наследие деятелей либерального центризма и их соратников (Вл. С. Соловьев, М. М. Ковалевский, И. Н. Ефремов) стало важной частью общемирового процесса интенсивного поиска путей общественного переустройства на рубеже XIX–XX вв. О том, что их представления о путях развития человечества не устарели, свидетельствуют нынешние попытки осмысления «вызовов» Четвертой промышленной революции. «Как поглотить и приспособить для себя новую современность, в то же время не отказываясь от традиционных систем ценностей», – эта проблема вновь определяет поиск способов изменения мира к лучшему. В связи с увеличением социального неравенства указывается на первостепенность противостояния этой тенденции. Утверждается, что «большее равенство в обществе делает его сильнее», позволяет избежать роста уровня социальных волнений. Кроме того, делается акцент на «преимуществах сплоченности» граждан, укрепления социальных связей. «Ошеломляющие инновации» Четвертой промышленной революции по-новому определяют содержание понятия «быть личностью», выводят на первый план проблемы морали и этики. Необходимость «направить инновации на общее благо» связывается с потребностью совместной выработки «чувства общей цели», для чего «крайне важно располагать доверием»: «В мире, где больше нет ничего постоянного, одной из важнейших ценностей становится доверие». Подчеркивается, что «в конце концов, все сводится к людям, к культуре и к ценностям», а «новый культурный ренессанс» спо-

³⁸ Член ЦК кадетской партии, А.В. Тыркова внесла вклад в развитие либерального центризма в дореволюционной России, фактически возглавляя редакцию газеты «Русская молва» (декабрь 1912 – август 1913 гг.).

собен обеспечить комплексный подход к пониманию оптимальных путей решения многих вопросов, «реструктуризации наших экономических, социальных и политических систем». Созвучна неизменному историческому оптимизму патриархов либерального центризма и мысль о том, что «все зависит от нас»: «Все вместе мы должны работать для того, чтобы преобразовать эти вызовы в возможности» [55, с.149–184].

Идеи либералов-центристов сохраняют значимость и в современной России. Их опыт не только дополняет и уточняет представление об отечественном либерализме, но и приобретает особую актуальность в связи с дискуссиями о путях российской модернизации в XXI веке. Предпринявшие более века тому назад попытку сделать зарождавшейся в стране политической жизни «прививку» разума, гуманизма, солидарности, они тогда нередко воспринимались как «тени грядущего»³⁹. Останутся ли они в этой роли и в новом столетии?..

Библиографический список

1. Государственная публичная историческая библиотека России. Центр социально-политической истории (ГПИБ России. ЦСПИ). Коллекция листовок («Российская радикально-демократическая партия»).
2. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф.40 (Арсеньев К.К.). Оп. 1. Д.40.
3. Беседа с Н.В.Некрасовым и М.В.Бернацким // Отечество. 1917. №10. 27 июля.
4. Бланк Р. Проблема власти // Отечество. №36. 26 августа.
5. Болдырев Д.В. Золотой век Августа // Русская свобода. 1917. №12–13. С.13–18.
6. Веселовский Б.Б. Новое земство // Отечество. 1917. №50. 13 сентября.
7. Власть и страна // Отечество. 1917. №62. 27 сентября.

³⁹ *Это вовсе не снижало их ценности в текущей политической ситуации начала XX в. П.Н.Милоков отводил М.М.Ковалевскому в российском общественном движении место «вождя-знаменосца»: «Если он не отрицал ни социалистического, ни "буржуазного" взгляда на задачи настоящего и будущего, то это потому, что, оставляя будущему решение принципиального спора между обоими мировоззрениями, он в настоящем объединял их в общем "западническом" взгляде на сущность и направление нашей общественной эволюции... Смотря на меняющийся калейдоскоп жизни поверх текущего момента, Ковалевский мог не отождествлять себя с той или другой определенной политической программой. Но он твердо держал общее направление, зная, куда идет дальнейшая дорога. Не всем дано стоять на той высоте, с которой видно, куда ведут события. Большинство из нас копошится в злобах дня, на них тратя все свои душевные силы. Но, как отдельные работники оркестра, все мы смотрим на то высокое место, где стоит дирижер. Он знает темп, и оркестр идет дружно... Ковалевский есть наше общее национальное богатство, которым мы горды, которого у нас никому не отнять» [25, с.137–143].*

8. Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия / автор-составитель Л.Г.Протасов. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 555 с.
9. Демократический Совет // Отечество. 1917. №59. 23 сентября.
10. Евдокимов А. Заметки кооператора // Отечество. 1917. №24. 12 августа.
11. Евдокимов А. Заметки кооператора // Отечество. 1917. №29. 18 августа.
12. Единая цель // Отечество. 1917. №28. 17 августа.
13. Иваницкая С.Г. Российская радикально-демократическая партия // Россия в 1917 году: энциклопедия / Отв.ред. А.К.Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С.833–834.
14. [Из выступления М.А.Славинского 11 сентября на Съезде народов в Киеве] // Отечество. 1917. №50. 13 сентября.
15. Из жизни Радикально-демократической партии // Отечество. 1917. №71. 8 октября.
16. Искры. 1917. 22 января. №4. С. 1.
17. К выборам в городскую думу // Отечество. 1917. №30. 19 августа.
18. К открытию Экономического совещания // Отечество. 1917. №8. 25 июля.
19. Канищева Н.И. Центральное течение кадетской партии в эмиграции // Призвание историка. Проблемы духовной и политической жизни России / Сборник статей. К 60-летию профессора, доктора исторических наук В.В.Шелохаева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), РНИСиНП, 2001. С.250–285.
20. Коробка Н.И. Где же выход? // Отечество. 1917. №69. 6 октября.
21. Коробка Н.И. Кадеты и несоциалистические партии // Отечество. 1917. №37. 27 августа.
22. Коробка Н.И. Федерация областей или федерация волостей // Отечество. 1917. №1. 16 июля.
23. Кузьмин-Караваев В.Д. Режим лжи // Биржевые ведомости. 1917. 16 марта. №16138 [утр. вып.].
24. Кумар К. Марксизм и утопия // Общественные науки и современность. 1992. №3. С.125–135.
25. Милюков П.Н. М.М.Ковалевский как социолог и как гражданин // М.М.Ковалевский – ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. [1851–1916]. Сб. ст. Пг.: [Артистич.заведение т-ва А.Ф.Маркс], 1917. С.137–143.
26. Московское общественное совещание // Русские ведомости. 1917. №183. 11 августа.
27. На распутье // Отечество. 1917. №4. 20 июля.
28. Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / Сост. Н.И.Канищева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 1111 с.
29. Никитин Е.М. Максим Горький и российские социалисты (1897–1917 гг.) // Вопросы истории. 2008. №8. С.24–43.
30. Обобществление земли и аграрная реформа // Отечество. 1917. №1. 16 июля.
31. Отечество в опасности! // Отечество. 1917. №34. 24 августа.

32. Открытое письмо В.Д.Кузьмина-Караваева министрам-социалистам и членам Исполнительного комитета С.Р. и С.депутатов // Утро России. 1917. №126. 23 мая.
33. Офицерство и революция // Отечество. 1917. №33. 23 августа.
34. [Педагог]. Детские парады // Отечество. 1917. №36. 26 августа.
35. Познер С. Речь П.П.Рябушинского [на открытии 2-го Всероссийского торгово-промышленного съезда] // Отечество. 1917. №18. 5 августа.
36. Полгода революции // Отечество. 1917. №37. 27 августа.
37. Промышленная демократия // Отечество. №30. 19 августа.
38. Резолюция Советов трудовой интеллигенции на Государственном совещании // Отечество. 1917. №37. 27 августа.
39. Рыкачев А.М. [Из иностранных журналов] // Народное хозяйство. 1903. №6. С.102–124.
40. [С.П.] На культурной работе // Отечество. №50. 13 сентября.
41. Совет Российской республики [Речь М.А.Славинского] // Отечество. 1917. №76. 14 октября.
42. Соколов Н.М. Беспорядки и реакция // Отечество. 1917. №25. 13 августа.
43. Социализм и демократизм // Отечество. 1917. №46. 8 сентября.
44. Социализм и радикализм // Отечество. 1917. №8. 25 июля.
45. «Спасение революции» и «спасение России» // Отечество. 1917. №8. 25 июля.
46. [Стеллин]. Отклики // Отечество. 1917. №21. 9 августа.
47. Съезд французских радикалов // Отечество. №77. 15 октября.
48. [Туркестанец]. Письмо из Туркестана: управление и самоуправление в Туркестане // Отечество. 1917. №45. 7 сентября.
49. У государственной работы // Отечество. 1917. №6. 22 июля.
50. Фабрикант А. Социализм без доктрины // Отечество. 1917. №10. 27 июля.
51. Фабрикант А. Социальные порывы и действительность // Отечество. 1917. №1. 16 июля.
52. Фабрикант А. Урок английских кооператоров // Отечество. №71. 8 октября.
53. Фабрикант А. Фальсификация понятий // Отечество. 1917. №47. 9 сентября.
54. Четвертая Государственная дума // Отечество. 1917. №71. 8 октября.
55. Шваб Клаус. Четвертая промышленная революция: [перевод с англ.]. М.: Эксмо, 2020. 288 с.
56. Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 863 с.
57. Шелохаев В.В. Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г. (историографические итоги и исследовательские задачи) // Российская история. 2017. №2. С.32–41.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургуиняна), МОФ-ЭТЦ
123001, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 22/21, стр. 1-2
ИНН 7703053866 КПП 770301001
ОГРН 1027700337928

ОТЧЕТ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИМУЩЕСТВА ФОНДА ЗА 2020 ГОД

Источником образования средств и имущественных прав Фонда являются:

- добровольные пожертвования,
- денежные средства, поступающие от реализации издательской продукции.

Общая сумма выручки от предпринимательской деятельности составила 3511 тыс. рублей. Добровольные пожертвования составили 6400 тыс. рублей, вступительных и иных взносов не поступало. Расходы по предпринимательской деятельности составили 2299 тыс. рублей.

По результатам финансово-хозяйственной деятельности в бюджет перечислен налог на прибыль в размере 193 тыс. рублей. Чистая прибыль составила 143 тыс. руб. В 2020 году сотрудникам Фонда регулярно начислялась и выплачивалась заработная плата.

В истекшем году Фонд не имел субвенций, субсидий, бюджетных и коммерческих кредитов, не обращался в налоговые органы с ходатайством об отсрочке или рассрочке по уплате налогов и сборов.

Финансово-хозяйственная деятельность Фонда велась в соответствии с Уставом Фонда, финансовая дисциплина соблюдалась, средства использовались по назначению, финансовое состояние признается как стабильное и устойчивое.

Ревизионная комиссия МОФ-ЭТЦ

Наши авторы

Жбанкова Елена Васильевна

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения, МГУ имени М.В.Ломоносова

Киянская Оксана Ивановна

доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Соловьев Кирилл Андреевич

доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Лиманова Светлана Андреевна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, начальник Отдела истории Архива РАН

Юрганов Андрей Львович

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Средневековья и Нового времени РГГУ

Ковалев Михаил Владимирович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН и Архива РАН, доцент Саратовского государственного технического университета имени Ю.А.Гагарина, приглашенный профессор Высшей экономической школы в Праге

Хайлова Нина Борисовна

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра «История России в XIX–начале XX в.», Институт российской истории Российской академии наук

Our authors

Zhbankova Elena Vasiljevna

D.Sci. in History, Associate Professor, Professor at the Chair of Regional Studies, the Faculty of Foreign Languages, Moscow State University

Kiyanskaya Oksana Ivanovna

D.Sci. in History, Professor at the Chair of Literary Criticism, Faculty of Journalism, Russian State University for the Humanities, leading researcher of the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Solov'ev Kirill Andreevich

D.Sci. in History, Professor, Higher School of Economics – National Research University, Head researcher of the Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences

Limanova Svetlana Andreevna

Ph.D. in History, Senior Researcher, Head of the History Department of the Archive of the Russian Academy of Sciences

Yurganov Andrey L'vovich

D.Sci. in History, Professor, Head of the Chair of Early and Early Modern Russian History, Russian State University for Humanities

Kovalev Mikhail Vladimirovich

Ph.D. in History, Senior Researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences and the Archive of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor at the Yu.A.Gagarin Saratov State Technical University, Visiting Professor at the Higher School of Economics, The University of Economics, Prague

Khailova Nina Borisovna

Ph.D. in History, Assistant Professor, senior fellow researcher at the Center "History of Russia in XIX–early XX century", Institute of Russian History, the Russian Academy of Sciences

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2020 г.

Теория и практика политических игр

Кургинян С.Е. Коронавирус COVID-19:

или объективность победит миф или миф победит Россию. №3. С.6

Геоглобалистика

Мальков В.Л. «Кислотный тест» для дипломатии США. Президент В.Вильсон и его консулы ищут решение «русской дилеммы» (окончание). №1. С.6

Сафарян Л.А. «Безумство храбрых»: история и наследие Кубинской революции 1953–1959 гг. №5. С.6

Ресурсы нации

Лупанова Е.М. «Рудники... до сих пор... не обнаружены». Навигационные инструменты экспедиции лейтенанта А.П.Лазарева 1819 г. №5. С.116

Ярлыки и мифы

Зашченко О.В. Немецкое и русское кино в изгнании.

Часть I. Унесенные ветром. №4. С.128;

Часть II. Культурный трансфер в США – Чужие в Голливуде. №5. С.26

Лалин В.В. Память о «Покорении Туркестана».

Войны дореволюционной России в символическом измерении. №1. С.96

Лалин В.В. «Покорители Туркестана». Главные лица присоединения Средней Азии в исторической памяти России. №2. С.72

Юрганов А.Л. О двух моделях «ленинизма» во внутривластной борьбе середины 20-х годов. №2. С.98

Юрганов А.Л. О первом опыте политического зомбирования в сатирическом журнале «Крокодил». Август 1927 года. №6. С.100

Национальная доктрина

Исхаков С.М. «Индия должна быть освобождена мусульманским пролетариатом при помощи Советской России и обязательно до революции в Лондоне...»: коминтерновцы-мусульмане в 1919–1920 гг. №2. С.42

Исхаков С.М. М.-Э.Расулзаде как политик. №5. С.52

Орешин С.А. Генерал А.И.Деникин и Горская Республика: несостоявшийся компромисс. №3. С.84

Россия в мире

Дегоев В.В., Стамова И.И. Русско-европейские отношения как предтеча Северной войны. Ч.II. №1. С.30; Ч.III. №3. С.102

Ковалев М.В. «...За укрепление мира и дружбы»: архивные материалы о международной деятельности академика А.М.Румянцева. №3. С.116; №4. С.24

и Францишку Афонсу Шавиши (1857–1926). №6. С.116

Матвеев С.А. «Он не старался стричь наше историческое прошлое под гребенку предвзятых схем...» Научное наследие Б.А.Евреинова в контексте развития российской исторической науки. №4. С.46

Европейские параллели

Синдеев А.А. Истоки европейской безопасности: внешнеполитическая стратегия ФРГ и Московский договор 1970 г. №4. С.6

Страницы истории

- Груздинская В.С. Юбилей Академии наук СССР в 1945 г. в зеркале иностранных приветственных адресов. №2. С.44
- Жбанкова Е.В. Хореографический досуг на Руси (что и как танцевали наши предки?). №6. С.6
- Иванов А.А. Правый лагерь Российской империи: дискуссионные вопросы современной историографии. №4. С.102
- Киянская О.И. «Люди двадцатых годов». К биографиям Матвея и Сергея Муравьевых-Апостолов. Часть II. №6. С.28
- Мельникова Л.В. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии полковых священников. №4. С.70
- Плех О.А. «В приятнейшей надежде иметь счастье встретить обожаемого всеми монарха», или о том, как в провинции готовились к приезду Николая I. №3. С.20
- Соловьев К.А. Генезис либеральных политических партий в России начала XX в. №6. С.72
- Татаринев И.Е. К вопросу о границах всевеликого войска донского и украинской державы в 1918 г. №1. С.74
- Татаринев И.Е. Проблемы разграничения российско-украинских территорий в середине 1920-х гг. №2. С.40
- Татаринев И.Е. «Слишком часто меняем границы»: уточнение межреспубликанских границ между РСФСР и УССР в 1926–28 годах. №5. С.96
- Ульянова Г.Н. Дворянки – владелицы фабрик и заводов в Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX века. №3. С.50
- Черникова Н.В. Высший суд Российской империи: эволюция Гражданского департамента Государственного совета. №1. С.46
- Черникова Н. В. Органы «универсальной компетенции»: Государственный совет vs Комитет министров. №5. С.76

Актуальный архив

- Зеленов М.В. «Для покрытия всех следов ...» Военно-политический проект Ленина в марте–апреле 1918 г. и финансовая сторона образования финской коммунистической партии. №5. С.120
- Писарькова Л.Ф. «Кахановская комиссия» и реформы 1880–1890-х гг. №2. С.102
- Писарькова Л.Ф. М.М.Сперанский и А.Д.Пазухин: судьба реформаторов и реформ в России. №3. С.160
- Хайлова Н.Б. «Извлечь из пучины забвения старый лозунг: "В единении – сила"»: надежды и тревоги либералов-центристов накануне созыва I Государственной думы. №1. С.120
- Хайлова Н.Б. «Задача не в том, чтобы превратить Россию в рай, а в том, чтобы помешать ей превратиться в ад»: либералы-центристы в I Думе. №2. С.100
- Хайлова Н.Б. «Предупредить разгром либерализма справа и слева»: либералы-центристы в II Дума. №3. С.138
- Хайлова Н.Б. «Если общество перестало верить и в начальство, и в революцию, то оно обязано верить хотя бы в себя»: либералы-центристы в 1907–1914 гг. №4. С.154
- Хайлова Н.Б. «Если цель ясна и средства выбраны верные, то для победы нужны лишь энергия и время»: либералы-центристы в III и IV Государственной думе. №5. С.130
- Хайлова Н.Б. «Будем надеяться, что ... солнце здравого смысла заглянет и к нам»: либералы-центристы от Февраля к Октябрю 1917 г. №6. С.138

Редакционная почта

- Медведев Р.А. «Мир когда-нибудь будет единым, но при этом – многоцветным...»... №1. С.156

The List of All Published Materials in 2010

Theory and Practice of the Political Games

Kurginyan Sergey. Coronavirus COVID-19: or Objectivity Wins Myth or Myth Wins Russia. №3. P.6

Geopolitics and International Policy Issues

Mal'kov Victor. Acid Test for Amerikan Diplomacy. President Wilson and his Consuls in Search for "Russian Dilemma" (the end). №1. P.6

Safarian Levon. The Frenzy of the Brave: The History and Legacy of the Cuban Revolution of 1953–1959. №5. P.6

Resources of Nation

Lupanova Evgeniya. "The Mines ... Have not Yet Been Discovered". Navigational Instruments of the Expedition of Lieutenant A.P.Lazarev in 1819. №5. P.116

Labels and Myths

Lapin Vladimir. The Memory of the "Conquest of Turkestan". The War of Pre-Revolutionary Russia in the Symbolic Dimension. №1. P.96

Lapin Vladimir. "Conquerors of Turkestan". The Main Persons of the Accession of Central Asia in the Historical Memory of Russia. №2. P.70

Yurganov Andrey. About Two Models of "Leninism" in the Internal Party Struggle of the Mid-20s. №2. P.80

Yurganov Andrey. About the first experience of political zombie in the satirical magazine "Crocodile". August 1927. №6. P.100

Zaichenko Ol'ga. German and Russian Cinema in Exile. Part I. Gone by the Wind. №4. P.128; Part II. Cultural Transfer to the USA – Strangers in Hollywood. №5. P.26

National Doctrine

Iskhakov Salavat. "India Must be Liberated by the Muslim Proletariat with the Help of Soviet Russia, and Certainly Before the Revolution in London ...": Muslim Cominterns in 1919–1920. №2. P.50

Iskhakov Salavat. M.-E. Rasulzadeh as a Politician. №5. P.52

Oreshin Sergei. General A.I.Denikin and Mountain Republic: Cancelled Compromise. №3. P.84

Russia in the World

Degoev Vladimir., Stamova Irina. Russian-European Relations as the Forerunner of the Great Northern War (the Continued). Pt.II. №1. P.30; Pt.III: Russia and Sweden (the end). №3. P.102

Kovalev Mikhail. "For the Consolidation of Peace and Friendship": Archival Materials on the International Activities of Academician A.M.Rumyantsev. №3. P.116; №4. P.24

Kovalev Mikhail. Russian-Portuguese Scientific Ties at the turn of the 19th – 20th centuries and Francisco Afonso Chaves (1857–1926). №6. P.116

Matveev Sergei. "He did not try to cut our historical past along the comb of preconceived schemes ..." Scientific heritage of B.A.Evreinov in the context of the development of Russian historical science. №4. P.46

European Parallels

Sindeev Ales. The origins of the European security: German foreign policy strategy and the Moscow Treaty of 1970. №4. P.6

Pages of History

- Chernikova Natal'a. *High Court of Russian Empire: Evolution of the Department of Civil and Religious Affairs*. №1. P.46
- Chernikova Natal'a. *Organs with "universal jurisdiction": State Council vs Committee of Ministers*. №5. P.76
- Gruzdinskaya Viktoriya. *Anniversary of the USSR Academy of Sciences in 1945 in the Mirror of Foreign Congratulatory Addresses*. №2. P.44
- Ivanov Andrey. *The Right-Wing Political Parties of the Russian Empire: Debatable Issues of the Modern Yistoriography*. №4. P.102
- Kiyanskaya Oksana. *People of the 1820s. On the Biographies of Matvey and Sergey Murav'ev-Apostols. Part II*. №6. P.28
- Mel'nikova Lyubov. *Russian-Turkish War of 1877–1878 in the perception of Chaplains*. №4. P.70
- Plekh Olesya. *"In pleasurable hope of receiving a commonly awaited monarch" or how the Province was Preparing for a Visit of Nicholas I*. №3. P.20
- Solov'ev Kirill. *The Genesis of Liberal Political Parties in Russia at the Beginning of the XX century*. №6. P.72
- Tatarinov Igor'. *To the Question About the Borders of the Great Troops Don and Ukrainian Power in 1918*. №1. P. 74
- Tatarinov Igor'. *The Problems of Delimiting Russian-Ukrainian Territories in the Mid-1920s*. №2. P.40
- Tatarinov Igor'. *"We change boundaries too often": Clarification of Inter-Republican Borders Between the RSFSR and the Ukrainian SSR in 1926–28*. №5. P.96
- Ulianova Galina. *Noble Female Entrepreneurs as Factory-Owners in the Russian Empire from the Late Eighteenth to the First Half of the Nineteenth Century*. №3. P.50
- Zhbankova Elena. *Choreographic leisure in Russia (what and how did our ancestors dance?)* №6. P.6

Topical Archive

- Khailova Nina. *"To Remove Oblivion from the Abyss Old Slogan: "In Unity – power": Hopes and Worries of the Liberal Centrists*. №1. P.120
- Khailova Nina. *"The Task is not to Turn Russia into Paradise, but to Prevent it from Turning into Hell": Centrist Liberals in the First Duma*. №2. P.100
- Khailova Nina. *"Prevent the Defeat of liberalism on the right and left": Liberal Centrists and the Second Duma*. №3. P.138
- Khailova Nina. *"If society has ceased to believe both in the bosses and in the revolution, then it is obliged to believe at least in itself": Centrist Liberals in 1907–1914*. №4. P.154
- Khailova Nina. *"If the goal is clear and the means are chosen right, then to gain a victory only energy and time are needed": Centrist Liberals in the III and IV State Duma*. №5. P.130
- Khailova Nina. *"Let's hope that ... the sun of common sense will come to us as well": Liberals-centrists from February to October 1917*. №6. P.138
- Pisar'kova Lyubov'. *"Kakhanovskaya Commission" and the Reforms of the 1880s – 1890s*. №2. P.102
- Pisar'kova Lyubov'. *M.M.Speransky and A.D.Pazukhin: the Fate of Reformers and Reforms in Russia*. №3. P.160
- Zelenov Mikhail. *"To Cover all Traces ..." One of the Aspects of Lenin's Military-Political Project in March–April 1918 and the Financial Side of the Formation of the Finnish Communist Party*. №5. P.120

Readers' Letters

- Medvedev Roy. *"The World will Someday be United, but at the Same Time Multicolored..."* №1. P.156

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс 118643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»**

(Подписка возможна с любого месяца)

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ECS.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную версию журнала
через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

**Журнал можно купить в киосках РОССПЭНа
по 2 адресам:**

- ул. Б. Дмитровка, д.15, тел. 8-495-694-50-07;
- ул. Дмитрия Ульянова, д.19, тел. 8-499-126-94-18

ISSN 0869–8503

**Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2020.
Цена свободная.**

**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-74-79, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 10.01.2021. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11,25 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 100 экз.) Заказ №**

**Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яковлева, 13.**

6. 2020 november-december

Pages of History

Elena Zhbankova

Choreographic leisure in Russia (what and how did our ancestors dance?) _____ 6

Oksana Kiyanskaya

People of the 1820s. On the biographies of Matvey and Sergey Murav'ev-Apostols. Part II _____ 28

Kirill Solov'ev

The genesis of liberal political parties in Russia at the beginning of the XX century _____ 72

Labels and Myths

Svetlana Limanova

“We don't have the National Color”. Symbols of Power and Symbols of the Revolution in Moscow in 1905 _____ 84

Andrey Yurganov

About the first experience of political zombie in the satirical magazine “Crocodile”. August 1927 _____ 100

Russia in the World

Mikhail Kovalev

Russian-Portuguese Scientific Ties
at the turn of the 19th – 20th centuries
and Francisco Afonso Chaves
(1857–1926) _____ 116

Topical Archive

Nina Khailova

“Let's hope that ... the sun of common
sense will come to us as well”:
Liberals-centrists from February
to October 1917 _____ 138

РОССИЯ XXI